МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова»

На правах рукописи

Крехов Сергей Сергеевич

ИТАЛЬЯНСКАЯ КАМПАНИЯ 1859 Г.: ПЕРЕЛОМНЫЙ ЭТАП В ЭВОЛЮЦИИ ВОЕННОГО ИСКУССТВА

Специальность 5.6.2. Всеобщая история

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель
Д.и.н., профессор
Г. Н. Канинская

Ярославль
2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

Глава I. НА ПУТИ К ВОЙНЕ 46

1.1 Франция: цезаризм и «принцип национальностей» 46
1.2 Австрия: неоабсолютизм и слабость Венской системы 64
1.3 Сардиния: «колокольный патриотизм» и движение Рисорджименто 75

Глава II. АРМИИ НА ПОЛЕ БОЯ 88

2.1 Франция: инновации и боевой дух 88
2.2 Австрия: дисциплина без инициативы 124
2.3 Сардиния: армия как символ итальянского единства 151

Глава III. ИТОГИ КАМПАНИИ 169

3.1 Франция: победа и стратегический просчет 169
3.2 Австрия: поражение и кризис империи 186
3.3 Сардиния: между триумфом и разочарованием 193

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 204

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ . 229

ПРИЛОЖЕНИЯ 246

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Итальянская кампания 1859 г., известная в историографии также как Вторая война за независимость Италии, Сардинская война или Австро-итало-французская война относится к числу ключевых событий европейской истории XIX в., поскольку на её примере наглядно проявился переход от классической наполеоновской модели ведения войны к более сложной, индустриализирующейся форме вооружённого противостояния. В ходе войны 1859 г. впервые в общеевропейском масштабе были системно задействованы железные дороги, нарезная артиллерия и модернизированное стрелковое оружие, что существенно повлияло на характер боевых действий. Совокупное воздействие этих факторов привело к качественному изменению характера вооружённого противоборства и заложило основы для формирования «конфликтов нового типа», характерных для второй половины XIX – начала XX вв.

Конкретным подтверждением того, что Итальянская кампания 1859 г. представляла собой своеобразную «лабораторию» наблюдения за новой формой войны, в условиях которой сочетались технические новшества и трансформация морально-психологических основ вооружённой борьбы на примере Российской империи вполне могут послужить наблюдения М. И. Драгомирова (1830–1905), направленного на Апеннинский полуостров в 1859 г. в качестве военного агента (атташе). В своих работах он сумел соединить анализ применения современных средств вооружения с глубоким осмыслением нравственного фактора, который, по его мнению, сыграл решающую роль в обеспечении превосходства французской армии над австрийской. Его выводы не ограничивались тактическими наблюдениями: они затрагивали более широкий круг проблем, связанных с подготовкой личного состава, дисциплиной и боевым духом войск, что придало этим

материалам устойчивое значение для развития отечественной военной мысли второй половины XIX в.

Вторая война за независимость Италии стала также своего рода полигоном практической апробации принципа национальностей в международной политике. Провозгласив ещё в 1852 г., что «Империя означает мир»,[1] Наполеон III (Луи Наполеон Бонапарт, 1808–1873) вкладывал в эту формулу особый политический смысл: устойчивый мир в Европе, по его убеждению, мог быть достигнут лишь через преобразование континента в систему национальных государств. Кампания в Ломбардии, представленная как национально-освободительная, позволила французскому императору публично заявить о миссии Франции как державы – носительницы идей справедливости и прогресса. Вместе с тем данная война привела к заметному ослаблению Венской системы международных отношений, закрепив за Францией роль одного из ключевых инициаторов её пересмотра.

Особую значимость Австро-итало-французская война приобретает и в свете концепции В. Л. Цымбурского (1957–2009) о «сверхдлинных военных циклах».[2] Согласно ей, мировая политика и крупные военные конфликты развиваются в рамках протяжённых исторических ритмов, внутри которых с определённой периодичностью происходит смена доминирующих форм вооружённого противоборства. В этом контексте война 1859 г. может быть рассмотрена как одно из ключевых звеньев подобного цикла: она наглядно продемонстрировала переход от классической династической войны к индустриальной и массовой войне, в которой решающее значение начинают приобретать промышленные технологии, транспортная инфраструктура и мобилизационный потенциал общества. В этом смысле Итальянская кампания выступает связующим звеном между эпохой наполеоновских войн

[1] Gazette nationale ou le Moniteur universel, 12 octobre 1852. № 286.

[2] Цымбурский В. Л. Сверхдлинные военные циклы и мировая политика // Полис. Политические исследования, 1996. № 3.

начала XIX в. и мировыми войнами XX в., обозначая переломный этап в эволюции европейского военного искусства.

Объектом исследования является Итальянская военная кампания 1859 г. как международный вооружённый конфликт середины XIX в.

Предмет исследования - военно-технические инновации и политические особенности Итальянской кампании 1859 г., их влияние на трансформацию европейского военного искусства.

Цель исследования заключается в комплексном анализе причин, хода, итогов Итальянской кампании 1859 г., обосновании её немаловажного значения в процессе перехода от классического к индустриальному типу войны.

Для достижения поставленной цели в диссертации предполагается решение следующих **исследовательских задач**:

1. Раскрыть особенности реализации принципа национальностей во внешней политике Наполеона III в период Итальянской войны 1859 г. и определить её влияние на кризис Венской системы международных отношений и процесс объединения Италии.

2. Проанализировать роль технических новшеств: железных дорог, телеграфной связи, нарезной артиллерии и стрелкового оружия в ходе Итальянской кампании 1859 г. и обосновать её значение как переломного этапа в эволюции военного искусства.

3. Исследовать влияние нравственно-психологических факторов на боеспособность противоборствующих армий и раскрыть значение взглядов на роль морального духа, инициативы и дисциплины военнослужащего на конкретном примере из истории Российской империи.

4. Определить место Итальянской войны 1859 г. в эволюции военного искусства через призму концепции о «сверхдлинных военных циклах».

5. Рассмотреть Итальянскую войну 1859 г. в транснациональной перспективе, выявив основные направления и каналы трансграничной циркуляции национальных идей, людей и военного опыта.

Хронологические рамки исследования охватывают период 1848–1861 гг. Нижняя граница связана с началом Первой войны за независимость Италии и революционных событий 1848–1849 гг., оказавших существенное влияние на развитие итальянского национального движения, трансформацию политической ситуации на Апеннинском полуострове и формирование предпосылок Итальянской кампании 1859 г. Верхняя граница определяется провозглашением в 1861 г. Итальянского королевства, ставшим важнейшим политическим итогом Рисорджименто и завершением одного из ключевых этапов борьбы за объединение Италии.

Методологическая основа исследования.

Диссертация построена по проблемно-хронологическому принципу, что позволило рассмотреть Итальянскую войну 1859 г. как в контексте предшествующего развития европейской системы международных отношений, так и в связи с последующей трансформацией европейского военного искусства и процессом объединения Италии. Поскольку исследование затрагивает проблемы военной истории, истории международных отношений и политической истории Рисорджименто, работа носит междисциплинарный характер. При этом исследование не ограничивается традиционной военно-операционной проблематикой и включает анализ нравственно-психологических факторов вооружённой борьбы. Такой подход соответствует характерному для современной военной истории обращению к «человеческому измерению» войны. Как отмечает А. В. Гладышев, исследователю приходится отходить от традиционного описания полей сражений, манёвров и результатов боевых действий, «все более концентрируясь на культурных и социальных аспектах войны как исторического феномена».[3] В настоящем исследовании данный подход применяется прежде всего при анализе взглядов М. И. Драгомирова на

[3] Гладышев А. В. Антропологический поворот в военной истории // Диалог со временем. 2017. № 59. С. 138–139.

нравственный фактор, боевой дух, дисциплину, инициативу и взаимоотношения между солдатами и офицерами.

В качестве теоретической основы исследования использован **метод триангуляции**, предполагающий рассмотрение изучаемой проблемы с нескольких взаимодополняющих исследовательских позиций. Как верно пишет американский профессор социологии Норман Дензин проблему следует рассматривать «с максимально возможного числа различных методологических позиций».[4] Развивая данный подход, немецкий социолог Уве Флик определяет триангуляцию как рассмотрение исследуемого объекта с различных перспектив, которые могут быть представлены разными методами и теоретическими подходами, а также сочетанием различных видов данных. По его мнению, такое сочетание должно обеспечивать прирост знания за счет получения результатов на разных уровнях, выходящих за пределы возможностей одного исследовательского подхода.[5] Нэнси Картер также обращает внимание на такую функцию триангуляции, как повышение достоверности результатов посредством сопоставления информации, полученной из различных источников.[6]

В настоящем исследовании принцип триангуляции реализуется посредством сочетания нескольких исследовательских подходов, каждый из которых применяется для анализа отдельных аспектов Итальянской кампании 1859 г.

Во-первых, при анализе военно-технических новшеств основное внимание уделено упомянутой во Введении (см. с. 4) концепции «сверхдлинных военных циклов». Согласно этой концепции, Итальянская кампания 1859 г. приходится на завершающий этап второго – экспансивного цикла (1792–1871 гг.), в течение которого ведущие европейские державы

[4] Denzin N. K. The Research Act: A Theoretical Introduction to Sociological Methods. 2nd ed. New York: McGraw-Hill Book Company, 1978. P. 291.
[5] Flick U. Triangulation: Eine Einführung. 2. Aufl. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2008. S. 12.
[6] Carter N., Bryant-Lukosius D., DiCenso A., Blythe J., Neville A. J. The Use of Triangulation in Qualitative Research // Oncology Nursing Forum. 2014. Vol. 41. No. 5. P. 545.

неоднократно вступали в вооружённые конфликты, накапливая боевой опыт и совершенствуя военное искусство. Следуя одной из разновидностей теории циклического анализа, сформулированной В. Л. Цымбурским в конце XX в., Итальянскую кампанию 1859 г. можно рассматривать как важный этап эволюции европейских войн, позволяющий проследить взаимосвязь между технической модернизацией армий, изменением характера вооружённого противоборства и трансформацией международных отношений в условиях кризиса прежней системы политического равновесия. Рассматривая европейскую военную историю как последовательность длительных циклов, обусловленных изменением соотношения между возможностями мобилизации и уничтожения, он в более широком контексте включал Австро-итало-французскую войну в период 1792–1945 гг., обозначенный им как особая эпоха «войн индустриализации и национализма».

Во-вторых, Австро-итало-французская война, подрывая устойчивость Венской системы международных отношений, стала одним из этапов утверждения принципа национальностей в европейской политике. Особенно отчётливо это проявилось во внешней политике Франции Наполеона III и в развитии национального движения на Апеннинском полуострове, способствовавшего постепенному превращению Италии из объекта в субъект международной политики. Такой ракурс позволяет рассматривать кампанию 1859 г. не только как столкновение трёх государств, но и как часть более широкого процесса изменения принципов организации европейского политического пространства.

Наконец, третий уровень триангуляции связан с транснациональной перспективой, получившей широкое развитие в современной исторической науке. В отличие от подходов, рассматривающих исторические события преимущественно в рамках национальных государств, транснациональная история уделяет особое внимание циркуляции идей, военного опыта и политических практик. При этом она не противопоставляется национальной истории, а дополняет её, позволяя выявить влияние трансграничных

взаимодействий на внутреннее развитие государств. Такое понимание транснациональной истории получило развитие в работах Акиры Ириэ[7] и Пьера-Ива Сонье.[8]

Применительно к настоящей диссертации транснациональная перспектива позволяет рассмотреть Итальянскую кампанию 1859 г. не только как вооружённый конфликт между Францией, Сардинским королевством и Австрийской империей, но и как пространство циркуляции и последующего осмысления военного опыта за пределами непосредственно участвовавших в войне государств. С учётом доступной источниковой базы данный процесс исследуется на конкретном примере деятельности находившегося при сардинской армии капитана гвардейского Генерального штаба Российской империи М. И. Драгомирова. Такой выбор соответствует транснациональной исследовательской парадигме: Россия официально не участвовала в войне 1859 г., однако опыт кампании становился предметом непосредственного наблюдения, анализа и последующего переноса в пространство русской военно-теоретической мысли. Тем самым пример М. И. Драгомирова позволяет проследить один из конкретных механизмов трансграничной циркуляции военного опыта и его последующего воздействия на развитие военной мысли Российской империи.

В ходе исследования использовались как **общенаучные методы**: анализ, синтез, индукция, дедукция и описательный метод, так и **специальные исторические методы**: историко-системный, историко-сравнительный, историко-генетический, историко-биографический и историко-типологический.[9]

---

[7] Iriye A. Global and Transnational History: The Past, Present, and Future. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2013.

[8] Saunier P.-Y. Transnational History. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2013.

[9] Барг М.А. Категории и методы исторической науки. М.: Наука, 1984; Могильницкий Б. Г. Введение в методологию истории. М.: Высшая школа, 1989; Репина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю. История исторического знания: пособие для вузов. М.: Дрофа, 2004; Репина Л. П. История через личность: историческая биография сегодня. М.: Квадрига, 2010; Иванов В. В. Методология исторической науки. М.: Высшая школа, 1985; Менщиков И. С. Введение в методологию истории: учебное пособие. Курган: Изд-во

Историко-системный подход даёт возможность проследить взаимосвязь между кризисом Венской системы международных отношений, развитием принципа национальностей и трансформацией европейского военного искусства в середине XIX в. Как отмечает И. Д. Ковальченко, системный характер общественно-исторического развития означает, что «все события, ситуации и процессы этого развития не только каузально обусловлены и имеют причинно-следственную связь, но также и функционально связаны».[10]

Метод анализа применялся при изучении дипломатических документов, материалов военной публицистики, официальных реляций и трудов военных теоретиков, посвящённых Итальянской кампании 1859 г. **Историко-сравнительный метод** использовался при сопоставлении французской, австрийской и сардинской армий, а также при сравнении войны 1859 г. с другими вооружёнными конфликтами XIX в. с целью выявления особенностей перехода от классических форм вооружённой борьбы к индустриальным. **Историко-генетический метод** позволил проследить развитие международно-политических противоречий, приведших к войне 1859 г., а также эволюцию принципа национальностей во внешней политике Наполеона III. **Историко-биографический метод** применялся при анализе взглядов и наблюдений М. И. Драгомирова, что позволило реконструировать восприятие кампании в русской военной мысли второй половины XIX в. **Историко-типологический метод** использовался при рассмотрении Итальянской войны 1859 г. как одного из этапов трансформации европейских войн XIX столетия.

В качестве одного из основных методов исследования использовался выше упомянутый **метод циклического анализа**, основанный на концепции

Курганского государственного университета, 2015; Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006; Мазур Л. Н. Методы исторического исследования: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010.

[10] Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987. С. 184.

В. Л. Цымбурского о «сверхдлинных военных циклах», сформулированной в конце XX в. Использование данного подхода позволяет рассматривать Итальянскую кампанию 1859 г. как важный этап эволюции европейских войн и проследить взаимосвязь между технической модернизацией армий и изменением характера вооружённого противоборства.

Источниковая база исследования включает материалы на русском, французском, немецком и итальянском языках, а также отдельные англоязычные источники. По происхождению и характеру содержащейся информации источники могут быть разделены на пять основных групп.

Всю совокупность источников можно разделить на пять групп. **К первой группе** относятся архивные документы из фондов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА). В фонде Департамента Генерального штаба хранится дело *«О командировании гвардейского Генерального штаба штабс-капитана Драгомирова в Италию для присутствия при Главной квартире Сардинской армии»*.[11]

В состав данного дела входит: рапорт на имя военного министра господина генерал-адъютанта, генерала от артиллерии и кавалера Н. О. Сухозанета (1794–1874) от капитана гвардейского Генерального штаба М. И. Драгомирова, с представлением отчёта *«О виденном в течение нескольких дней, проведённых в армии Сардинской»*; отчёт о поездке и сопроводительные материалы, связанные с пребыванием Драгомирова при сардинской армии.

Драгомирову было поручено обратить особое внимание на ход военных действий, состояние воюющих армий, а также способы применения усовершенствованного в последние годы стрелкового и артиллерийского вооружения. В своих донесениях военному министру Михаил Иванович неоднократно указывал на существующие проблемы «между звеньями военной иерархии» в армии Франца Иосифа I (1830–1916), а также подвергал

[11] РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 872.

критике саму австрийскую военную систему, в рамках которой дисциплина и строевая выучка рассматривались как главная цель, а не средство.

Выпускник Николаевской академии Генерального штаба, Драгомиров рано зарекомендовал себя как одарённый офицер, сочетавший аналитический склад ума с выраженными педагогическими способностями. Уже в 1860-е гг. его имя прочно ассоциировалось с проблематикой военных реформ и поиском новых форм подготовки войск, а в последующий период с деятельностью на посту начальника Николаевской академии Генерального штаба и командующего Киевским военным округом.

Военная мысль Драгомирова формировалась на стыке традиции и новаторства. Признавая исключительное значение наследия А. В. Суворова (1730–1800), он одновременно активно обращался к западноевропейскому военному опыту, прежде всего французскому, а также к философским и общественно-политическим идеям своего времени.

Поворотным моментом в становлении его взглядов стало участие в Итальянской кампании 1859 г. в качестве официального военного наблюдателя. Находясь при штабе сардинской армии, Драгомиров получил возможность непосредственно следить за действиями союзных войск в ходе столкновения с Австрийской империей. В своих записках он последовательно фиксировал не только технические и тактические аспекты боевых операций, но и вопросы организации повседневной службы, внутреннюю жизнь войск и их морально-психологическое состояние.

Изучая события войны в Италии, он обнаружил следующее противоречие: австрийский солдат, хорошо обученный, дисциплинированный и отлично знавший службу, оказался неспособным удержать позиции и уступил французским войскам. Причину такого исхода Драгомиров усматривал не в «национальных качествах» людей, а в системе воспитания и организации армии. По его мнению, чрезмерное внимание к формальной дисциплине лишило войска Габсбургов подлинной стойкости и инициативы.

Эти наблюдения определили центральный лейтмотив драгомировской военной мысли: решающее значение в бою имеет не техника сама по себе, а нравственная сила войск, основанная на доверии солдата к командиру и умении офицеров быть ближе к своим подчинённым. В дальнейшем именно моральный фактор Михаил Иванович сделает краеугольным камнем своей педагогической и теоретической системы.

Кроме того, в архиве содержатся рапорты и донесения исполняющего обязанности военного агента в Париже полковника Гасфорда, посвящённые подготовке Франции к войне,[12] а также материалы русского военного агента во Франции П. А. Шувалова (1830–1908), находившегося при дворе Наполеона III в период Итальянской кампании.[13]

В апреле 1859 г. Павел Андреевич Шувалов был направлен военным агентом во Францию. В ходе Сардинской войны он находился при штаб-квартире французской армии, непосредственно наблюдал за действиями армии Наполеона III и регулярно направлял в Санкт-Петербург донесения о ходе кампании, применении новых образцов вооружения и особенностях организации военных действий. За успешное выполнение дипломатических и военных поручений Шувалову в 1859 г. было пожаловано звание флигель-адъютанта, а в 1860 г. он был произведён в полковники.

Донесения Шувалова представляют значительный интерес как источник по истории Итальянской кампании. В отличие от работ М. И. Драгомирова, сосредоточенных преимущественно на вопросах тактики, боевой подготовки и нравственного фактора, материалы Шувалова в большей степени посвящены анализу технических инноваций, использовавшихся в ходе войны 1859 г.

Вторую группу источниковой базы по Итальянской кампании 1859 г. составляют опубликованные официальные документы военных и дипломатических ведомств, прежде всего Франции. Одним из таких изданий

[12] РГВИА. Ф. 440. Оп. 1. Д. 169.
[13] РГВИА. Ф. 440. Оп. 1. Д. 170.

является опубликованная в 1859 г. *«История Итальянской войны: документы и официальные донесения»,*[14] включающая французские прокламации, реляции, приказы, доклады, а также краткие биографические очерки монархов и военачальников. Издание дополнено серией высокохудожественных гравюр, отражающих ключевые эпизоды войны, что было типично для официальной военно-исторической печати Второй империи.

К числу наиболее значимых официальных публикаций относится и издание *«Официальные документы по Итальянской кампании 1859 года»,*[15] выпущенное Военно-топографическим депо Франции в 1860 г., вскоре после завершения войны. Сборник содержит тексты докладов, реляций, приказов дня, прокламаций и диспозиций французской армии, а также выдержки из дипломатической переписки и отчётов, связанных с основными боевыми действиями кампании, прежде всего сражениями при Мадженте и Сольферино. Данный корпус документов представляет особую ценность для реконструкции оперативного хода войны и системы управления французскими войсками.

Третья группа источниковой базы Итальянской кампании 1859 г. включает в себя периодическую печать и публицистику. В Государственной публичной исторической библиотеке России (ГПИБ) хранятся выпуски *«Инженерного журнала»* за 1857–1862 и 1863–1866 гг., на страницах которого М. И. Драгомиров опубликовал свой *«Обзор Итальянской кампании 1859 года»,*[16] который в ряде публикаций и библиографических указателей ошибочно фигурирует под названием *«Очерки австро-итало-французской войны 1859 г.».* Данный труд выходил частями в следующих номерах журнала:

---

[14] Histoire de la guerre d'Italie documents et rapports officiels. Paris: Gaittet, imprimeur-éditeur, 1859.

[15] Documents officiels sur la campagne d'Italie en 1859. Paris: Librairie militaire, maritime et polytechnique J. Corréard, 1860.

[16] Драгомиров М. И. Обзор итальянской кампании 1859 года // Инженерный журнал. СПб: Типография Николая Тиблена и комп. 1861-1864.

– Инженерный журнал. — 1861. — № 1. — С. 1–15;

– Инженерный журнал. — 1861. — № 6. — С. 503–516;

– Инженерный журнал. — 1862. — № 3. — С. 215–225;

– Инженерный журнал. — 1863. — № 2. — С. 135–197;

– Инженерный журнал. — 1863. — № 5. — С. 601–648;

– Инженерный журнал. — 1863. — № 6. — С. 811–843;

– Инженерный журнал. — 1864. — № 3. — С. 315–381.

«Обзор Итальянской кампании 1859 года», представляет собой систематическое изложение хода кампании с анализом стратегических замыслов сторон, построения операций и характеристикой армий, участвовавших в войне. В отличие от рапорта, в «Обзоре» М. И. Драгомиров выступает уже не как непосредственный наблюдатель, а как аналитик, стремящийся обобщить итальянский опыт с точки зрения его практической пользы для русской армии.

Работа сочетает описание боевых действий с рассуждениями о принципах ведения войны. Особое место в ней занимают размышления о взаимосвязи техники и морали, системы командования и войскового духа. Драгомиров подчёркивает, что успех французской армии объясняется не столько численным перевесом или совершенством вооружения, сколько гибкостью управления, взаимным доверием между солдатами и офицерами и умением соединить дисциплину с инициативой. Австрийская армия, напротив, выступает у него примером чрезмерной централизации, формализма и безжизненной исполнительности, при которой обучение перестаёт быть средством воспитания и превращается в самоцель.

К теме Итальянской кампании 1859 г. Михаил Иванович неоднократно возвращался в последующие годы в своих научных и публицистических работах. Значительная часть его статей была впоследствии включена в

«Сборник оригинальных и переводных статей Драгомирова»,[17] изданный в Санкт-Петербурге в типографии В. С. Балашова.

Важным подспорьем послужила *«Национальная газета, или Универсальный вестник»*[18] – официальный печатный орган Второй империи, выходивший в Париже и выполнявший функции правительственной газеты. В период войны 1859 г. служил основным каналом официальной информации о ходе Итальянской кампании.

На страницах газеты регулярно публиковались прокламации Наполеона III, приказы по армии, официальные реляции с театра военных действий, а также дипломатические ноты и коммюнике Министерства иностранных дел Франции. Материалы газеты отражают официальную позицию правительства и позволяют реконструировать формируемый властями образ войны, однако требуют критического подхода вследствие их пропагандистского и апологетического характера.

«Венская газета»[19] в 1859 г. выполняла функции официального печатного органа австрийского правительства, издававшегося в Вене. На её страницах регулярно публиковались императорские указы и рескрипты Франца Иосифа I, приказы по армии, официальные реляции Главной квартиры, сообщения Министерства иностранных дел и Военного министерства, а также официальные отчёты и корреспонденции с театра военных действий.

За событиями Итальянской войны 1859 г. «со стороны» наблюдала газета *«Санкт-Петербургские ведомости»*[20] – одно из старейших

---

[17] Драгомиров М. И. Сборник оригинальных и переводных статей М. Драгомирова. 1858-1880. СПб: Типография В.С. Балашова. 1881. Т.1.

[18] Gazette nationale ou le Moniteur universel. URL: https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/cb34452336z/date1859 (дата обращения 20.05.2026).

[19] Wiener Zeitung. URL: https://anno.onb.ac.at/cgi-content/anno?datum=1859&zoom=33 (дата обращения 20.05.2026).

[20] Санкт-Петербургские ведомости. URL: https://primo.nlr.ru/primo-explore/search?query=lsr24,exact,UPNLR01010131500,AND&query=lsr07,exact,1859,AND&tab=default_tab&search_scope=default_scope&sortby=lso04&vid=07NLR_VU1&lang=ru_RU&mode=advanced&offset=0 (дата обращения: 20.05.2026).

периодических изданий Российской империи, основанное в 1728 г. при Академии наук. К середине XIX в. газета превратилась в официально-информационный орган правительства, находившийся в ведении Министерства народного просвещения и отличавшийся сравнительно умеренным цензурным режимом.

Во время Итальянской кампании 1859 г. на страницах *«Санкт-Петербургских ведомостей»*, прежде всего в разделе «Общее обозрение», а также в рубрике «Телеграфские депеши», регулярно публиковались сообщения о ходе военных действий и дипломатических событиях, связанных с конфликтом. Материалы газеты позволяют проследить официальную интерпретацию войны в российском информационном пространстве и реакцию правительственных кругов на развитие международной ситуации.

«Русский инвалид»[21] – официальная военная газета Российской империи, основанная в 1813 г. первоначально как издание для сбора средств в пользу раненых воинов Отечественной войны 1812 г. В последующий период газета превратилась в ведущий печатный орган Военного ведомства, находившийся под контролем Главного штаба и Военного министерства.

В период Итальянской кампании 1859 г. *«Русский инвалид»* регулярно публиковал официальные бюллетени иностранных генеральных штабов, переводы телеграфных сообщений и комментарии военных корреспондентов. Материалы издания позволяют проследить восприятие войны в среде русского военного сообщества и оценить уровень осведомлённости и интерпретации зарубежных событий в профессиональной военной печати Российской империи.

---

[21] Русский инвалид. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004907700/?year=1859&volumes=page-10 (дата обращения 20.05.2026).

Объемный публикации аналитического характера печатались в ежемесячном журнале *«Военный сборник»*.[22] Он издавался Главным штабом Военного министерства Российской империи с 1858 г. и задумывался как ведомственное научно-публицистическое издание, ориентированное на офицерский корпус, где быстро стал центральной площадкой русской военной мысли второй половины XIX в. На его страницах публиковались аналитические статьи, обзоры зарубежных армий, переводы трудов иностранных военных теоретиков, рецензии на военную литературу, а также разборы современных военных кампаний.

В ходе Итальянской кампании 1859 г. *«Военный сборник»* регулярно помещал аналитические материалы, посвящённые действиям франзуско-сардинских и австрийских войск, вопросам стратегии, тактики и организации армий.

Ценный материал для изучения процесса формирования итальянской национальной идентичности представляет иллюстрированная периодическая печать, в карикатурах которой прослеживается изменение образа Италии: от объекта соперничества великих держав к самостоятельному субъекту европейской политики.

На страницах британского журнала «Удар»[23] Итальянская кампания 1859 г. получила широкое освещение в сатирическом ключе. Публиковавшиеся в журнале карикатуры отражали британское восприятие происходивших событий, внешней политики Наполеона III, франко-австрийского противостояния и процесса объединения Италии. Они представляют интерес не только как иллюстративный материал, но и как источник для изучения общественного восприятия войны.

---

[22] Военный сборник. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_008744743/?year=1859 (дата обращения 20.05.2026).

[23] Punch – digital. URL: https://www.ub.uni-heidelberg.de/helios/fachinfo/www/kunst/digilit/punch.html?utm (дата обращения 20.09.2026).

Американский «Еженедельник Харпера»,[24] также регулярно освещал европейские события. На его страницах публиковались материалы, посвящённые Итальянской кампании 1859 г., её основным участникам и важнейшим событиям войны, сопровождавшиеся многочисленными иллюстрациями. Материалы издания позволяют проследить восприятие конфликта американской периодической печатью и представляют особую ценность как источник визуальных образов войны и её участников.

В числе «сторонних наблюдателей» также заслуживают внимания публицистические произведения Карла Маркса (1818–1883)[25] и Фридриха Энгельса (1820–1895),[26] представленные газетными статьями и самостоятельными политическими брошюрами. Несмотря на выраженную политическую ангажированность авторов, эти материалы представляют ценность как свидетельство восприятия войны современниками. Маркс и Энгельс рассматривали Итальянскую кампанию в контексте кризиса Венской системы, развития национальных движений и изменения соотношения сил между европейскими державами. Особое значение для настоящего исследования имеют их оценки политики Наполеона III и Австрийской империи, а также перспектив объединения Италии.

Мемуары и источники личного происхождения составляют **четвертую группу источников.**

Среди источников личного происхождения выделяется книга Анри Дюнана (1828–1910) *«Воспоминание о битве при Сольферино»*,[27] впервые опубликованная в 1862 г. и представляющая собой уникальное свидетельство, связанное с Итальянской кампанией 1859 г. В отличие от трудов военных офицеров и штабных историй, сосредоточенных на

[24] Harper's weekly. URL: https://catalog.hathitrust.org/Record/000061498 (дата обращения 20.09.2026).
[25] Маркс К. Виллафранкский договор. URL: https://lugovoy-k.narod.ru/marx/13/55.htm (дата обращения 26.05.2026).
[26] Энгельс Ф. Савойя, Ницца и Рейн. URL: https://lugovoy-k.narod.ru/marx/13/78.htm (дата обращения 26.05.2026).
[27] Дюнан А. Воспоминание о битве при Сольферино. / пер. с фр. М.: Международный Комитет Красного Креста, 2009.

стратегических замыслах, манёврах и результатах сражений, произведение Дюнана носит характер личного и эмоционального отклика очевидца на последствия битвы при Сольферино.

Находясь в районе боевых действий по коммерческим делам, Дюнан столкнулся с последствиями сражения, проявившимися в отсутствии организованной медицинской помощи, острой нехватке врачей и санитаров, использовании церквей и школ в качестве временных лазаретов и массовых человеческих страданиях. Эти впечатления легли в основу его книги, оказавшей значительное влияние не только на восприятие войны современниками, но и на формирование гуманитарных инициатив второй половины XIX в.

Весомый научный интерес представляют также произведения Наполеона III. Особое значение имеют его политические сочинения, мемуарные тексты и исторические работы, прежде всего *«История Юлия Цезаря»,*[28] а также более ранние программные произведения, посвящённые вопросам государственного устройства, социального развития и внешней политики.[29] Данные работы позволяют реконструировать мировоззрение французского императора, его понимание принципа национальностей, представления о роли сильной власти и исторической миссии Франции в Европе.

Заслуживает внимание труд Джузеппе Массари *«Генерал Альфонсо Ла Марамора: биографические воспоминания»*[30] представляет собой биографическое сочинение мемуарного типа, отражающее восприятие военной и политической деятельности одного из ключевых представителей пьемонтской военно-государственной элиты эпохи Рисорджименто – генерала Альфонсо Ла Мараморы.

[28] Наполеон III. История Юлия Цезаря. Т. 1–2. СПб.: М. О. Вольф, 1865-1866.
[29] Napoléon III. Oeuvres de Napoléon III. T. 1. Paris: Plon, 1869.
[30] Massari G. Il generale Alfonso La Marmora: ricordi biografici. Firenze: G. Barbèra, 1880.

В отличие от официальных штабных историй и нормативных военных обзоров, ориентированных на реконструкцию кампаний и анализ оперативных решений, работа Массари сосредоточена на формировании целостного образа Ла Мараморы как государственного военного деятеля.

Автор уделяет особое внимание участию Ла Мараморы в событиях Итальянской войны 1859 г., а также его роли в управлении армией и государством в период становления объединённой Италии.

Ещё один важный источник – это *«Мемуары Джузеппе Гарибальди»,*[31] в которых события Итальянской кампании 1859 г. представлены с точки зрения командира добровольческого подразделения «Альпийских охотников» (*Cacciatori delle Alpi*). Данный источник позволяет рассмотреть войну сквозь призму революционного добровольческого движения, что отличает его от официальных интерпретаций, характерных для регулярных армий и государственных институтов.

Гарибальди воспринимал кампанию 1859 г. как один из этапов национально-освободительной войны и открыто заявлял о своих республиканских убеждениях. Мемуары демонстрируют его политический прагматизм: ради достижения цели объединения Италии он согласился на союз с Савойской монархией и пошёл на сотрудничество с кабинетом Кавура. Одновременно с этим, автор подчеркивает своё неприятие к Наполеону III и не скрывает своего критического отношения к туринскому правительству.

Пятую группу источников составляют картографические материалы, использованные для характеристики театра военных действий и пространственного анализа Итальянской кампании 1859 г.

Степень научной разработанности проблемы.

Исследование Сардинской войны 1859 г. сформировалось на стыке военной истории, истории международных отношений и политической

[31] Гарибальди Дж. Мемуары / пер. с ит. В. С. Бондарчука и Ю. А. Фридмана. М.: Наука, 1966.

истории Рисорджименто. В общем контексте события войны рассматриваются практически во всех обобщающих трудах, посвящённых ключевым процессам и событиям европейской истории XIX в.[32] В той или иной степени они затрагиваются и в исследованиях по истории отдельных государств – участников конфликта,[33] так и в узкоспециализированных работах, посвящённых отдельным аспектам кампании.[34]

События Итальянской кампании 1859 г. рассматривались также в отдельных научных статьях.[35] Авторы уделяли внимание преимущественно

---

[32] Taylor A. J. P. The Struggle for Mastery in Europe, 1848–1918. Oxford: Clarendon Press, 1954. P. 99–125; Mowat R. B. A History of European Diplomacy, 1815–1914. London: Edward Arnold, 1922. P. 131–142; Fyffe C. A. A History of Modern Europe, 1792–1878. London: Cassell & Company, 1896; Seignobos C. A Political History of Europe Since 1814. New York: Henry Holt and Company, 1907; Hinsley F. H. Power and the Pursuit of Peace: Theory and Practice in the History of Relations between States. Cambridge: Cambridge University Press, 1967. P. 238–243.

[33] Манфред А. З. История Франции: в 3 т. Т. 2. М.: Наука, 1972; История Италии: в 3 т. Т. 2 / под ред. К. Ф. Мизиано (отв. ред.), И. В. Григорьевой, Н. П. Комоловой, З. М. Цыпкиной. М.: Наука, 1970; Пристер Е. Краткая история Австрии. М.: Издательство иностранной литературы, 1952; Duruy V. A History of France. New York: Thomas Y. Crowell & Company, 1889. P. 653–654; Steed H. W., Phillips W. A., Hannay D. A Short History of Austria-Hungary and Poland. London: The Encyclopedia Britannica Company, Ltd., 1914. P. 21–22; King B. A History of Italian Unity: Being a Political History of Italy from 1814 to 1871. Vol. II. London: James Nisbet & Co., Limited, 1899. P. 68–83; Hasluck E. L. A Short History of Modern Europe from the French Revolution to the Great War. London: University of London Press, Ltd., 1916. P. 102–104.

[34] Blumberg A. A Carefully Planned Accident: The Italian War of 1859. Selinsgrove: Susquehanna University Press, 1990; Turnbull P. Solferino: The Birth of a Nation. New York: St. Martin's Press, 1985; Cipolla C. Il crinale dei crinali. La battaglia di Solferino e San Martino. Milano: FrancoAngeli, 2009; Pavlovic D. The Austrian Army 1836–66 (1): Infantry. Oxford: Osprey Publishing, 1999; Pavlovic D. The Austrian Army 1836–66 (2): Cavalry. Oxford: Osprey Publishing, 1999; Skizze des Feldzuges 1859 in Italien. Von einem süddeutschen Offizier. 2. Aufl. Wien: Druck und Verlag von Carl Gerold's Sohn, 1859; Arrivabene C. Italy under Victor Emmanuel: A Personal Narrative. Vol. I. London: Hurst and Blackett, 1862; Achard A. Montebello, Magenta, Marignan: lettres d'Italie (mai et juin 1859). Paris: Hachette, 1859; Lebrun B. Souvenirs des guerres de Crimée et d'Italie. Paris: E. Dentu, 1889; Bourelly, général. Souvenirs de la campagne de 1859 en Italie. Paris: Combet & Cie; Ridley J. Napoleon III and Eugenie. New York: The Viking Press, 1980.

[35] Pécout G. Cavour, Napoléon III et le rattachement de Nice à la France // Actes du colloque Histoire et archéologie méditerranéennes sous Napoléon III. 2011. P. 1–21; Boyer F. Armes et munitions vendues en 1860 par Napoléon III à Victor-Emmanuel II // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 1962. Vol. 9. № 3. P. 211–218; Bourrier M. Le comté de Nice: enjeu et théâtre de cinq siècles de guerres pour devenir français (1388–1860) // Actes des congrès nationaux des sociétés historiques et scientifiques. 2015. P. 21–33.; Barelli H. L'école française fut-elle un élément d'intégration privilégiée? L'exemple du Comté de Nice (1860–1914) // Raison présente. 1988. № 86. P. 145–159; Baradat P. Du Second Empire à la réorganisation de 1875:

дипломатическим и политическим вопросам, в том числе отношениям Франции и Сардинского королевства, политике Наполеона III и последствиям войны для процесса объединения Италии. В ряде публикаций затрагивались также особенности военной организации, материально-технического обеспечения войск и общественного восприятия конфликта. Эти исследования дополняют обобщающие труды, позволяя более подробно рассмотреть отдельные аспекты кампании.

Следует отметить, что историография Итальянской войны 1859 г. в значительной мере формировалась за рубежом. Уже со второй половины XIX в. появились капитальные труды: от военно-аналитических очерков Виллисена и Бартберга до официальных историй генеральных штабов Австрии и Франции. В России же интерес к войне ограничивался в основном контекстом более широких сюжетов. Отечественные историки и военные теоретики обращались к этому конфликту в контексте международных отношений или общей эволюции военного искусства, не создавая самостоятельных комплексных исследований данной кампании. В качестве примера приведём несколько выдержек из данных работ. А.З. Манфред в многотомном издании «История Франции» отмечал, что «Итальянская война (апрель-июль 1859 г.), в которую Наполеон III вступил на стороне Сардинского королевства (Пьемонта) под предлогом освобождения Италии от австрийского господства, на деле должна была служить династическим

L’émergence d’une arme // Revue historique des armées. 1978. № 3. P. 57–76; Guettard J. Les conditions d'intervention du Comité international de la Croix Rouge avant belligérance // Annuaire français de droit international. 1956. Vol. 2. P. 353–366; Ferragu G. Rome et la romanité, de Napoléon III aux sœurs latines // Histoire et archéologie méditerranéennes sous Napoléon III. 2011. P. 23–35; Koch U. E. Satire et pouvoir à Berlin: des passions de 1848 à l’ordre bismarckien // Matériaux pour l’histoire de notre temps. 1992. № 28. P. 12–15; Sturdza M. D. La Russie et la désunion des principautés roumaines, 1864–1866 // Cahiers du monde russe et soviétique. 1971. Vol. 12. № 3. P. 247–285; Le Bohec Y. Napoléon III et Alésia // Histoire et archéologie méditerranéennes sous Napoléon III. 2011. P. 95–108; Laronde A. Qui conseillait Napoléon III en matière d'archéologie et d'histoire? // Histoire et archéologie méditerranéennes sous Napoléon III. 2011. P. 57–67; Nadalini G. L'acquisition du musée Campana et ses implications dans la recherche archéologique du Second Empire // Histoire et archéologie méditerranéennes sous Napoléon III. 2011. P. 69–94; Sève M. Les missions scientifiques en Grèce du Nord et en Macédoine sous Napoléon III // Histoire et archéologie méditerranéennes sous Napoléon III. 2011. P. 109–124.

целям французского императора – укрепить влияние Франции в северной Италии, принести империи территориальное приращение и тем самым упрочить внутренние позиции бонапартистского правительства».[36]

Характеризуя общественные настроения в Сардинском королевстве в начале войны, британский историк Болтон Кинг подчёркивал готовность пьемонтского общества к предстоящему противостоянию с Австрией: «И с этой отчаянной решимостью нация вступила в борьбу. Уже через неделю Турин мог оказаться во власти неприятеля; поражение означало уничтожение свободы и независимости, победа требовала неисчислимых жертв и страданий; однако не было ни колебаний, ни чего-либо, что могло бы поколебать спокойную уверенность, веру в короля и министра, давших Италии столь блестящую возможность».[37]

По мнению коллектива авторов «Истории Австро-Венгрии и Польши» «Изоляция Австрии уже отчётливо проявилась на Парижском конгрессе, где Кавур, полномочный представитель Сардинии, открыто заявил перед собравшейся Европой о неприемлемости австрийского господства в Италии. Это особенно ярко проявилось во время кампании 1859 г., когда Сардиния в союзе с Францией заложила основы объединённой Италии».[38]

Не вдаваясь дальше в цитирование произведений общего характера, остановимся по порядку на характеристике некоторых, оказавших наибольшее значение для написания диссертации.

Уже в 1860–1870-е гг. появились первые работы, составленные при участии генеральных штабов и имевшие целью систематизацию боевого опыта Итальянской войны 1859 г. Среди них особое место занимает труд

[36] Манфред А. З. История Франции. С. 351.
[37] King B. A History of Italian Unity: Being a Political History of Italy from 1814 to 1871. P. 70.
[38] Steed H. W., Phillips W. A., Hannay D. A Short History of Austria-Hungary and Poland. P. 21-22.

прусского военного теоретика Гельмута фон Мольтке-старшего (1800–1891) – «*Итальянская война 1859 года*».[39]

Подготовленный при участии военно-исторического отделения Прусского генерального штаба, данный труд отличается характерной для немецкой военной науки ориентацией на оперативно-стратегический анализ. Автор, не располагая доступом к архивам воюющих сторон, предпринял попытку реконструкции хода кампании на основе официальных сообщений, материалов периодической печати и собственных наблюдений. К числу несомненных достоинств работы относятся ясность изложения событий, профессиональная компетентность автора и детальное описание ключевых сражений при Мадженте и Сольферино. Особое внимание уделено техническим новшествам: использованию железных дорог и телеграфа, возросшей роли стрелкового оружия и нарезной артиллерии. В этом отношении труд Г. Мольтке является одним из первых системных свидетельств трансформации характера войны во второй половине XIX в.

В то же время ярко выраженный «прусский угол зрения» представляет собой характерную особенность данного исследования. Будучи образцом штабной истории, работа Г. Мольтке уделяет существенно меньше внимания политическим и дипломатическим аспектам конфликта, концентрируясь преимущественно на маршах, манёврах и сражениях, что в целом было типично для военно-исторической литературы второй половины XIX в. Причины войны и её международный контекст описываются лишь в самых общих чертах, после чего автор практически сразу переходит к изложению боевых действий.

Таким образом, труд Г. Мольтке представляет собой фундаментальное исследование, на длительное время определившее восприятие Итальянской кампании 1859 г. как конфликта нового типа. Работа сохраняет значительную ценность для изучения вопросов стратегии и тактики, хотя в свете более

[39] Мольтке Г. Итальянская война 1859 года. СПб.: Типография Департамента Генерального штаба, 1862.

поздних публикаций и расширения источниковой базы требует критического прочтения. Для историографии войны её значение заключается не только в конкретных выводах, но и в заданных стандартах военного анализа: внимании к численным данным, логистике и техническим аспектам вооружённой борьбы.

Главному сражению войны 1859 г. М. И. Драгомиров посвятил отдельное исследование под названием: *«Сольферинская битва (с двумя планами)».*[40] В нём он вспоминает и подробно разбирает крупнейшее и наиболее кровопролитное столкновение австро-итало-французской войны, состоявшееся 24 июня 1859 г. между объединёнными силами Франции и Сардинии и австрийской армией. Полем боя стали равнинные окрестности деревни Сольферино в Ломбардии – пространство, где развернулась схватка, определившая исход кампании и приведшая к последующему перемирию.

В 1860 г. Драгомиров был назначен адъюнкт-профессором Николаевской академии Генерального штаба, где начал преподавать тактику; среди его слушателей находился наследник-цесаревич, будущий император Александр III (1845–1894). Позднее, в царствование Александра II (1818–1881), Драгомиров станет одним из ключевых реформаторов русской армии, а полученный им итальянский опыт, сыграет в этом определяющую роль.

Среди обобщающих военно-исторических работ конца XIX в. следует отметить *«Обзор кампании 1859 года в Италии»,*[41] опубликованный в русском переводе в 1890 г. Работа посвящена причинам войны, состоянию вооружённых сил противоборствующих сторон и ходу боевых действий. Особую ценность представляет систематизация в ней предшествующей военно-исторической литературы: в основу обзора были положены официальные французские и австрийские труды, прусское описание кампании, а также работы других военных авторов.

---

[40] Драгомиров М.И. Сольферинская битва. (с двумя планами). СПб: Типография Николая Тиблена и комп. 1861.

[41] Обзор кампании 1859 года в Италии / пер. с фр. Генерального штаба капитаном В. Клембовским. СПб.: В. Березовский, 1890.

Сразу после завершения кампании 1859 г. французское Военно-историческое депо (Dépôt de la guerre) в 1860 г. подготовило официальное издание: *«Итальянская кампания императора Наполеона III в 1859 году»*,[42] составленное на основе официальных документов под руководством генерала Люсьена-Антуана Блонделя при министре войны маршале Жаке-Луи-Сезаре Рандоне (1795–1871). Книга была опубликована в крупном формате и сопровождалась развернутыми атласами походов и сражений, включавшими детализированные карты, схемы и ежедневную фиксацию передвижений войск. С точки зрения полиграфического и картографического исполнения данный труд являлся одним из наиболее совершенных образцов военной печати своего времени.

Однако по содержанию он несёт на себе ярко выраженный отпечаток официальной идеологии Второй империи. История кампании подана как непрерывный ряд победоносных шагов французского оружия под непосредственным предводительством императора, чьё имя вынесено в сам заголовок книги. Вся структура повествования выстроена таким образом, чтобы подчеркнуть решительность, мудрость и стратегический талант Наполеона III, тогда как неудобные вопросы: причины поспешного заключения мира, высокие потери, трудности снабжения и конфликт союзников остаются на периферии или трактуются в выгодном Франции ключе. Атмосфера текста источает характерный для государственных публикаций имперский официоз, стремление возвеличить режим и оправдать его внешнеполитический курс.

Таким образом, *«Итальянская кампания императора Наполеона III в 1859 году»* представляет собой не только ценный сборник документальных и картографических материалов, но и характерный памятник политической культуры Второй империи, в котором военно-историческое повествование

[42] Campagne de l’Empereur Napoléon III en Italie en 1859. Rédigée au Dépôt de la guerre d'après les documents officiels étant directeur le général Blondel sous le Ministère de son excellence le maréchal comte Randon. Paris: Imprimerie impériale, 1860–1861.

подчинено задачам государственной власти. Для исследователя данный труд важен своей двойственной природой: с одной стороны, как источник точных сведений о ходе кампании, с другой, как образец официального нарратива, формировавшего в общественном сознании образ императора-победителя.

В отличие от французского официального издания, опубликованного почти сразу после завершения войны, австрийский штабной труд *«Война в Италии 1859 года»*[43] появился с заметной задержкой. Трёхтомная история кампании была издана в Вене лишь в 1872–1876 гг. и подготовлена Историческим отделом Генерального штаба Австрийской империи. Подобная отсрочка имела двойное значение: с одной стороны, авторы располагали более широкими возможностями для работы с архивными материалами и могли оценить события в ретроспективе, с другой, издание оказалось вписано уже в новую политическую реальность дуалистической монархии после 1867 г., когда поражение 1859 г. осмысливалось сквозь призму последующих военных и политических неудач, прежде всего войны с Пруссией 1866 г.

Трёхтомник представляет собой системное и обстоятельное изложение Итальянской кампании 1859 г.

Первый том посвящён политико-дипломатическим предпосылкам конфликта и вопросам мобилизации. В нём отчётливо прослеживается официальная позиция венского двора, трактующая войну как вынужденную и навязанную Австрии в результате провокационной политики Сардинии и Франции. В нём подробно рассматриваются мобилизация и сосредоточение армий, первые операции австрийских войск, сражения при Монтебелло и Палестро, действия Гарибальди и наступление союзных войск вплоть до сражения при Мадженте.

Второй том посвящён дальнейшему ходу кампании после Мадженты и основным боевым действиям июня 1859 г. В центре внимания находятся

[43] Der Krieg in Italien, 1859: Nach den Feld-acten und anderen authentischen Quellen. Bd. III. Wien: Generalstabes in Commission bei C. Gerold's Sohn, 1876.

отступление и перегруппировка австрийской армии, продвижение союзных войск в Ломбардии и последующие операции, завершившиеся Сольферинским сражением 24 июня 1859 г. Изложение сопровождается подробным рассмотрением действий отдельных соединений и решений командования, а также значительным количеством оперативных и справочных материалов.

Третий том посвящён событиям на второстепенных театрах военных действий, прежде всего в Тироле и Далмации, положению австрийских крепостей и гарнизонов, а также действиям флота. Завершающая часть тома охватывает прекращение военных действий, предварительный мир в Виллафранке и последовавшие дипломатические переговоры, завершившиеся заключением Цюрихского мира.

Среди сильных сторон работы можно отметить: использование обширного массива архивных материалов Генерального штаба (приказы, донесения, реляции) а также более взвешенный аналитический подход по сравнению с французским официальным изданием. Австрийские авторы уделяют больше внимания организационным трудностям, проблемам снабжения и координации между корпусами.

В то же время работа обладает и рядом существенных недостатков. Подобно французскому труду, она несёт на себе отпечаток официального нарратива, хотя и в ином ключе. Авторы стремятся оправдать действия австрийского командования и прежде всего главнокомандующего фельдцейхмейстера Ференца Гюлая (Франца Дьюлаи) (1798–1868), перекладывая ответственность за неудачи на «объективные обстоятельства»: особенности театра военных действий, погодные условия и логистические сложности. В тексте отчётливо прослеживается стремление сохранить «честь австрийского оружия и подчеркнуть стойкость армии даже в условиях поражения, тогда как внутренние проблемы: недостаточная подготовка войск, устаревшая тактика, инерционность штабной системы либо

формулируются крайне обтекаемо, либо объясняются случайными факторами.

Таким образом «Война в Италии 1859 года» является зеркальным отражением французского труда. Если *«Итальянская кампания императора Наполеона III в 1859 году»* рассказывает историю победителя, то венское издание стремится сгладить горечь поражения и переложить акцент с стратегических ошибок на «неблагоприятные обстоятельства». Для исследователя XIX в. обе работы ценны именно своей двуединой природой: богатые документальные собрания и тексты, одновременно с этим встроенные в политико-идеологические задачи режимов.

Прусский генерал и военный публицист Вильгельм фон Виллисен (1790–1879) в 1868 г. опубликовал труд «Военные кампании 1859 и 1866 годов»,[44] в котором предпринял попытку обобщить опыт двух крупных вооружённых конфликтов: Итальянской войны 1859 г. и Австро-прусской войны 1866 г. Данная работа представляет собой характерный пример независимого военно-теоретического исследования, созданного вне рамок официальной штабной историографии и ориентированного на извлечение стратегических уроков для Пруссии и германских государств.

Труд В. Виллисена построен как аналитический разбор действий французско-сардинской и австрийской армий. Автор уделяет значительное внимание вопросам подготовки войск, стратегическим замыслам сторон и анализу ключевых сражений кампании, прежде всего при Мадженте и Сольферино. Итальянская война 1859 г. рассматривается им не изолированно, а в более широком контексте развития европейского военного искусства, как своего рода пролог к конфликту 1866 г., что позволяет проследить эволюцию оперативного мышления и организации армий.

К числу сильных сторон работы относится прежде всего сравнительный подход, позволяющий сопоставить два конфликта и выявить

[44] Willisen W. Die Feldzüge der Jahre 1859 und 1866. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1868.

преемственность и изменения в стратегии и тактике европейских держав. Как практикующий генерал и военный теоретик, В. Виллисен концентрируется на анализе стратегических решений, манёвров, темпа передвижения войск и взаимодействия корпусов. Важной особенностью книги является её критический характер: в отличие от официальных изданий, автор допускает открытую критику как австрийского, так и французского командования, не будучи связан задачами оправдания государственной политики.

Вместе с тем, в интерпретации автора заметно стремление показать, что именно Пруссия сумела извлечь «правильные» уроки из войны 1859 г., тогда как Австрия оказалась неспособной к своевременной адаптации. Источниковая база исследования также остаётся ограниченной, В. Виллисен не имел доступа к австрийским и французским архивам и опирался преимущественно на опубликованные документы, донесения и материалы в прессе. Кроме того, внимание автора сосредоточено главным образом на стратегии и оперативном искусстве, тогда как социальные и гуманитарные аспекты войны (санитарные условия, потери, моральное состояние войск) освещаются лишь фрагментарно.

В целом «Военные кампании 1859 и 1866 годов» занимает промежуточное положение между официальной штабной историографией и независимой военно-теоретической литературой. Это труд военного специалиста, который, с одной стороны, не связан прямыми идеологическими задачами государств-участников конфликта, а с другой, отражает характерный для Пруссии интерес к осмыслению войны как «школы будущей победы», завершившейся успехом в кампании 1870–1871 гг. Для исследователя работа В. Виллисена ценна прежде всего как независимая попытка критического анализа, противопоставляемая официальным нарративам Франции и Австрии.

Значительный интерес представляет труд немецко-швейцарского военного теоретика Вильгельма Рюстова *«Итальянская война 1859 года»*.[45] Автор сочетает политический анализ причин конфликта с подробным рассмотрением организации противоборствующих армий и хода военных действий, уделяя особое внимание соотношению их вооружения, боевого опыта и эффективности командования и, подобно М. И. Драгомирову, не скупится на критику армии Франца Иосифа.

Особняком на фоне большинства работ по Итальянской кампании 1859 г. стоит книга австрийского военного деятеля Эдуарда Бартельса фон Бартберга, занимавшего в 1859 г. должность начальника штаба VII армейского корпуса. После войны он был лишён офицерского звания по решению суда чести, что было связано с его резкой и публичной критикой системы военного управления в Австрийской империи. Именно после этого конфликта с военным истеблишментом Э. Бартберг выступил в печати как автор самостоятельного труда *«Война 1859 года: неофициальная история, составленная по официальным источникам»*,[46] в котором занял подчёркнуто независимую позицию, свободную от сервильности официальной штабной пропаганды.

Книга была опубликована уже в 1860 г., то есть вскоре после окончания кампании. В отличие от трёхтомного издания австрийского Генерального штаба или официальной истории, подготовленной французским Военно-историческим депо, труд Э. Бартберга был задуман как «неофициальная история, составленная по официальным источникам» (*«nach offiziellen Quellen nicht offiziell bearbeitet»*). Эта формула принципиально важна для понимания авторского подхода: Э. Бартберг активно использует подлинные документы, донесения и приказы, однако выступает не как

[45] Rüstow W. Der italienische Krieg 1859. Zürich: Friedrich Schultheß, 1859.
[46] Bartberg E. Der Krieg im Jahre 1859: Nach offiziellen Quellen nicht offiziell bearbeitet. Bamberg: C. C. Buchner Verlag, 1894.

представитель государственной власти, а как частное лицо, не связанное обязательствами по восхвалению Австрии.

Работа охватывает основные этапы Итальянской войны 1859 г.: дипломатические перипетии накануне конфликта, мобилизацию сторон и начало боевых действий, ключевые сражения кампании. Существенной особенностью книги является стремление автора показать войну не только в оперативно-стратегическом, но и в «человеческом измерении»: Э. Бартберг уделяет внимание описанию боевой обстановки, морального состояния войск и восприятия войны современниками.

К числу сильных сторон работы относятся, прежде всего, опора на официальные материалы, обеспечивающая высокую степень фактологической точности, а также более свободный и критический тон изложения. Отсутствие необходимости прославлять победы императора или оправдывать поражение кайзера позволило Э. Бартбергу писать менее патетично и более откровенно, чем это было характерно для казённой историографии Франции и Австрии. Кроме того, книга отличается относительной доступностью изложения и адресована не только профессиональным военным, но и более широкой аудитории.

Книга *«Итальянская кампания 1859 года»*[47] написанная бароном де Базанкуром – горячим сторонником Наполеона III, вызванным по распоряжению императора в Итальянскую армию для описания её подвигов. Работа в максимально комплиментарном ключе освещает роль французского императора, представляя Наполеона III главным архитектором побед кампании 1859 г.

Особый интерес представляет также работа французского автора Альфреда Дюке *«Итальянская война (1859)»*,[48] критическая направленность которой также заметно отличает данный труд от официозных нарративов эпохи Второй империи. В своей интерпретации Сардинской войны А. Дюке

[47] Bazancourt C. La campagne d’Italie de 1859. Paris: Amyot, 1860.
[48] Duquet A. La guerre d’Italie (1859). Paris: G. Charpentier, 1882.

подчёркивает отсутствие чёткого и последовательно реализуемого стратегического замысла, указывая на то, что ключевые решения нередко принимались ситуативно и во многом зависели от личных импульсов и интуитивных оценок Наполеона III (1808–1873).

В частности, анализируя исход сражения при Сольферино, автор объясняет достигнутый успех не столько высоким уровнем командования, сколько мужеством рядового состава и совокупностью случайных обстоятельств, сложившихся на поле боя. Дюке обращает внимание на постоянные запаздывания отдельных корпусов, слабую координацию их действий и разрозненный характер вступления войск в сражение, что, по его мнению, свидетельствует о серьёзных проблемах в управлении французской армией в ходе кампании.

Работа герцога д'Альмазана *«Итальянская война: кампания 1859 года»*[49] представляет собой попытку изложения хода Итальянской кампании 1859 г. вне жёстких рамок официального историографического канона Второй империи. Труд написан в свободной манере и тяготеет скорее к военно-публицистическому жанру, нежели к строго академическому анализу, основанному на систематической работе с архивными источниками. Автор предлагает повествовательное изложение событий, сопровождая его личными рассуждениями и оценками.

Особое внимание Альмазан уделяет фигуре Наполеона III и его роли в организации и ведении войны. При этом образ императора выстраивается не в духе безусловной похвалы: наряду с признанием его политической инициативы и личного участия в кампании автор допускает элементы осторожной критики, указывая на факторы, затруднявшие достижение полного военного успеха. В числе таких обстоятельств отмечаются медлительность отдельных корпусов, проблемы снабжения, а также напряжённость во взаимоотношениях с сардинским союзником. Характерной

[49] Duc d Almazan. La guerre d'Italie: campagne de 1859. Paris: E. Plon et Cie, imprimeurs-éditeurs, 1882.

особенностью труда Альмазана является сочетание анализа оперативных манёвров с описанием атмосферы сражений, местности и настроений в войсках.

Среди современных работ, посвящённых Итальянской кампании 1859 г., следует отметить книгу британского военного историка Ричарда Брукса *«Сольферино, 1859 год: битва за свободу Италии»*.[50] Данный труд отличается ясным и доступным изложением, а также обилием наглядного визуального материала, включающего карты операций, схемы расположения корпусов, современные иллюстрации и реконструкции униформы.

Вместе с тем формат издания накладывает определённые ограничения на глубину анализа. Небольшой объём работы и её ориентированность на широкую аудиторию обусловливают отсутствие развернутого источниковедческого анализа и систематической полемики с историографией. В центре внимания автора находится прежде всего сражение при Сольферино, тогда как другие значимые этапы кампании и дипломатические предпосылки войны, остаются на периферии повествования. Анализ штабной деятельности и логистического обеспечения сведён к минимуму. В отдельных случаях Брукс допускает краткие оценочные замечания, в частности, относительно медлительности французских корпусов или недостаточной координации австрийских сил, однако в целом стиль работы носит преимущественно популярно-исторический, а не исследовательский характер.

Книга Фредерика Шнайда *«Вторая война за объединение Италии, 1859–1861 годы»*[51] представляет собой современную англоязычную интерпретацию Итальянской кампании, встроенную в более широкий контекст Рисорджименто и международной дипломатии середины XIX в. Автор уделяет значительное внимание роли Камилло Бенсо ди Кавура, Виктора Эммануила II и Наполеона III, подчёркивая, что объединение

[50] Brooks R. Solferino 1859: The Battle for Italy’s Freedom. Oxford: Osprey Publishing, 2009.
[51] Schneid F. The Second War of Italian Unification 1859–61. Osprey Publishing, 2012.

Италии стало результатом взаимодействия либеральных и консервативных политических сил при решающей поддержке Франции.

В то же время, вследствие компактного объёма, работа Ф. Шнайда не предполагает углублённого анализа штабных документов и источников военного происхождения и не ставит целью развёрнутую полемику с существующей историографией.

Из современной итальянской историографии можно выделить коллективный труд, подготовленный по материалам национальной конференции Итальянской комиссии военной истории (CISM), приуроченной к 150-летию Второй войны за независимость. Авторы сборника рассматривают кампанию 1859 г. комплексно, соединяя анализ международно-политических предпосылок конфликта с изучением сухопутных и морских операций, состояния французских и австрийских вооружённых сил, вопросов логистики и отдельных сражений. Характерной чертой издания является стремление выйти за рамки традиционного событийного изложения войны и рассмотреть её военно-организационные, технологические и международные аспекты. Особый интерес представляют исследования М. де Леонардиса, А. Заркона, Ж. Д. Авенеля, В. Эчмана, Р. Лураги и Дж. Черина-Бадоне, позволяющие представить кампанию одновременно в политико-дипломатическом и военно-историческом измерениях.[52]

В российской исторической науке вплоть до советского периода не сложилось специальных исследований, посвящённых Итальянской кампании 1859 г. В дореволюционной России интерес к данной войне ограничивался преимущественно военно-аналитическими источниками практического характера.

[52] De Leonardis M. Il quadro politico-diplomatico della situazione italiana ed europea nel 1859 // 150° anniversario della II Guerra d’Indipendenza. Atti del Convegno nazionale CISM. Roma, 2010.

В советской историографии одним из первых обстоятельный анализ Итальянской кампании 1859 г. с военной точки зрения представил А. А. Свечин (1878–1938) в фундаментальном труде *«Эволюция военного искусства»*.[53] Во втором томе работы события войны рассматриваются как одно из ключевых звеньев в развитии европейской стратегии XIX в. Данное исследование заметно выделяется на фоне учебной и обобщающей литературы своего времени: А. А. Свечин подошёл к анализу кампании с редкой для советской историко-военной школы степенью детализации. Он подробно разбирает стратегические замыслы сторон, организацию армий, ход боевых действий и последствия войны, опираясь на широкий корпус источников: французские, австрийские и итальянские официальные истории, мемуары и штабные материалы. Уже по составу библиографии видно, что автор тщательно проработал данный конфликт, рассматривая его не изолированно, а как важный этап эволюции европейской военной мысли.

Подчеркнём также, что изложение А. А. Свечина отличается ясной логикой, чёткой структурой и продуманной композицией. Итальянскую войну 1859 г. он трактует как важный переходный момент: от «кабинетной стратегии» середины XIX в. к эпохе массовых армий и технической модернизации, в рамках которой начинают проявляться черты индустриальной войны, получившие дальнейшее развитие в конфликтах XX столетия.

В то же время, при всей научной добросовестности, труд А. А. Свечина несёт на себе отчётливый идеологический отпечаток своего времени. В тексте регулярно используется марксистская терминология: рассуждения о классовых интересах монархий, «буржуазном характере» войн XIX в., роли социальных и революционных факторов. Оценки личности французского императора нередко приобретают резко критический характер: автор называет Наполеона III «реакционным авантюристом», а также

[53] Свечин А. А. Эволюция военного искусства. Т. 2. М.: Государственное издательство, 1928.

«родоначальником фашизма».[54] Тем не менее, несмотря на наличие идеологических рамок, *«Эволюция военного искусства»* остаётся одним из наиболее содержательных и глубоко проработанных трудов о войне 1859 г. в отечественной исторической науке.

Политический аспект войны в Италии получил развитие в коллективной монографии *«История дипломатии»*[55] под редакцией В. П. Потёмкина (1874–1946). В частности, в главе XI — *«Наполеон III и Европа. От Парижского мира до начала министерства Бисмарка в Пруссии (1856–1862 гг.)»*, написанной академиком Е. В. Тарле (1874–1955), акцент смещается с боевых действий на дипломатическую игру, предшествовавшую войне. В отличие от А. А. Свечина, рассматривавшего прежде проявления новых форм боевого взаимодействия, Е. В. Тарле сосредотачивается на внешнеполитических предпосылках конфликта, показывая, каким образом, сближение Франции и России после Крымской войны, а также распад системы Священного союза создали условия для войны в Италии.

Изложение Е. В. Тарле отличается высокой динамикой и выразительностью, однако одновременно несёт на себе характерный идеологический отпечаток эпохи. В соответствии с установками советской историографии внешняя политика Второй империи трактуется им как проявление интересов «финансового и промышленного капитала», ведущих к империализму и колониальному соперничеству. Классовой риторикой пронизан весь текст: подчёркивается, что «Наполеон III старался приобрести популярность в среде буржуазии, с которой был интимно связан».[56] Вместе с тем исследование написано в присущем Тарле высокохудожественном повествовательном стиле, насыщенном яркими деталями и выразительными образами.

[54] Там же. С. 79.
[55] Потёмкин В.П. История дипломатии. Т. 1. М.: Соцэкгиз, 1941.
[56] Там же. С. 477.

В постсоветский период особое место среди отечественных исследований занимает монография П. П. Черкасова *«Александр II и Наполеон III. Несостоявшийся союз»*[57]. В данной работе Австро-итало-французская война не является центральным сюжетом, однако ей уделено значительное внимание в контексте внешней политики Российской империи. Автор подробно анализирует дипломатическую подоплёку войны и позицию России в произошедшем конфликте, реконструируя сложную систему переговоров и неофициальных контактов между Санкт-Петербургом и Парижем.

П. П. Черкасов показывает, что Россия занимала по отношению к Франции позицию благожелательного нейтралитета. После тяжёлых для России условий Парижского мирного договора 1856 г. император Александр II (1818–1881) и его окружение рассматривали Наполеона III как потенциального партнёра, способного содействовать пересмотру международных ограничений, наложенных на Россию после поражения в Крымской войне. Французский император, в свою очередь, стремился вовлечь Россию в войну против Австрийской империи и выдвигал предложения, предполагавшие территориальные компенсации, в частности возможность приобретения Галиции, что означало бы возвращение России к активной внешней политике.[58]

Вместе с тем Александр II действовал крайне осторожно и избегал прямого участия в войне, поскольку в данный период его приоритетом являлось проведение масштабных внутренних реформ. Вместо военного вмешательства российское правительство рассчитывало использовать сложившуюся международную ситуацию для достижения дипломатических целей – прежде всего для пересмотра статей Парижского трактата, касавшихся режима демилитаризации Чёрного моря. Таким образом, не

[57] Черкасов П. П. Александр II и Наполеон III. Несостоявшийся союз (1856–1870). М.: Товарищество научных изданий КМК, 2015.
[58] Там же. С. 225.

принимая непосредственного участия в Сардинской войне, Санкт-Петербург сохранял активное присутствие в дипломатическом поле и стремился извлечь из франко-итало-австрийского конфликта максимальную выгоду.

Монография П. П. Черкасова представляет значительную ценность тем, что в постсоветской отечественной историографии она последовательно и на документальной базе раскрывает внешнеполитический контекст войны 1859 г., выявляя мотивы, расчёты и скрытые дипломатические манёвры российской стороны. Это позволяет рассматривать Итальянскую кампанию не только как локальный итальянский или французский сюжет, но и как элемент общей системы европейских международных отношений середины XIX в.

Другой российский историк А. С. Медяков в работе *«История международных отношений в Новое время»*[59] рассматривает Итальянскую войну 1859 г. как важный этап распада Венской системы и утверждения новой прагматичной дипломатии, основанной на принципах «реальной политики», пришедшей на смену идеалам «европейского концерта». Автор подчёркивает, что после революций 1848–1849 гг. и Крымской войны 1853–1856 гг. прежний порядок, зиждившийся на монархическом легитимизме и антиреволюционной солидарности великих держав, стремительно утратил свою устойчивость.

А. С. Медяков подробно показывает, каким образом в этих условиях формировались идеи *«принципа национальностей»*, утверждавшие право народов на объединение в национальные государства. В данной логике Итальянская война 1859 г. интерпретируется как проявление нового типа международных конфликтов, возникающих на стыке национализма и прагматической дипломатии.

Особое внимание автор уделяет внешнеполитической стратегии Наполеона III и Камилло Бенсо ди Кавура. Медяков детально прослеживает,

[59] Медяков А. С. История международных отношений в Новое время. М.: Просвещение, 2007.

каким образом Пломбьерское соглашение 1858 г. подготовило франко-сардинскую войну против Австрийской империи, а победы союзников при Мадженте и Сольферино привели к окончательному подрыву системы Священного союза и закрепили необратимость трансформации европейского международного порядка.[60]

В современной отечественной историографии заметное место занимает исследование А. В. Бабины *«Наполеон III: Триумф и трагедия»*.[61] Автор предпринимает попытку пересмотреть традиционно негативный образ Наполеона III как «Наполеона Малого», подчеркивая масштаб его политического наследия и влияние на развитие Европы XIX в. Значительное внимание в работе уделено итальянской политике императора и участию Франции в кампании 1859 г. По мнению А. В. Бабины именно «в этой войне французы начали пожинать плоды своего стремительного экономического развития. Политика „императора железных дорог, портов и мостов “ оказалось на редкость удачной».[62]

Вместе с тем следует ещё раз отметить, что в российской исторической науке до настоящего времени отсутствует специальное комплексное исследование Итальянской войны 1859 г. как самостоятельного исторического феномена. Не сформировался и целостный системный подход, который позволил бы преодолеть фрагментарность существующих исследований и объединить политические, военные и национальные аспекты конфликта в рамках единой исторической интерпретации с учётом транснационального контекста.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

– в ходе исследования применён триангуляционный методологический подход, позволивший рассмотреть Итальянскую кампанию 1859 г. с нескольких взаимосвязанных позиций: хода и характера боевых действий,

[60] Там же. С. 303-308.
[61] Бабина А. В. Наполеон III: Триумф и трагедия. М.: Этерна, 2021.
[62] Там же. С. 574.

эволюции военной стратегии и тактики, развития вооружения и средств коммуникации, а также влияния национального фактора на организацию и применение вооружённых сил;

– значительное внимание уделено транснациональному распространению военного опыта Итальянской кампании 1859 г. На примере Российской империи систематизированы и проанализированы взгляды М. И. Драгомирова, сформировавшиеся в результате непосредственного наблюдения за действиями армий в ходе кампании. Особое внимание обращено на его оценку соотношения технического прогресса и морального фактора в условиях происходившей модернизации европейских армий;

– в научный оборот введён ряд архивных источников, ранее редко привлекавшихся отечественными исследователями, в том числе отчёты М. И. Драгомирова и П. А. Шувалова, а также материалы периодической печати XIX в., позволяющие уточнить восприятие современниками изменений в характере вооружённой борьбы и организации европейских армий;

– в результате комплексного анализа Итальянская кампания 1859 г. впервые в отечественной историографии специально рассмотрена как самостоятельный этап эволюции военного искусства середины XIX в., в котором проявились противоречия между сохранявшимися принципами ведения войны наполеоновской эпохи и новыми возможностями, обусловленными развитием вооружения, железнодорожного транспорта, телеграфной связи и изменениями в организации массовых национальных армий.

Теоретическая значимость диссертации определяется комплексным рассмотрением Австро-итало-французской войны 1859 г. прежде всего в контексте эволюции европейского военного искусства середины XIX в. Работа позволяет уточнить особенности трансформации способов ведения войны под влиянием развития вооружения, транспортной инфраструктуры, средств связи и изменений в организации армий. Рассмотрение кампании в более широком политическом и транснациональном контексте позволяет

выявить взаимосвязь военно-технических, организационных и общественно-политических факторов, определявших изменение характера вооружённой борьбы в середине XIX в.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в учебном процессе при подготовке курсов и спецкурсов по истории XIX в., военной истории и истории международных отношений, а также при разработке занятий по историографии. Кроме того, выводы диссертации могут быть востребованы в системе современного военного образования при анализе взаимодействия различных родов войск, оценки значения технических новшеств и осмысления роли морального фактора в ходе вооружённых конфликтов.

Апробация результатов исследования осуществлялась в форме публикации основных положений и выводов диссертации в научных журналах: «Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова», «Вестник Костромского государственного университета», альманахе «Диалог со временем».[63]

Основные результаты работы также были представлены в виде докладов на научных конференциях, в том числе:

Международной научной конференции «Aetates. Itinera. Imagines» («Эпохи. Путешествия. Образы») в Ярославском государственном университете им. П. Г. Демидова в 2024 г. с докладом «Крепости „Квадрилатеро“ в Итальянской кампании 1859 г.»;

[63] Крехов С. С. Итальянская кампания 1859 г. на страницах русской печати: восприятие и интерпретация // XIV Международная научно-практическая конференция «Исторический опыт мировых цивилизаций и Россия». 2025. С. 148–156; Крехов С. С. Крепости «Квадрилатеро» в Итальянской кампании 1859 г. // Aetates. Itinera. Imagines = Эпохи. Путешествия. Образы. Ярославль, 2024. С. 85–88; Крехов С. С. Образ Цезаря в творчестве Наполеона III // Диалог со временем. 2025. № 93. С. 402–409; Крехов С. С. От Севастополя до Сольферино: Итальянская кампания 1859 г. в зеркале русской военной мысли // Вестник КГУ. 2025. Т. 31. № 4. С. 20–24; Крехов С. С. Принцип национальностей во внешней политике Наполеона III // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Т. 18. № 4. С. 588–593; Крехов С. С. Русский взгляд М. И. Драгомирова на Итальянскую кампанию 1859 г. // Вестник ЯрГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Т. 20. № 3. С. 404–411.

XIV Международной научно-практической конференции «Исторический опыт мировых цивилизаций и Россия» во Владимирском государственном университете имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых в 2025 г. с докладом «Итальянская кампания 1859 г. на страницах русской печати: восприятие и интерпретация»;

10-й встрече-конференции Ассоциации итальянистов России (АИР) – международной научной конференции «Итальянская идентичность», организованной совместно с ИНИОН РАН в 2026 г. с докладом «От объекта к субъекту: формирование итальянской национальной идентичности в период Рисорджименто».

Положения, выносимые на защиту:

1. Реализация принципа национальностей во внешней политике Наполеона III в ходе Итальянской войны 1859 г. стала одним из факторов кризиса Венской системы международных отношений и способствовала изменению политического устройства Апеннинского полуострова и ускорению процесса объединения Италии.

2. Итальянская кампания 1859 г. стала переломным этапом в эволюции военного искусства, в ходе которого возросшая роль железных дорог, телеграфной связи, нарезной артиллерии и стрелкового оружия обозначила переход от военного искусства первой половины XIX в. к формирующейся модели войны индустриальной эпохи.

3. Наряду с техническими факторами важное значение в определении боеспособности армий сохраняли нравственно-психологические аспекты, включая моральный дух, инициативность и особенности взаимодействия между офицерами и солдатами, значение которых в ходе кампании отмечал М. И. Драгомиров.

4. Рассмотрение войны в Италии 1859 г. с использованием концепции о «сверхдлинных военных циклах» позволяет интерпретировать данный конфликт как важный этап трансформации европейских международных

отношений и эволюции вооружённых конфликтов в условиях перехода к индустриальной эпохе.

5. Рассмотрение Итальянской войны 1859 г. в транснациональной перспективе позволяет выявить выходившие за государственные границы связи и процессы: распространение идей национального объединения, участие добровольцев и циркуляцию военного опыта. Тем самым значение кампании выходило за рамки франко-австро-сардинского противостояния и оказывало влияние на политическое и военное развитие Европы.

Структура работы состоит из введения, трёх глав, заключения, списка источников и литературы, а также приложений.

Во введении диссертации обоснована актуальность выбранной темы, определены цель и задачи исследования, охарактеризованы его методологические основы, источниковая база и степень изученности проблемы. В первой главе рассматриваются политические предпосылки войны 1859 г., внешняя политика Франции, положение Австрийской империи и развитие итальянского национального движения. Во второй главе анализируются состояние и особенности французской, австрийской и сардинской армий, ход основных боевых действий, а также влияние военно-технических и морально-психологических факторов на характер вооружённой борьбы. Третья глава посвящена итогам Итальянской кампании 1859 г., её военно-политическим последствиям, влиянию на дальнейшую эволюцию военного искусства и процесс объединения Италии. В заключении сформулированы основные выводы исследования. В приложениях представлены картографические материалы, отражающие территориально-политическое положение государств – участников конфликта и ход военных действий, а также карикатуры.

Глава I. НА ПУТИ К ВОЙНЕ

1.1 Франция: цезаризм и «принцип национальностей»

К середине 1850-х гг. Вторая французская империя представляла собой одну из крупнейших европейских держав (см. Приложение А). Территория метрополии, без учёта колониальных владений, составляла около 528 тыс. км² и была очерчена устойчивыми природно-географическими рубежами: Пиренеями, Альпами, Рейном и Атлантическим океаном, традиционно интерпретируемыми во французской политической мысли как *«естественные границы»* государства.[64] По уровню демографического развития Франция опережала большинство континентальных соседей: численность населения 86 департаментов Империи достигала 36 млн. человек, что обеспечивало стране значительный экономический и мобилизационный потенциал.[65]

Социальная структура Франции в середине XIX в. сохраняла преимущественно аграрный характер. Более двух третей населения по-прежнему проживали в сельской местности и были связаны с мелким или средним крестьянским хозяйством, тогда как промышленный пролетариат и городская буржуазия, несмотря на постепенный рост, продолжали составлять меньшинство населения страны. Вместе с тем именно в период Второй империи (1852–1870) заметно усилились миграционные потоки из провинции в крупные города, прежде всего в Париж. За одно десятилетие 1850-х гг. численность населения столицы увеличилась более чем на полмиллиона

---

[64] Под «естественными границами» (frontières naturelles) понимались такие государственные рубежи, которые совпадали с крупными природными преградами: реками, горными хребтами и морями, и тем самым рассматривались как санкционированные «естественным правом». Данная концепция использовалась французским государством в качестве идеологического обоснования своих территориальных притязаний. (См.: Pounds N. J. G. The Origin of the Idea of Natural Frontiers in France // Annals of the Association of American Geographers. 1951.)

[65] Согласно результатам официальной переписи на 1 июля 1856 г. население Франции составляло 36 190 000 человек. (См.: Meslé F., Vallin J. Reconstitution of Annual Life Tables for Nineteenth-Century France // Population: An English Selection. 1991. Vol. 3. P. 36.)

человек, а в совокупности за 1850-е и 1860-е гг. прирост составил около 800 тыс. человек, что отражало ускорение процессов урбанизации и социального перераспределения населения в условиях индустриального развития.

Этнический и конфессиональный облик Франции середины XIX в. выгодно отличал её от Австрийской империи и других «многонациональных монархий». В юридическом и политическом отношении Франция представляла собой единое государство-нацию: после кодификационных реформ наполеоновской эпохи на всей территории страны действовало унифицированное гражданское законодательство, а подавляющее большинство населения составляли католики. Вместе с тем культурное и языковое пространство оставалось внутренне неоднородным. К XIX в. французский язык уже утвердился в качестве доминирующего средства административного, правового и публичного общения, однако многочисленные диалекты и региональные языки продолжали широко использоваться в повседневной жизни, особенно в сельской местности. По оценкам О. А. Гулыга: «Франция, будучи исторически самой многоязычной страной Западной Европы, в результате проводимой в течение двух веков политики доминирования одного языка – французского, существенно сократила сферу употребления региональных языков».[66]

Политический строй Второй империи представлял собой специфическую форму авторитарного режима, традиционно определяемого в историографии как плебисцитарная монархия или цезаризм. Конституция 14 января 1852 г., утверждённая всенародным голосованием, сосредоточивала основные рычаги исполнительной власти в руках Луи-Наполеона Бонапарта (1808–1873), наделяя его правом законодательной инициативы, контроля над государственным аппаратом и решающего влияния на формирование

[66] Гулыга О. А. Многоязычие во Франции в прошлом и настоящем. Краткий очерк. // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. 2022. № 2 (17). С. 51.

представительных институтов.[67] Провозглашение империи 2 декабря 1852 г. и принятие титула императора Наполеона III также были санкционированы плебисцитом, что придавало авторитарной системе внешнюю легитимность через апелляцию к «воле народа» и служило характерной чертой политической модели Второй империи.

Режим Наполеона III опирался на поддержку населения, во многом обходя традиционные представительные институты, прежде всего парламент, чьи полномочия в первые годы существования Второй империи оставались весьма ограниченными. В этих условиях плебисцит превращался не столько в инструмент реального политического участия, сколько в ритуал подтверждения личной власти императора. Как отмечает британский историк Судхир Хазарисингх: «С 1852 по 1870 год французские избиратели ходили на выборы не менее восемнадцати раз – в среднем раз в год, участвуя в плебисцитах, общих и муниципальных выборах, а также выборах в Генеральный совет. Эта масштабная практика политического обучения представляла собой необычайное расширение полномочий отдельного гражданина, превращая коммуну в место активной демократической аккультурации».[68]

Экономическое развитие Франции при Наполеоне III характеризовалось ускоряющейся модернизацией. Именно 1850-е гг. стали временем интенсивной государственной поддержки инфраструктуры и кредитной системы. Особое значение имело развитие железнодорожного строительства, осуществлявшегося на основе крупных частно-государственных концессий и при прямом участии государства в финансировании. В результате железнодорожная сеть в сжатые сроки

[67] См.: Constitution de 1852. URL: https://mjp.univ-perp.fr/france/co1852.htm (дата обращения 26.05.2026).

[68] Hazareesingh S. “A Common Sentiment of National Glory”: Civic Festivities and French Collective Sentiment under the Second Empire // The Journal of Modern History. 2004. Vol. 76, No. 2 (June). P. 311.

охватила основные регионы страны, превратив Париж в ключевой узел транспортных, торговых и финансовых потоков.

Параллельно происходило оформление новой финансовой структуры: укреплялась роль Банка Франции, а государство всё активнее опиралось на биржу и крупные банки для размещения займов, финансирования железных дорог, перестройки Парижа и внешнеполитических акций. Вот что по этому поводу пишет Клод Фолен: «В первые годы правления Наполеона III новое поколение банкиров получило множество официальных льгот, продвигало предприятия, служащие процветанию всей страны, а не просто прибыли меньшинства, и разработало оригинальный тип инвестиционного банка, который стал образцом для многочисленных подражателей за рубежом».[69]

Наконец, существенную роль в политической и внешнеполитической ориентации Франции середины XIX в. играл религиозно-идеологический фактор. При подавляющем большинстве католического населения и устойчивой традиции восприятия Франции как *«старшей дочери Церкви» (fille aînée de l'Église)* государство претендовало на особую миссию защитницы Папы Римского и католического мира.[70] Во второй половине XIX в., особенно в период Второй империи, во Франции формируется влиятельное клерикальное движение, рассматривавшее внешнюю политику через призму интересов Святого престола и противостояния революционным и антиклерикальным течениям в Европе. Это, в свою очередь, усиливало внутренние противоречия между либеральными кругами и клерикально настроенной частью общества и элит.

В совокупности все эти параметры: этноконфессиональная однородность населения, преобладание аграрного сектора, плебисцитарно-

[69] Fohlen C. B. Recent Research in the Economic History of Modern France // The Journal of Economic History. 1968. Vol. 28, No. 2. P. 509.

[70] Фраза «старшая дочь Церкви» восходит к раннесредневековой традиции, связанной с крещением короля франков Хлодвига (ок. 496 г.) и принятием Франкским королевством никейского христианства. Именно это событие сделало Францию старшей дочерью Церкви, а её монархов – самыми христианскими королями, что в свою очередь скрепило союз престола и алтаря. (См.: Levillain L. La conversion et le baptême de Clovis // Revue d'histoire de l'Église de France. 1935. T. 21. № 91.)

монархический характер политического режима, экономика, в значительной степени зависящая от финансовых рынков, и сильный католический компонент общественной жизни задавали структурные рамки, в которых Наполеон III формировал свои внешнеполитические проекты. Итальянская политика 1850-х гг. выступала в этом контексте не только как элемент международной стратегии Франции, но и как важный инструмент внутренней стабилизации режима.

После завершения Крымской войны 1853–1856 гг. Франция под руководством Наполеона III вновь заняла одно из центральных мест в системе европейской политики. Победа союзников над Российской империей не только восстановила международный престиж Парижа, существенно подорванный после 1815 г., но и предоставила императору возможность претендовать на роль арбитра в делах Старого света. Для Второй империи этот период стал временем активного дипломатического и идеологического наступления, сопровождавшегося попыткой пересмотра сложившегося после Венского конгресса баланса сил.[71] Наполеон III исходил из убеждения, что Франция, оставаясь великой европейской державой, обладает правом и обязанностью влиять на будущее континента, что, в его представлении, требовало более решительных и инициативных шагов во внешней политике.

Принцип легитимизма, на котором покоилась Венская система международных отношений, представлялся французскому императору искусственным и исторически устаревшим. Наполеон III исходил из того, что после революций 1848–1849 гг. и фактического распада Священного союза прежний порядок, основанный на правах династий и монархической солидарности, более не соответствует «естественным законам» политического и национального развития Европы. В противовес

[71] По итогам Венского конгресса 1814–1815 гг. была установлена гегемония четырех великих держав: Великобритании, России, Австрии и Пруссии. Франция воспринимала его результаты как унижение и превратилась в главную ревизионистскую силу. (См.: Schroeder P. W. The Transformation of European Politics 1763–1848. Oxford: Clarendon Press, 1994. P. 522)

легитимизму он выдвинул новую политико-философскую категорию – *«принцип национальностей»*, смысл которого можно свести к следующему: границы государств должны быть границами отдельных наций, а многонациональные государства объявлялись неестественными.[72]

Император исходил из того, что устойчивость международного порядка возможна лишь при условии соответствия государственных границ реальным национальным и историческим образованиям. Многонациональные империи в этом контексте рассматривались им не как источник легитимности, а как фактор постоянной нестабильности.[73]

Как подчёркивает Роберт Томбс, опираясь на «принцип национальностей», Наполеон III, готовый поставить под сомнение договоры 1815 г. и пересмотреть систему «естественных границ», стремился реализовать собственный проект нового европейского порядка без революционных потрясений.[74]

Идея не была принципиально новой, однако именно французский монарх придал ей особый характер и превратил в действенный инструмент внешней политики. В своей концепции Наполеон III соединял романтическое представление о миссии Франции как освободительницы народов с прагматическими задачами укрепления международного влияния Второй империи. Уже в ранний период своей политической деятельности Луи-Наполеон Бонапарт сформулировал критическое отношение к венскому порядку и принципу легитимизма. В памфлете «*Наполеоновские идеи»* (1839) он писал: «Наполеон сместил монархов в сиюминутных интересах народов; в 1815 году народы были смещены в частных интересах монархов. Государственные деятели того времени, руководствуясь лишь обидами и

[72] Медяков А. С. История международных отношений в Новое время. С. 295.
[73] См.: Крехов С. С. Принцип национальностей во внешней политике Наполеона III // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Т. 18. № 4
[74] См.: Tombs R. À la recherche d'une famille politique nationaliste: les cas britannique, français et allemand de 1800 à 1870 // Les familles politiques en Europe occidentale au XIXe siècle. Rome. 1997. P. 329.

страстями, основывали европейское равновесие на соперничестве великих держав вместо того, чтобы строить его на общих интересах. Таким образом, их система рухнула со всех сторон».[75]

Более того, по мнению Луи Бонапарта, сам «Священный союз» представлял собой искажение первоначального замысла его дяди. Наполеон I, как утверждал будущий император, стремился к созданию «священного союза народов», санкционированного монархами и основанного на интересах наций, тогда как Россия, Пруссия и Австрия после 1815 г. учредили союз монархов, направленный против народного суверенитета и национальных стремлений. В этом, по мнению Луи-Наполеона, и заключалось принципиальное различие между исходной идеей и той формой, в которую она была обличена в рамках венского порядка.

Французский император был убежден в том, что «наполеоновская идея по своей природе является идеей мира, а не войны, идеей порядка и восстановления, а не переворота. Она исповедует без злобы и ненависти ту политическую мораль, которую великий человек создал первым. Она развивает эти великие принципы справедливости, власти, свободы, которые слишком часто забываются в смутные времена».[76]

В молодые годы, задолго до восшествия на престол, молодой Бонапарт был также тесно связан с национально-освободительным движением в Европе: он поддерживал итальянских патриотов, выражал симпатии греческому и польскому национальным движениям и рассматривал борьбу народов против реакционных монархий как закономерное проявление исторического прогресса. Рассмотрение данного сюжета в транснациональной перспективе позволяет видеть в национальных движениях середины XIX в. не только совокупность отдельных процессов, развивавшихся внутри конкретных государств, но и взаимосвязанное европейское пространство циркуляции политических идей и практик. П.-И.

[75] Bonaparte N.-L. Des idées napoléoniennes. Paris, 1839. P. 175.
[76] Napoléon III. Oeuvres de Napoléon III. T. 1. Paris, 1869. P. 13.

Сонье обращает внимание на то, что «сам национализм представлял собой составное явление».[77] Как пишет А.С. Медяков: «Итальянский вопрос занимал особое место в планах Наполеона III – и потому, что в юности он непосредственно участвовал в итальянском национальном движении, соприкоснувшись со знаменитыми карбонариями, и потому что, он считал себя наследником итальянской политики своего дяди».[78]

Следует отметить, что политические взгляды Наполеона III отличались внутренней противоречивостью и нередко включали взаимоисключающие элементы. По справедливому замечанию П. П. Черкасова, «идеология бонапартизма эклектична: в ней причудливо сочетались постулаты национализма, консерватизма, либерализма и даже социализма (сен-симонизма)».[79]

Наполеон III часто обращался к историческому осмыслению природы политической власти. Эту задачу он решал в научно-публицистическом проекте *«История Юлия Цезаря»*[80] (1865–1866), изданном от своего имени. Изучение античного прошлого позволяло выстроить линию преемственности между Цезарем, Наполеоном I и самим Наполеоном III и тем самым включить Вторую империю в историческую перспективу.

В интерпретации Наполеона III Цезарь и Наполеон I выступали как типологически сходные фигуры: государственные деятели, появление которых было вызвано кризисом и потребностью общества в порядке. Император рассматривал их как «провиденциальных» личностей, способных выразить историческую необходимость и направить общественную волю в конструктивное русло. Власть в таком понимании представлялась не

[77] Saunier P.-Y. Transnational History. P. 58.
[78] Медяков А. С. История международных отношений в Новое время. С. 303.
[79] Черкасов П. П. Александр II и Наполеон III. Несостоявшийся союз (1856–1870). С. 29.
[80] См.: Наполеон III. История Юлия Цезаря. Т. 1–2.

результатом случайного переворота, а закономерным этапом политического развития, отвечающим задаче сохранения стабильности и преемственности.[81]

Работа над *«Историей Юлия Цезаря»* сопровождалась государственной программой археологических исследований. По инициативе Наполеона III была создана Комиссия по топографии Галлии, начаты раскопки в Алезии и других местах Галльской войны. Эти исследования имели не только научное, но и символическое значение, поскольку способствовали закреплению античного наследия в политическом дискурсе Второй империи. В совокупности данный проект способствовал формированию доктрины «цезаризма» – модели власти, основанной на сочетании личного авторитета правителя и народного согласия и противопоставляемой как республиканскому парламентаризму, так и традиционному династическому легитимизму.

При этом Наполеон III выработал собственное, во многом оригинальное представление о природе монархической власти. Признавая определённые достоинства республиканского строя, он вместе с тем считал его неспособным обеспечить преемственность власти и, следовательно, долгосрочную политическую стабильность и территориальную целостность государства. В отличие от республики, монархия, по его убеждению, благодаря наследственному принципу создавала условия для устойчивого развития и реализации исторической миссии государства.

В качестве наглядного образца державы, успешно выполняющей подобную «провиденциальную миссию», Наполеон III, что особенно удивительно, приводил в пример Российскую империю. Он утверждал, что именно династия Романовых за полтора столетия вывела Россию из состояния варварства и придала ей статус великой державы. В этой логике империя рассматривалась им как инструмент исторического преобразования общества: «Имперская власть должна бороться со всеми старыми

[81] См.: Крехов С. С. Образ Цезаря в творчестве Наполеона III // Диалог со временем. 2025. № 93.

предрассудками нашей старой Европы; она должна централизовать, насколько это возможно, в руках одного человека все государственные силы, чтобы искоренить злоупотребления, укоренившиеся под покровом общинных и феодальных привилегий».[82]

Итальянский вопрос стал для Наполеона III той сферой, в которой он увидел возможность соединить идеологические лозунги с конкретными государственными интересами Франции. Апеннинский полуостров представлялся ему наиболее подходящей ареной для реализации французской «моральной интервенции»: здесь можно было одновременно ослабить позиции Австрийской империи, укрепить международный престиж Франции и удовлетворить общественные ожидания, связанные с идеей освобождения народов. В более широком смысле объединение Италии рассматривалось Наполеоном III как важный этап создания новой Европы, состоящей из национальных государств, в которой Франции отводилась роль первого среди равных.

Важную роль в формировании итальянской политики Наполеона III сыграл и внутриполитический фактор. После покушения итальянского революционера Феличе Орсини (1819–1858) на жизнь императора в январе 1858 г. французское общество и политические элиты оказались глубоко разделены. Одна часть требовала усиления репрессивных мер и жёсткого курса в отношении революционного движения, тогда как другая рассматривала произошедшее как повод для переосмысления внешнеполитической линии Франции и призывала Наполеона III реализовать миссию освобождения Италии, именно к этому апеллировал и сам Орсини в своём последнем письме, адресованном императору: «Умоляю Ваше Величество вернуть моей стране независимость, утраченную её детьми в 1849 году по вине французов. Да помнит Ваше Величество, что итальянцы, среди которых был мой отец, с радостью проливали свою кровь за Наполеона Великого, куда бы он их ни повёл. Да не забудете вы, что итальянцы

[82] Bonaparte N.-L. Des idées napoléoniennes. P. 10.

оставались верны до его падения. Помните также, что до тех пор, пока Италия не обретёт независимость, спокойствие Европы и безопасность Вашего Величества будут лишь химерой».[83]

Под воздействием общественных настроений и личного впечатления, произведённого событиями 1858 г., Наполеон III окончательно решил, что именно война за освобождение Италии позволит ему примирить революционные идеалы с принципом имперской власти, соединив риторику национального освобождения с задачами укрепления бонапартистского режима. Как верно подмечал Массимо де Леонардис: «Первая Наполеоновская империя сделала Италию вассалом Франции; Венский конгресс, напротив, утвердил там гегемонию Австрии. Вторая империя хотела перевернуть ситуацию снова».[84]

В июле 1858 г. в ходе тайной встречи Наполеона III с премьер-министром Сардинского королевства Камилло Бенсо ди Кавуром (1810–1861) в Пломбьере было достигнуто секретное соглашение о военном союзе. Франция брала на себя обязательство оказать Сардинии военную поддержку в случае австрийской агрессии, тогда как Турин соглашался на территориальную компенсацию Парижу в виде передачи Савойи и Ниццы. При этом дипломатическая инициатива и контроль над развитием кризиса сохранялись за Францией: Кавуру отводилась роль стороны, призванной спровоцировать Вену на военные действия таким образом, чтобы предстоящая война могла быть представлена как оборонительная и тем самым получила международную и внутреннюю поддержку.

Сближение Франции и Сардинского королевства сопровождалось не только активными дипломатическими контактами, но и заключением династического союза. В январе 1859 г. кузен императора Наполеона III –

---

[83] Copia a mano della lettera di felice orsini a Napoleone III 1858 URL: https://enricogiuseppelucamarchi.blogspot.com/2018/07/copia-mano-della-lettera-di-felice.html (дата обращения 20.05.2026).

[84] De Leonardis M. Il quadro politico-diplomatico della situazione italiana ed europea nel 1859. P. 26

принц Наполеон-Жозеф Бонапарт (1822–1891), известный также как «Плон-Плон», вступил в брак с принцессой Клотильдой Савойской (1843–1911), дочерью короля Сардинского королевства Виктора-Эммануила II (1820–1878). Этот брак имел откровенно политический характер и стал публичным символом франко-сардинского союза, призванным закрепить договорённости, достигнутые на тайной встрече в Пломбьере летом 1858 г.

Несмотря на значительную разницу в возрасте супругов и отсутствие личной симпатии, династический союз рассматривался обеими сторонами прежде всего как демонстрация политической солидарности и подтверждение готовности к совместным действиям в преддверии войны с Австрийской империей. Как верно подметил Джеймс Джордан: «Принц Наполеон, далеко не случайный прохожий, которого судьба внезапно втянула в важную роль в великой драме объединения Италии, он был логичным выбором императора как человек, способный создать физическую связь между династией Бонапартов и делом итальянского национализма».[85]

Несмотря на сформировавшийся франко-сардинский союз, опыт Наполеона III подсказывал, что позиция Российской империи в предстоящей войне остаётся ключевым фактором. Бонапарт стремился либо вовлечь Петербург в активный военный союз, либо обеспечить его доброжелательный нейтралитет, способный предотвратить вмешательство других держав, прежде всего Пруссии.

«Не обеспечив себе благожелательного нейтралитета со стороны России, Наполеон III вряд ли решился бы на войну с Австрией, по крайней мере, в 1859 г. Без опоры на Россию он рисковал настроить против себе всю Европу, и прежде всего Пруссию и её германских союзников»[86] – пишет П. П. Черкасов.

---

[85] Jordan J. E. Matrimony and Machiavellianism: The Marriage of Prince Napoleon // Proceedings of the American Philosophical Society. 1971. Vol. 115. No. 4. P. 317.

[86] Черкасов П. П. Александр II и Наполеон III. Несостоявшийся союз (1856–1870). С. 226.

Император ясно осознавал, что открытое сближение с Сардинским королевством и переход к конфронтации с Австрийской империей т.е. традиционным партнёром России по Священному союзу могли вызвать настороженность в Петербурге. Вместе с тем Наполеон III рассчитывал, что общее охлаждение русско-австрийских отношений после Крымской войны будет работать в его пользу. В представлении французского императора Александр II (1818–1881) выступал правителем, склонным к осторожной ревизии венского порядка и потому потенциально способным с пониманием отнестись к итальянскому проекту Франции, направленному против австрийского господства на Апеннинах.

Таким образом, дипломатическая логика французского императора сочетала идеалистическую риторику с прагматизмом: чтобы освободить Италию и разрушить Венскую систему, нужно было прежде всего заручиться одобрением России – того самого «жандарма Европы», который ещё недавно обеспечивал стабильность старого порядка. Россия находилась на значительном удалении от Апеннинского полуострова и не обладала там непосредственными политическими или стратегическими интересами. Кроме того, пережив тяжёлые последствия Крымской войны, Александр II объективно был заинтересован в пересмотре сложившегося европейского статус-кво и потому склонен рассматривать любые изменения в системе международных отношений как потенциальную возможность для восстановления своих позиций и извлечения дипломатических выгод.

Ход переговоров между Парижем и Петербургом подробно анализирует Арнольд Блумберг: «Изначально французы пытались склонить русских к заключению союза, в соответствии с которым в обмен на их активное вступление в войну большая часть карты континентальной Европы была бы перерисована. Согласно этому предложению, Россия должна была аннексировать австрийскую Галицию, а также была бы создана независимая Венгрия. Со своей стороны, Россия должна была признать расширение

Сардинии до северо-итальянского королевства с населением в десять миллионов человек и уступить Франции право на Ниццу и Савойю».[87]

Однако столь амбициозный проект, предполагавший масштабное переустройство европейского баланса сил, встретил в Петербурге решительное неприятие. Министр иностранных дел Горчаков (1798–1883) воспринял французские предложения как проявление политического легкомыслия. Он восклицал: «Война! Как можно было думать об этом на следующий же день после Крымской войны и в условиях проведения крупной аграрной реформы, слишком поглощавшей силы государства, чтобы допустить сколько-нибудь значительные внешнеполитические инициативы? Воссоединение Галиции! Россия была достаточно насыщена территориями, чтобы не стремиться к новым, особенно в бывших польских землях, которые, к тому же, она считала надёжнее обеспеченными тремя державами, чем двумя».[88]

Именно поэтому Александр II принял решение занять позицию благожелательного нейтралитета в предстоящей войне. Ключевой задачей для Петербурга становилось недопущение консолидации Германского союза вокруг Австрии. Наиболее надёжным средством достижения этой цели, по расчётам российской дипломатии, было применение той самой тактики, которую Австрийская империя использовала по отношению к России во время Крымской войны, т.е. отказ от прямого участия в конфликте при сохранении свободы дипломатического манёвра и возможности влиять на его исход.

В свою очередь, Наполеон III должен был выразить готовность поддержать пересмотр положений Парижского мирного договора 1856 г., прежде всего статей о нейтрализации и демилитаризации Чёрного моря, на будущей европейской мирной конференции после завершения войны.

---

[87] Blumberg A. Russian Policy and the Franco-Austrian War of 1859 // The Journal of Modern History. 1954. Vol. 26, No. 2. P. 138.

[88] Цит. по: Pingaud A. Un projet d’alliance franco-russe en 1858 // Séances et travaux de l’Académie des sciences morales et politiques. 1928. P. 8–9.

Пока дипломаты укрепляли контакты между Парижем и Петербургом, внутри самой Франции обозначались новые линии политического и идеологического размежевания. На фоне согласия монархов французское общество раскололось на два основных лагеря: клерикальный и либеральный, по-разному интерпретировавших смысл предстоящей войны. Для сторонников либерального направления она воспринималась как продолжение революционного наследия и реализация принципа национальностей, тогда как представители клерикального лагеря рассматривали итальянскую кампанию как угрозу католическим интересам Франции и как возможное отступление от её традиционной роли защитницы Святого престола.

Для католической части французского общества война была не столько вопросом дипломатического расчёта, сколько нравственным испытанием. В интерпретации клерикальных кругов Франция оказывалась перед выбором между верностью своей традиционной роли «старшей дочери Церкви» и опасным сближением с революционным национализмом. Защита светской власти Папы рассматривалась ими как неотъемлемый элемент исторической миссии французского государства. Именно эта логика ясно выражена в брошюре *«Итальянский вопрос в 1859 году»*, где Франция и Австрия изображались как «два стража» католического мира, призванные охранять Святой престол от революционной угрозы.[89]

В либеральном лагере Франции конца 1850-х гг. идея итальянского освобождения, напротив, воспринималась как естественное продолжение принципов 1789 года. В глазах журналистов, публицистов и умеренных республиканцев борьба против австрийского господства и папской светской власти становилась символом торжества разума и национального права над пережитками старого деспотизма. Одним из наиболее ярких выразителей этой позиции был публицист Эдмон Або (1828–1885), утверждавший, что «нет ничего более справедливого, естественного и лёгкого, чем освободить

[89] См.: La question italienne en 1859. Paris: Gaume Frères et J. Duprey, éditeurs, 1859.

адриатические провинции и запереть папский деспотизм между Средиземным морем и Апеннинами».[90]

Раскол, разделивший французское общество, в полной мере проявился и в высших кругах Второй империи. Даже в ближайшем окружении Наполеона III не существовало консенсуса относительно предстоящей войны. Так, императрица Евгения – супруга Наполеона III, убеждённая сторонница авторитарного правления и клерикальных ценностей, последовательно настроенная против либеральных и антиклерикальных тенденций, традиционно старалась держаться в стороне от повседневных государственных дел. Однако, узнав о планах Кавура по объединению Италии, она заняла резко отрицательную позицию, осознавая, что реализация этих замыслов неизбежно угрожала власти Папы и, следовательно, интересам Святого Престола.

По наблюдению американского историка Нэнси Баркер, сомнения императрицы Евгении в целесообразности итальянской политики Наполеона III имели не только идеологические, но и личные причины. Враждебное отношение к проекту объединения Италии усиливалось тем обстоятельством, что его активным сторонником выступал принц Наполеон, «проблемный» кузен императора и давний противник императрицы. Дополнительное охлаждение вызывало и появление в Париже агента Кавура – графини Кастильоне, вступившей в близкие отношения с Наполеоном III. «Этот роман продолжался по меньшей мере до 1860 года и всё в большей степени становился предметом придворных сплетен, что, естественно, было глубоко унизительно для императрицы».[91]

Сам принц Наполеон, более известный под прозвищем Плон-Плон, кузен императора и последовательный сторонник либеральных идей, активно взаимодействовал с прессой, стремясь заручиться поддержкой

[90] About E. La Question romaine. Paris: Michel Lévy Frères 1861. P. 256.
[91] Barker N. The Empress Eugénie and the Italian War // The Historian. 1957. Vol. 18, No. 3. P. 295.

общественного мнения и представить войну за освобождение Италии как дело прогресса и цивилизации. Как отмечает Джеймс Джордан многие из радикальных журналистов того времени были постоянными членами интеллектуального кружка в официальной резиденции принца Наполеона, «Пале-Рояль». Большинство этих мужчин были связаны либо с газетой «Presse», либо с «Siècle», единственными изданиями, представлявшими демократическое мнение в первой половине Второй империи. «В конце лета 1858 года несколько французских газет начали яростную кампанию против австрийского правления в Италии, при этом самые яростные нападения исходили от Presse и Siècle».[92]

Наиболее сдержанную позицию в окружении Наполеона III занимал министр иностранных дел граф Александр Валевский – представитель умеренной «партии мира». Узнав о тайных франко-русских переговорах конца 1858 г., он выступил с резкой критикой внешнеполитического курса императора и подал в отставку. По его убеждению, время для пересмотра договоров 1815 г. ещё не наступило, а участие Франции в итальянской войне неизбежно будет воспринято общественным мнением как «авантюра и нарушение всеобщего мира ради личных интересов».[93]

Вступление Франции в Итальянскую кампанию сопровождалось заметным напряжением государственных финансов и ростом нервозности на рынке капиталов. Уже в первые месяцы 1859 г. парижская биржа болезненно реагировала на перспективу войны: снижались котировки государственных рент и банковских акций, инвесторы опасались дестабилизации европейских рынков и неизбежного увеличения военных расходов. Сам Наполеон III ясно осознавал уязвимость финансового обеспечения кампании и зависимость внешнеполитических решений от настроений делового мира. В письме Виктору-Эммануилу II он с горечью отмечал, что «деньги находятся в руках

[92] Jordan J. E. Matrimony and Machiavellianism: The Marriage of Prince Napoleon. P. 319.
[93] Thurston, G. J. The Italian War of 1859 and the Reorientation of Russian Foreign Policy. The Slavonic and East European Review, 1977, Vol. 55, No. 2. P. 130.

сторонников мира, и будет нелегко заставить отдать их на вооружение в Италии».[94]

При всех существовавших финансовых и политических сомнениях Наполеон III в конечном счёте сделал выбор в пользу вооружённого вмешательства. Переход от дипломатической осторожности к открытому курсу на войну был озвучен императором в официальной прокламации к народу: «Пусть Франция вооружается и решительно говорит Европе: я не стремлюсь к завоеваниям, но хочу без слабости поддерживать свою национальную и традиционную политику; я соблюдаю договоры, при условии, что они не будут нарушены против меня; я уважаю территорию и права нейтральных держав, но открыто признаю свою симпатию к народу, история которого переплетается с нашей и который страдает под иностранным гнётом».[95]

В письме парижского корреспондента, опубликованном в русской газете, подчёркивалось, что изначально существенная часть населения Франции стремилась к сохранению мира. «Достаточно было нескольких дней, чтобы придать парижскому населению совсем другую физиономию. Значительное большинство жителей желало мира, но как скоро война признана неизбежною, все приветствуют её с пылом истинно французским».[96] Этот же корреспондент сообщал, что «Парижская публика, очевидно, с трудом примиряется с целью и предметом готовящейся войны, но всё-таки приветствует её с решимостью и совершенно готова столпиться около императора, чтобы помочь ему одержать победу».[97]

Газета «Ведомости» также приводила ироническую историю, призванную передать настроение французского общества к предстоящему

---

[94] Цит. по: Cameron R. E. French Finance and Italian Unity: The Cavourian Decade // The American Historical Review. 1957. Vol. 62, No. 3. P. 566.
[95] Documents officiels sur la campagne d'Italie en 1859. P. 2.
[96] См.: Крехов С. С. Итальянская кампания 1859 г. на страницах русской печати: восприятие и интерпретация // XIV Международная научно-практическая конференция «Исторический опыт мировых цивилизаций и Россия». 2025. С. 148–156.
[97] Санкт-Петербургские Ведомости. 26 апреля 1859. № 88. С. 390.

столкновению. В публикации сообщалось, что «по случаю войны многие свадьбы расстроились, другие были отложены до более благоприятных времён. Одна хорошенькая и богатая девушка, прощаясь с молодым уланским поручиком, сказала ему: Возьмите Милан – и я буду вашей женой. После этого нетрудно предположить, что столица Ломбардии во второй раз увидит французские знамена». В то же время «очаровательная венка, обещавшая выйти замуж за своего любимого лишь после взятия Турина», по мнению газеты, рисковала «весь век просидеть в девках».[98]

Таким образом, политика Второй империи в итальянском вопросе формировалась в атмосфере глубоких и во многом неразрешимых противоречий. Во внешнеполитической риторике она опиралась на идеи национального освобождения и стремление укрепить международный престиж Франции, однако внутри страны сталкивалась с сопротивлением разнородных общественных и придворных сил: от клерикальных кругов и умеренной «партии мира» до буржуазных финансовых элит, опасавшихся дестабилизации рынков и роста государственных расходов. Война, задуманная как выражение особой исторической миссии Франции, обнажила хрупкость равновесия между политическим идеализмом и материальными ограничениями эпохи. Именно в этом напряжении, между мечтой и расчётом, дипломатическим замыслом и настроениями общества, складывалась внешняя политика Наполеона III накануне столкновения с Австрийской империей.

1.2 Австрия: неоабсолютизм и слабость Венской системы

К середине XIX в. Австрийская империя представляла собой одно из крупнейших государственных образований Европы, уступая по размерам территории лишь Российской империи (см. Приложение Б). По данным британского историка Алана Скеда, совокупная площадь владений Габсбургов в период восшествия на престол императора Франца Иосифа I

[98] Санкт-Петербургские Ведомости. 21 мая 1859. № 109. С. 481.

(1848 г.) составляла 257 478 квадратных миль, что в пересчёте соответствует приблизительно 660–670 тыс. км².[99]

Помимо этого, Австрийская империя являлась не только одной из крупнейших европейских держав, но и уникальным по своему этническому и составу конгломератом регионов, объединённых под властью династии Габсбургов. В середине XIX в. она представляла собой многонациональное имперское государство, в котором сосуществовали десятки народов, различавшихся языком, культурными традициями, историей и уровнем социально-экономического развития.[100]

Немецкое население Австрийской империи не составляло большинства, однако занимало ведущие позиции в армии, высшей администрации и судебной системе. Немецкоязычная элита обеспечивала функционирование централизованного государственного аппарата и выступала носителем имперской политической культуры. В этом отношении монархия Габсбургов представляла собой многонациональное государство с выраженным немецким административным ядром и остальными национальностями, находящимися на периферии.

Аристократические и образованные слои из Венгрии, Богемии, Хорватии и итальянских провинций постепенно включались в административную и военную иерархию империи.[101] Однако доступ к ключевым постам в центральных учреждениях по-прежнему оставался ограниченным и зависел прежде всего от личной лояльности дому

---

[99] Sked A. The Decline and Fall of the Habsburg Empire, 1815–1918. London; New York, 2013. P. 1-2.

[100] По оценкам Алана Скеда на территории Австрии проживало 37,5 млн человек. В это число входили 8 миллионов немцев, 5,5 миллиона венгров, 5 миллионов итальянцев, 4 миллиона чехов, 3 миллиона русинов, 2,5 миллиона румын, 2 миллиона поляков, почти 2 миллиона словаков, 1,5 миллиона сербов, почти 1,5 миллиона хорватов, более 1 миллиона словенцев, 0,75 миллиона евреев, плюс более полумиллиона других народов (включая цыган, армян, болгар и греков) (Ibid. P. 1).

[101] В качестве примеров интеграции ненемецких элит в высшие слои имперской власти можно привести хорватского бана Йосипа Елачича (1801–1859) и австрийского фельдцейхмейстера венгерского происхождения Ференца Гюлая (1798-1868).

Габсбургов и готовности действовать в рамках немецкоязычной бюрократической среды.

Характер политического мышления императора Франца Иосифа I во многом определился опытом революционных потрясений 1848–1849 гг., которые он воспринял прежде всего как угрозу государственному порядку и династической власти. В историографии подчёркивается, что, унаследовав империю в момент системного кризиса, молодой монарх сделал выбор в пользу восстановления централизованной модели управления, ограничения конституционных преобразований революционной эпохи и усиления роли бюрократического аппарата и армии как основных опор императорской власти. Как отмечает Питер Джадсон: «Франц Иосиф решительно выступил против некоторых аспектов революционного порядка, который он унаследовал».[102]

А. И. Герцен дал следующую характеристику Дунайской монархии: «Зловещая династия Габсбургов является какой-то карой для людей за их стремление к независимости: она постоянно противодействует всему человеческому – старым вольностям и новой свободе, постоянно усмиряет, подавляет и изнуряет. В имперском устройстве Австрии соединяется всё мрачное, инквизиторское, ядовитое и злое испанского католицизма со скупой алчностью, с кастрированным бесстрастием клерикального управления, с наглой дерзостью немецкого рыцарства и с холодным капральством казарменной дисциплины».[103]

Экономическое положение Австрийской империи в преддверии Итальянской кампании 1859 г. характеризовалось нарастающим бюджетным напряжением, тесно связанным с внешнеполитическими кризисами и военными приготовлениями.[104] Как подчёркивает Майкл Паммер «годы, в

[102] Judson P. The Habsburg Empire: A New History. London: The Belknap Press of Harvard University, 2016. P. 215.
[103] Колокол. 1 июня 1859. № 44. С. 361.
[104] Известия о войне произвели на Венской бирже самое тягостное впечатление. Все государственные фонды и акции упали: национальный заём – на 6 %, акции банка – на 40

которые страна была вынуждена вести войну, готовиться к войне или сталкивалась с революцией, были годами с большими бюджетными дефицитами».[105]

Сказывались и структурные проблемы налоговой системы. Империя оставалась многонациональным образованием с неоднородной экономикой: от развитых промышленных районов Ломбардо-Венецианского королевства до аграрных пространств Галиции и Буковины. При этом именно в экономически развитых провинциях налоговая база уже испытывала серьёзное давление, обусловленное внешней конкуренцией, инфраструктурными ограничениями и сохранявшимися тарифными барьерами. На севере Италии сочетание громоздкой административной бюрократии, таможенных пошлин и замедленных государственных инвестиций сдерживало экономический рост, что подрывало доходный потенциал региона и, в конечном счёте, ослабляло общий фискальный ресурс империи.

По словам Доминика Ливена: «В 1850-1918 гг. ключевой дилеммой империи было то, как, с одной стороны, удержать политические системы, имеющие огромную территорию, население и, следовательно, власть, а с другой – согласовать эту приоритетную задачу с удовлетворением требований национализма, демократии и экономического динамизма».[106]

Австрийская империя на протяжении первой половины XIX в. выступала одним из ключевых столпов Венской системы международных отношений, сформированной по итогам наполеоновских войн.[107] Именно

гульденов, акции Кредитного банка – на 20 гульденов, акции Северной железной дороги – на 11 %. (См.: Русский инвалид. 1859. № 88. 28 апреля)

[105] Pammer M. Constitutionalism and state finances in the Austrian Empire and the Austro-Hungarian Monarchy, 1815–1914. // Polity and State Finance in the Peripheries of the Global Economy. XVIII World Economic History Congress. Boston, August 2, 2018. P. 11.

[106] Lieven D. Dilemmas of Empire 1850–1918. Power, Territory, Identity // Journal of Contemporary History. 1999. Vol. 34. No. 2. P. 165.

[107] Традиционным стало представление о том, что Венская система базировалась на трех основных китах: соблюдении баланса сил, поддерживаемого концертом „великих держав“, возвращении к старым, дореволюционным порядкам в Европе (реставрация) и

Вена стала не только местом проведения конгресса 1814–1815 гг., но и политическим центром консервативного европейского порядка, ориентированного на поддержание стабильности и предотвращение революционных потрясений. Австрийская дипломатия, олицетворяемая системой Меттерниха, последовательно отстаивала принципы сохранения существующих границ, легитимности династий и коллективной ответственности «великих держав» за европейское равновесие. В этом качестве Габсбургская монархия играла роль опоры, связывая собственную внешнюю политику с функционированием Венской системы как основы общеевропейского порядка.

Будучи одним из главных гарантов Венской системы, Австрийская империя стремилась не только поддерживать общеевропейский порядок во внешней политике, но и воспроизвести его принципы внутри государства. В 1849 г. режим предпринял попытку оформить идеологию неоабсолютизма как альтернативу либерализму и национализму, которые рассматривались как главные источники дестабилизации европейского порядка. В центре этого проекта находились династическая лояльность, католический консерватизм и бюрократический патернализм, призванные вытеснить любые формы «политической» идентичности.

Ключевую роль в формировании этой модели сыграл Александр фон Бах (1813–1893), министр внутренних дел Австрийской империи в 1849–1859 гг., при котором сложилась система управления, получившая в историографии название «австрийский неоабсолютизм».[108]

К концу 1850-х гг. данная идеологическая конструкция всё больше выглядела анахронизмом на фоне принципа национальностей,

---

соблюдении прав законных правящих династий (легитимизм). (См.: Дударев В. С. Стала ли Венская система международных отношений системой? // Преподаватель XXI век. 2024. № 4. Ч. 2. С. 361.)

[108] Эпоху «австрийского неоабсолютизма» следует понимать не просто как возвращение к дореволюционному абсолютизму, а как фазу административной централизации, в которой доминировал принцип «Verwaltung vor Verfassung» т.е. приоритета администрации над конституцией. (См.: Brandt H.H. Der österreichische Neoabsolutismus als Verfassungs- und Verwaltugsproblem. Wien, Köln, Weimar: Böhlau Verlag, 2014. P. 7.)

последовательно продвигаемого во внешней политике Наполеоном III. Австрийский же политический нарратив по-прежнему апеллировал к правам династии и решениям Венского конгресса 1815 г., не предлагая ни итальянцам, ни другим народам империи позитивного образа будущего. Внутри самой монархии венские власти предпринимали попытку выработать собственный наднациональный проект – «австрийский патриотизм», основанный на представлении об империи как общем доме для множества народов под скипетром Габсбургов. По словам Скотта Мура «живущие в Австрии должны были уметь мыслить себя австрийцами, а это означало, что австрийская идентичность должна быть наднациональной и открытой для всех национальностей монархии».[109]

Эта модель позволяла до определённого момента связывать региональные идентичности с династической лояльностью, но она была слабо аргументирована в политической плоскости: подданным предлагали историю и символы, но не права и участие в государственных делах. Именно в Италии эта проблема проявилась наиболее остро. Либерально-монархический национализм Пьемонта, опираясь на печать и добровольческое движение, предлагал массовым слоям хотя бы ограниченное участие в политике: через идею нации, конституции и гражданства.

Австрийский же проект исходил из требования лояльности законному государю и сохранения статус-кво, не предполагая ни автономии Ломбардо-Венецианского королевства, ни полноценного представительства его элит в центральных институтах империи. В результате Вена оказалась в положении державы, которая идеологически защищает порядок без будущего, тогда как её противники в Италии пусть и разобщенные, но выступают за прогресс и национальное самоопределение.

[109] Moore S. Teaching the Empire: Education and State Loyalty in Late Habsburg Austria. Indiana: Purdue University Press, 2020 P. 131.

В этой связи итальянское население выражало свое отношение к австрийскому порядку не столько в политической сфере сколько фактически – «голосуя ногами». Наиболее показательным был массовый отток населения и отказ от австрийского гражданства в пользу итальянского государства, формировавшегося вокруг Пьемонта. Как отмечает Марио Маритан: «Процесс объединения Италии в 1859–1866 годах спровоцировал рост эмиграции и отказов от австрийского гражданства».[110]

После подавления революций 1848–1849 гг. ключевым фактором стабилизации Австрийской империи стала поддержка России. Именно русская армия под командованием Паскевича сыграла решающую роль в разгроме венгерского восстания в 1849 г., и тем самым спасала Габсбургов от военной катастрофы. В то же время, по мнению Ильдико Рошонци, уже к моменту вступления российских войск в Венгрию из Галиции и Южных Карпат исход восстания был фактически предрешён: «К тому времени, когда российские войска достигли Венгрии из Галиции и Южных Карпат, борьба за свободу стала безнадёжной и неспособной противостоять австрийским войскам, не говоря уже о превосходящей силе австро-российского союза».[111] Тем не менее, данный эпизод всё таки сформировал своеобразный «долг лояльности» Вены перед Петербургом и на определённое время поспособствовал укреплению контрреволюционного союза европейских монархий.

Однако уже в ходе Крымской войны 1853–1856 гг. Австрийская империя отказалась поддержать Россию и заняла позицию, фактически враждебную своему недавнему союзнику. Вена не только не вступила в войну на стороне Петербурга, но и выдвинула дипломатический ультиматум, угрожая присоединиться к западным державам в случае отказа России

[110] Maritan M. National Indifference, Legibility and Opportunism at the Dawn of Nation States: The Re-Shaping of Habsburg Trieste in the 1860s // Nationalism and Ethnic Politics. 2022. P. 413.

[111] Rosonczy I. Russian Arms for Franz Joseph in 1849 URL: https://hungarianreview.com/article/russian-arms-for-franz-josephin-1849/ (дата обращения 20.05.2026).

вывести войска из Дунайских княжеств. Этот шаг стал переломным моментом в австро-русских отношениях. Вот как эту ситуацию описывают Бридж и Буллен: «Прежде всего, ярость Санкт-Петербурга окончательно положила конец австро-русскому союзу: «Пришло время, – заявил Николай, не сражаться с турками и их союзниками, а сосредоточить все наши усилия против коварной Австрии и сурово наказать её за позорную неблагодарность».[112]

На Парижском конгрессе 1856 г. Австрийская империя фактически заняла позицию держав победителей: Франции и Великобритании, что в Петербурге было воспринято как окончательный разрыв прежних союзнических обязательств. Для российской стороны это означало подрыв легитимности австро-русского сотрудничества, сложившегося после событий 1849 г. В российской политической элите утвердилось представление о том, что Вена «забыла» о военной помощи, оказанной ей в период венгерского восстания. В результате после 1856 г. отношения двух монархий утратили союзнический характер и приобрели форму сдержанной, но устойчивой неприязни.

В сложившейся ситуации единственной великой державой, потенциально способной оказать Австрийской империи военную поддержку, оставалась Пруссия. Однако правящий дом Гогенцоллернов не проявил стремления к активному вмешательству на стороне Габсбургов и на то существовал целый ряд причин.

Уже в 1859 г. отмечалось, что Пруссия воспринимает австрийское господство в Германском союзе как «препятствие» к её собственному росту. Анализируя настроения в Берлине накануне войны между Францией и Австрией, Карл Маркс подчёркивал, что антагонизм между двумя германскими державами носил системный и долговременный характер. «Мне нет необходимости напоминать вам о закоренелой и необходимой вражде

[112] Bridge F. R., Bullen R. The Great Powers and the European States System, 1814–1914. Harlow; New York: Pearson Longman, 2005. P. 119.

между австрийским и прусским правительствами», которая не могла быть преодолена ни прежним сотрудничеством в рамках Венской системы, ни совместным опытом противодействия революциям. В этих условиях Пруссия сознательно занимала двусмысленную позицию, заявляя о нейтралитете как «европейская держава», но одновременно оставляя за собой право оценивать, «насколько австрийские притязания в Италии соответствуют подлинно немецким интересам».[113]

Отто фон Бисмарк также рассматривал Австрийскую империю как главного и системного соперника Пруссии в борьбе за политическое лидерство в Германии. Как отмечает Отто Пфланце уже в период своей деятельности в качестве прусского представителя при Германском союзе во Франкфурте в 1850 гг. он пришёл к выводу, что Пруссия «жизненно нуждается в поддержке в своей борьбе с Австрией за большую долю в управлении Германией».[114] Первоначально Бисмарк стремился найти такого союзника среди великих держав Европы: прежде всего во Франции и России, однако к 1858 г. он всё более склонялся к мысли, что наиболее перспективной опорой для прусской политики является немецкий национализм, который можно было использовать как инструмент подрыва австрийского первенства в германских делах.

Вена рассчитывала на коллективную реакцию Германского союза и поддержку Пруссии в случае войны, однако Берлин предпочёл дистанцироваться, рассматривая усиление Австрии как угрозу собственным притязаниям на лидерство в Германии.

Последней великой державой, от которой Австрийская империя могла рассчитывать хотя бы на ограниченную дипломатическую поддержку, оставалась Англия. Однако Лондон отказался от прямого вмешательства на стороне Вены. Британское правительство в целом признавало австрийское

---

[113] См.: Маркс К. Перспектива войны в Пруссии. URL: https://marxengels.public-archives.com/en/ME1123en.html (дата обращения 20.05.2026).

[114] Pflanze O. Bismarck and German Nationalism // The American Historical Review. 1955. Vol. 60. No. 3. P. 551.

господство в Италии как элемент порядка, установленного решениями Венского конгресса 1815 г., но вместе с тем исходило из приоритета сохранения общеевропейского мира. В этих условиях активная поддержка Австрии рассматривалась как рискованный шаг, способный привести к прямому столкновению с Францией, чего британская дипломатия стремилась избежать.

Одновременно внутри самой Англии отсутствовал политический консенсус в пользу военного вмешательства. Хотя королевский двор и часть консервативной элиты испытывали симпатии к Австрийской империи, решающим фактором стала позиция общественного мнения. Существенную роль в её формировании сыграла активная публичная кампания венгерского революционера Лайоша Кошута, (1802-1894) чьи выступления в Лондоне способствовали распространению сочувствия к национальным движениям и усилили антивоенные настроения. В результате поддержка Австрии стала политически проблематичной для британского правительства. Как отмечает Ф. А. Симпсон: «На самом деле именно Кошут, больше, чем любой отдельный англичанин, удерживал Англию от участия в войне».[115]

Несмотря на попытки лорда Дерби[116] и графа Мальмсбери[117] придать британской позиции характер «вооружённого нейтралитета», сохранявшего гипотетическую возможность вмешательства в пользу Австрии, данные инициативы не получили практического продолжения. Под воздействием общественных настроений премьер-министр был вынужден признать невозможность какого-либо отхода от политики строгого невмешательства. В результате Лондон сделал осознанный выбор в пользу нейтралитета, что окончательно лишило Австрийскую империю надежды на внешнюю поддержку в преддверии Итальянской кампании 1859 г.

---

[115] Simpson F. A. England and the Italian War of 1859 // The Historical Journal. 1962. Vol. 5. No. 2. P. 113.

[116] Британский государственный деятель, трижды занимавший пост премьер-министра Великобритании (1852, 1858–1859, 1866–1868).

[117] Британский государственный деятель и дипломат, дважды занимавший пост министра иностранных дел (1852, 1858–1859).

Оставшись без надёжных союзников в преддверии войны против франко-сардинской коалиции, австрийское руководство стремилось перехватить стратегическую инициативу ещё до завершения мобилизации противника. В Вене рассчитывали, что быстрые и решительные действия позволят либо принудить Сардинское королевство к уступкам дипломатическим путём, либо начать военную кампанию в более благоприятных условиях. Именно поэтому 23 апреля 1859 г. Турину был предъявлен ультиматум с требованием немедленного разоружения и демобилизации армии.

Вот как эти события описывает газета Венская газета: «Австрийское правительство было вынуждено выдвинуть эти требования ввиду ситуации, поскольку оно было убеждено, что не может более колебаться, если желает сохранить мир; оно было готово, в соответствии с прежними предложениями, приступить к разоружению Сардинии и тем самым предоставить итальянским государствам гарантии безопасности против любого нападения, какого можно было бы ожидать с этой стороны».[118]

Однако предъявление ультиматума привело к результату, прямо противоположному ожиданиям Вены. Вместо локализации конфликта действия Австрийской империи были восприняты значительной частью европейского общественного мнения как акт политического давления и необоснованной агрессии против Сардинского королевства.

В своей прокламации, опубликованной в преддверии начала боевых действий, император Франц Иосиф I всё же пытался представить войну как вынужденную меру, к которой Австрийская империя была принуждена силой. «После тщетных попыток сохранить мир для моей империи, не поступаясь её достоинством, я теперь вынужден взяться за оружие. С полным доверием вверяю право Австрии надёжным и испытанным рукам моей храброй армии. Их верность и мужество, их образцовая дисциплина, правое

[118] Wiener Zeitung. 27 April 1859 URL: https://anno.onb.ac.at/cgi-content/anno?aid=apr&datum=18590427&zoom=33 (дата обращения 20.05.2026).

дело, которое они защищают, и их славное прошлое служат для меня залогом успеха».[119]

Таким образом, к началу войны Австрийская империя оказалась в положении державы, чьи структурные слабости совпали по времени с внешнеполитическим вызовом, для которого у неё уже не было ни достаточных ресурсов, ни союзников, ни идеологического превосходства. Многонациональность, ещё недавно служившая основой имперского величия, превращалась в источник постоянного напряжения: национальные движения требовали политического участия и автономии, тогда как венский центр отвечал лишь централизацией и полицейским контролем. Финансовая система империи испытывала хронические перегрузки, а дипломатическое окружение стало откровенно неблагоприятным. Франц Иосиф вступал в войну практически в международной изоляции, с подорванным доверием России, недоброжелательным нейтралитетом Великобритании и скрытой конкуренцией со стороны Пруссии, готовившей почву для будущего германского лидерства.

1.3 Сардиния: «колокольный патриотизм» и движение Рисорджименто

К середине 1850-х гг. Сардинское королевство представляло собой сравнительно компактное, но в то же время достаточно густонаселённое государство, занимавшее особое место среди итальянских земель (см. Приложение В). Согласно данным общегосударственной переписи населения от 1 января 1858 г., на всей территории королевства, включая Савойю и Ниццу, впоследствии переданные Франции по Туринскому договору 1860 г., проживало 5 041 853 чел.[120]

[119] Санкт-Петербургские ведомости. 1859. № 89. 28 апреля.

[120] Popolazione. Censimento degli antichi Stati sardi (1° gennaio 1858) e censimenti di Lombardia, di Parma e di Modena (1857–1858). Torino: Stamperia Reale, 1864. P. 316.

При этом Савойские княжества занимали площадь в 74 935 км², из которых 50 685 км² составляли «материковую часть», а 24 250 км² приходились на «островную часть» королевства Сардиния.[121]

Лингвистическая карта Сардинского королевства отличалась значительным разнообразием. На материковой части государства преобладали пьемонтские и лигурийские говоры, относящиеся к североитальянской группе романских языков; в Савойе были широко распространены франко-провансальские диалекты, а в графстве Ницца окситанская традиция. Остров Сардиния, напротив, сохранял собственный древний романский язык – сардинский (sardu), представленный двумя крупными разновидностями: логудорским (logudorese) и камподанским (campidanese). В Галуре и северо-восточных районах бытовал галлурский (gallurese), переходный между сардинским и корсиканским. Как отмечает лингвист Мартин Мэйден: «Итальянские диалекты не являются диалектами итальянского языка. И они не являются «дочерними» по отношению к итальянскому, в смысле региональных вариантов итальянского, исторически происходящих от итальянского языка. На самом деле итальянский язык имеет свои корни в одной из речевых разновидностей, которые возникли из латыни в Италии в первом тысячелетии нашей эры».[122]

Необходимо отметить, что подавляющая часть населения Сардинского королевства, особенно в сельской местности, ещё не обладала сформированным национальным самосознанием. Социальная структура общества оставалась глубоко локализованной: идентичность крестьянина определялась прежде всего принадлежностью к приходу, общине или ближайшему городу, а не абстрактной идеей единой итальянской нации. Современная историография подчёркивает, что в этот период значительно более распространённым оставался *«колокольный»* или *«церковно-*

[121] Felloni G. Scritti di storia economica // Atti della Società Ligure di Storia Patria. Nuova Serie. Vol. XXXVIII (CXII). Fasc. II. Genova, 1998. P. 1009.
[122] Maiden M. A Linguistic History of Italian. London; New York: Routledge, 2013. P. 3.

приходской патриотизм» (campanilismo).[123] Как верно подметил Альберто Марио Банти: «неграмотные слои населения зачастую едва могли распознать элементы, связанные с их идентичностью, которые выходили за пределы тени, отбрасываемой колокольней их сельской общины».[124]

Существенное влияние на развитие итальянского национального движения в первой половине XIX в. оказала деятельность карбонариев – разветвлённой сети тайных обществ, действовавших на территории Апеннинского полуострова. Американский историк Джон Рат пишет: «из многочисленных тайных обществ, пронизывавших Италию в первой половине XIX века, ни одно не внушало большего страха кругам, травмированным опытом Французской революции, чем Карбонарии».[125] По словам автора, император Франц I и другие представители австрийского консервативного истеблишмента, включая Клеменса фон Меттерниха, были настолько убеждены в том, что карбонарии и родственные им организации представляют серьёзную угрозу сохранению существующего политического порядка и интересам Габсбургской монархии в Италии, что инициировали создание тайной разведывательной сети, охватывавшей практически всю Италию и предназначенной для их поимки.

Карбонарии заимствовали значительную часть масонского ритуала и символики, однако наполнили его либеральными и конституционными лозунгами, направленными против тиранических форм правления и австрийского политического доминирования в Италии. Подготовленные ими восстания 1820–1821 и 1830–1831 гг., охватившие Королевство Обеих

---

[123] Колокольня в представлении итальянца – это символ родины, места, где он родился. В каждом селении есть своя колокольня-башня. Концепт «campanilismo» в итальянской культуре подразумевает абсолютную любовь и преданность к своей родной колокольной башне, родному кварталу, городу, области (См.: Дичковская, Е.А. Содержательно-смысловые границы концепта «campanilismo» в национальной картине мира итальянцев. // Журнал «Труд. Профсоюзы. Общество». 2013. No 2. С. 85 – 88.)

[124] Banti A. M. The Nation of the Risorgimento: Kinship, Sanctity, and Honour in the Origins of Unified Italy. London; New York: Routledge, 2020. P. X.

[125] Rath J. The Carbonari: Their Origins, Initiation Rites, and Aims // The American Historical Review. 1964. Vol. 69, No. 2. P. 353.

Сицилий, Пьемонт, а также ряд областей Центральной Италии, были в короткие сроки подавлены вооружённым вмешательством Австрийской империи. Попытки карбонариев превратить локальные очаги недовольства в общенациональное движение оказались неудачными, что было обусловлено слабостью межрегиональных связей, ограниченностью социальной базы и отсутствием чёткой и устойчивой политической программы, способной объединить разнородные по своим целям и интересам группы участников.

Первая попытка итальянцев сбросить австрийское господство путем вооруженной борьбы произошла в марте 1848 г. Как писал известный сардинский генерал Альфонсо Ла Марамора (1804-1878): «Война была одновременно чрезвычайно популярной в стране и в армии: чувство военной чести и патриотизма сливались в одно и то же чувство».[126]

Однако, несмотря на мощный подъём патриотических настроений, революционные движения в Ломбардии, Венеции, Модене и Парме не смогли создать устойчивые государственные и военные структуры, способные обеспечить ведение продолжительных и скоординированных боевых действий против Австрийской империи. Добровольческие формирования, городская национальная гвардия и местные вооружённые отряды, возникшие в ходе восстаний, обладали прежде всего высоким политическим и символическим значением, но вместе с тем, не располагали достаточным уровнем организации, снабжения и стратегического управления.

В этих условиях единственной реальной силой, способной взять на себя ведение полномасштабной войны, оставалось Сардинское королевство. Как подчёркивал итальянский историк Витторио Оттолини «Таким образом, оставался только Пьемонт – со своими восьмьюдесятью тысячами солдат, с поддержкой итальянцев и деятельностью многочисленных эмигрантов,

[126] Massari G. Il generale Alfonso La Marmora: ricordi biografici. P. 26.

прибывших со всех концов Италии, чтобы бросить вызов буре под сенью этого древнего и крепкого дуба».[127]

Сардинский король Карл Альберт Савойский (1798–1849) отличался высоким уровнем образования, в том числе военного, и личной храбростью, неоднократно отмечавшейся современниками. Вместе с тем ему недоставало практического оперативного чутья, прежде всего в вопросах размещения войск и ориентации на местности, что существенно сказывалось на качестве принимаемых им решений. Именно этими обстоятельствами во многом объясняются ошибки, допущенные в ходе кампании 1848 г.

После первоначальных успехов весны 1848 г.: взятия крепости Пескьера, побед при Пастренго и Гоито, стратегическая инициатива постепенно начала переходить к австрийской стороне. Существенную роль в этом развороте сыграли просчёты сардинского командования: отсутствие чёткого и последовательного оперативного плана, медлительность при манёврах войск, слабое взаимодействие между соединениями и хронические трудности со снабжением подрывали боеспособность армии. Австрийская империя, напротив, сумела сравнительно быстро восстановить контроль над Ломбардией и, сосредоточив под командованием фельдмаршала Иосифа Радецкого (1766–1858) сплочённые и дисциплинированные части, навязала Пьемонту затяжную и изматывающую войну.

Решающим стал 1849 год. Истощённая сардинская армия, так и не сумевшая восстановить силы после неудач предыдущей кампании, потерпела тяжёлое поражение в сражении при Новаре. Это поражение продемонстрировало окончательную невозможность продолжения войны: политическая поддержка ослабла, финансовые ресурсы королевства оказались серьёзно подорваны, а военная инициатива окончательно перешла к Австрии. Осознавая бесперспективность дальнейшего сопротивления и принимая на себя ответственность за поражение, Карл Альберт отрёкся от престола в пользу своего сына Виктора Эммануила II (1820–1878). Его уход

[127] Ottolini V. La rivoluzione lombarda del 1848 e 1849. Milano: Ulrico Hoepli, 1887. P. 370.

современники воспринимали как драматический, но в целом закономерный итог войны, завершившейся восстановлением австрийской гегемонии в Северной Италии.

В середине XIX в. идея объединения Апеннинского полуострова оставалась в значительной степени продуктом узких элитарных кругов: образованных либералов, представителей бюрократии, адвокатуры и офицерского корпуса, а также части светской аристократии. Для широких слоёв населения, прежде всего сельских жителей, национальная идея представлялось абстрактной и малоосмысленной. Вот что по этому поводу пишет Денис Мак Смит: «Итальянская национальность мало что значила для большинства итальянцев, для которых само слово «Италия», было вероятно неизвестным».[128]

К началу 1850-х гг. сформировался своеобразный союз между Савойской династией и пьемонтскими либеральными элитами: для монархии национализм выступал прежде всего инструментом территориального и политического расширения, тогда как для либеральных реформаторов он представлял собой единственную реалистичную платформу для проведения конституционных и институциональных преобразований.

После поражения революций 1848–1849 гг. Пьемонт-Сардиния, сумевшая сохранить действие конституции и функционирование парламентских институтов, превратилась в естественный центр притяжения для политических эмигрантов, публицистов и интеллектуалов со всего Апеннинского полуострова. В этих условиях Турин постепенно приобрёл роль политического и идеологического ядра Рисорджименто, где формировались стратегии и программы, ориентированные на объединение Италии «сверху», при ведущей роли монархического государства.

Политический строй Сардинского королевства к середине XIX в. представлял собой конституционную монархию, основанную на

[128] Mack Smith D. Cavour and Garibaldi, 1860: A Study in Political Conflict. Cambridge: Cambridge University Press, 1954. P. 16.

Альбертинском статуте от 4 марта 1848 г. Этот основной закон, дарованный королём Карлом Альбертом Савойским в разгар общеевропейского революционного кризиса, трансформировал Пьемонт-Сардинию из сословной монархии «старого режима» в государство с представительным парламентским органом и формально гарантированными, хотя и существенно ограниченными, гражданскими свободами.

Именно конституционный строй придал Сардинскому королевству особый статус в итальянском политическом пространстве. Как отмечал Филиппо Сабетти «после 1849 года Королевство Сардиния резко выделялось как единственная парламентская монархия в Италии; в результате Пьемонт стал единственной надеждой итальянских либералов, и в течение следующих десяти лет история Пьемонта была историей Италии».[129]

Личность Виктора Эммануила II играла заметную роль в политической эволюции Пьемонта в 1850-е гг. и в развитии движения Рисорджименто в целом. Не являясь убеждённым либералом и оставаясь по складу мышления монархом традиционного типа, он, тем не менее, сумел адаптироваться к условиям конституционного правления и функционирования парламентских институтов. Его политическое значение во многом определялось не столько последовательностью взглядов, сколько личными качествами и способностью выступать связующим звеном между различными политическими лагерями.

Д. Мак Смит дает следующую характеристику Сардинском королю: «Хорошие качества у него, безусловно, были. Его приветливость и простота в поведении привлекали как консерваторов, так и революционеров, и это имело большое значение для страны в то время, когда формировалось парламентское правительство. Он был добродушным, а также обладал

[129] Sabetti F. The Making of Italy as an Experiment in Constitutional Choice // Publius: The Journal of Federalism. 1982. Vol. 12. No. 3. P. 75.

здравым смыслом и даже некоторой способностью к политической тонкости. Он проявил физическую смелость в четырёх войнах».[130]

Наряду с благожелательными характеристиками существовали и резко критические оценки личности Виктора Эммануила II. Современники, имевшие возможность наблюдать короля вблизи, нередко описывали его как «слабого», «коварного, ненадёжного и посредственного человека», подчёркивая отсутствие у него системного политического мышления и склонность к импульсивным решениям. Эти черты во многом формировались в условиях абсолютистского двора, где будущий монарх воспитывался в атмосфере подчёркнутой иерархии и подчинения, с минимальным вниманием к гражданским и конституционным вопросам.

Образование Виктора Эммануила II было крайне ограниченным и носило преимущественно военный характер; в отчётах наставников он фигурирует как ученик «вечно скучающий и ленивый», «часто засыпающий на занятиях» и неспособный усвоить даже элементарный учебный материал. В результате король сформировался как человек военного склада: прямолинейный, резкий, ориентированный на дисциплину и силу.[131]

Политические методы короля отличались отсутствием прозрачности и внутренней противоречивостью. Виктор Эммануил II нередко прибегал к тактике двусмысленных дипломатических сигналов, одновременно заверяя как Францию, так и Австрию в том, что расширение армии преследует исключительно цели поддержания порядка и противодействия демократическому радикализму. В этой на первый взгляд противоречивой линии поведения проявлялась характерная черта его политического темперамента: склонность к скрытным манёврам и ситуативному лавированию. Подобный стиль управления сочетал элементы инстинктивного авторитаризма с прагматическим приспособлением к

[130] Mack Smith D. Victor Emanuel, Cavour, and the Risorgimento. London: Oxford University Press, 1971. P. 38.
[131] Ibid. P. 39.

меняющимся обстоятельствам и стал важной особенностью пьемонтской политики начала 1850-х гг.

Ближайшим соратником Виктор Эммануил II и главным архитектором политического курса Пьемонта в преддверии Итальянской кампании 1859 г. был премьер-министр Камилло Бенсо ди Кавур (1810–1861). Именно Кавур сумел органично соединить внешнеполитическую стратегию, внутренние либеральные реформы и активную дипломатическую деятельность, создав тем самым условия для вооружённого столкновения с Австрийской империей и последующего процесса итальянского объединения.

В историографии Кавур, как правило, характеризуется как политик умеренно-либерального направления, последовательно отстаивавший модель объединения Италии в форме конституционной монархии под эгидой Савойской династии. Так, американский исследователь Деннис Бертхольд определяет его как «строгого конституционалиста и монархиста, который, тем не менее, выступал за итальянское единство».[132]

Одним из ключевых аспектов политического портрета Кавура являлась его способность формировать парламентские коалиции и эффективно управлять расстановкой политических сил. Заключённое им в 1852 г. неформальное соглашение с политиком Урбано Раттацци («*connubio*»)[133] позволило создать устойчивую центристскую коалицию, объединившую умеренных либералов и конституционных монархистов, и фактически обеспечило Кавуру доминирующее положение в правительстве. При этом в практической политике он нередко проявлял жёсткость и беззастенчивый прагматизм: в ситуациях, требовавших решительных действий, Кавур не колебался использовать давление, закулисные договорённости и тактические манёвры для достижения поставленных целей.

---

[132] Berthold D. Melville, Garibaldi, and the Medusa of Revolution // American Literary History. 1997. Vol. 9. No. 3. P. 428.

[133] Депутат парламента королевства Сардиния Микеланджело Кастелли в своих «воспоминаниях» описывал этот союз левых и правых следующим девизом: «Монархия, Конституция, Независимость, Гражданский и политический прогресс». (См.: Castelli M. Il Conte di Cavour. Torino-Napoli, 1886. P. 41.)

Участие Сардинского королевства в Крымской войне стало ключевым событием, позволившим Пьемонту впервые заявить о себе как о силе общеевропейского масштаба. Хотя Турин присоединился к коалиции не сразу, переговоры Кавура с Лондоном и Парижем завершились отправкой экспедиционного корпуса под командованием генерала Альфонсо Ла Мараморы весной 1855 г. Пьемонтские войска проявили себя дисциплинированно и эффективно, сыграв заметную роль во время осады Севастополя, а также в сражении при Чёрной речке 16 августа 1855 г., где сардинские части выдержали натиск русских колонн и внесли существенный вклад в общий успех коалиции.

По утверждению Е. А. Горшковой «Действительно, Кавур понимал всю косвенную пользу, которую можно было бы извлечь из этого почти авантюрного предприятия: это сам факт участия в передовой международной политике как первая и прекрасная возможность заявить о себе на мировой арене и приблизится к статусу полноценного европейского государства».[134]

Благодаря демонстрации лояльности западным державам Сардинское королевство получило право участвовать в Парижском мирном конгрессе 1856 г., где Кавур добился включения в повестку заседаний Итальянского вопроса, впервые представленного как международная проблема, а не как внутреннее дело Австрийской империи.

По словам А. В. Матвеева, «это антиавстрийское условие Кавура, принятое французским императором, было крайне выгодно для Пьемонта и соответствовало его внешнеполитическим планам. Вместе с тем Кавур отдавал себе отчёт в том, что его реализация в отдалённом будущем, да ещё таким известным “дипломатическим интриганом”, каким являлся Наполеон III, вовсе не гарантирована».[135] Данный дипломатический прорыв создал основу для последующих международных коалиций и обеспечил Пьемонту

[134] Горшкова Е. А. К вопросу об участии Сардинского королевства в Крымской войне в 1854–1855 гг. // Евразийский союз ученых. 2016. № 4 (25). С. 140.
[135] Матвеев В. Д. Сардинское королевство и его экспедиционный корпус в Крымской войне в 1855–1856 гг. // Вопросы истории. 2004. № 8. С. 116–117.

статус легитимного представителя итальянских интересов на европейской арене.

Дальнейший ход событий подробно описывает американский историк Фрэнк Коппа в своей монографии *«Истоки итальянских войн за независимость»*. «Кавур вернулся из Парижа, преисполненный решимости воспользоваться антиавстрийскими и проитальянскими настроениями Наполеона III с тем, чтобы вновь поднять пьемонтский конфликт с Габсбургами и спровоцировать Вторую войну за национальное освобождение. Убеждённый в том, что император испытывает скрытую неприязнь к Австрии и сохранил яркие воспоминания о революционных событиях 1831 г., в которых он сам принимал участие, Кавур пришёл к выводу о совместимости интересов Франции и Пьемонта».[136]

Контуры будущего военного союза были очерчены на уже ранее упоминавшейся Пломбьерской встрече. Для Виктора Эммануила II соглашение с Францией стало тяжёлым, но неизбежным шагом: перспектива стать королём крупного итальянского государства перевешивала привычные династические привязанности к исторической колыбели Савойского дома. Однако если для монарха уступка Савойи и Ниццы представлялась ценой, которую ещё можно было оправдать государственными интересами, то среди сторонников национального движения эта политика вызвала куда более болезненную и противоречивую реакцию.

На фоне нарастающей напряжённости весной 1859 г. европейские державы предприняли попытку предотвратить вооружённый конфликт дипломатическим путём. Наиболее активную роль в этих усилиях сыграли Российская империя и Великобритания. По инициативе Санкт-Петербурга и Лондона обсуждалась идея созыва международного конгресса великих держав с целью урегулирования Итальянского вопроса и выработки коллективного решения, которое позволило бы избежать войны. Однако

[136] Coppa F. J. The Origins of the Italian Wars of Independence. London; New York: Longman, 1992. P. 74.

данная дипломатическая инициатива оказалась обречённой на провал: Австрийская империя отвергла как посредничество Англии, так и предложение России о созыве конгресса.

Отказ Пьемонта выполнить австрийский ультиматум от 23 апреля 1859 г. поставил страну в состояние фактически неизбежной войны. Уже 26 апреля Виктор Эммануил II созвал Совет министров, на котором было принято решение объявить королевству о начале боевых действий и утвердить подготовленный Кавуром текст воззвания. В политическом плане это был момент, когда Сардинское королевство стремилось продемонстрировать европейским державам, что вступает в войну не в качестве агрессора, а как государство, защищающее свою свободу и законные права.

В тексте воззвания подчёркивалось: «Воины! Австрия, которая усиливает свою армию на наших границах и грозит вторгнуться в наши пределы, потому что здесь царствует свобода в соединении с порядком, потому что государством управляет у нас не сила, а согласие и любовь между народом и государством, потому что вопли угнетённой Италии находят между нами отголосок».[137]

Таким образом, к концу 1850-х гг. Сардинское королевство превратилось из региональной державы Савойского дома в политический центр, способный инициировать процесс итальянского объединения. Совокупность негативных факторов: социальная неоднородность населения, сохранявшаяся слабость массового национального самосознания, традиции «колокольного патриотизма», ограниченность революционных сетей карбонариев, поражения революции 1848–1849 гг., не помешала Кавуру и Виктору Эммануилу II превратить Пьемонт в центр притяжения национального движения и в ядро будущего итальянского государства. По словам Массимо де Леонардис «Вторая война за независимость открыла двухлетний период, который привел к провозглашению Королевства Италия

[137] Санкт-Петербургские ведомости. 1859. 28 апреля. № 3.

благодаря удачному сочетанию союзов и международных ориентиров, войн регулярных армий, кампаний добровольцев и революционных волнений».[138]

[138] De Leonardis M. Il quadro politico-diplomatico della situazione italiana ed europea nel 1859. P. 23.

Глава II. АРМИИ НА ПОЛЕ БОЯ

2.1 Франция: инновации и боевой дух

Итальянская кампания 1859 г. занимает особое место в истории европейских войн середины XIX в., поскольку стала одним из первых конфликтов, в которых технические инновации: железные дороги, телеграф, паровой флот, нарезная артиллерия и модернизированное стрелковое оружие обозначили переход к качественно иному типу ведения войны, выходящему за рамки классической наполеоновской модели.

Прусский генерал Крафт Гогенлоэ-Ингельфинген писал: «Для нас Итальянская война – война современная, поэтому она очень интересна и крайне поучительна, тем более что не имеет ничего общего с наполеоновскими войнами».[139]

Как добавлял британский военный историк Г. Уилли «Кампания 1859 г. в Северной Италии была одной из первых эпохальных, стремительно проведённых войн, которыми ознаменовалась вторая половина XIX столетия».[140]

С методологической точки зрения данные изменения целесообразно рассматривать в контексте *«концепции сверхдлинных военных циклов» (СВЦ)* В. Л. Цымбурского, согласно которой: «Материальный базис войны претерпевает изменения, которые выглядят резким преобразованием соотношения между двумя ключевыми конфликтными возможностями сторон. А эти две ключевые возможности суть а) возможность мобилизовать для нужд войны материальные и, прежде всего, человеческие ресурсы и б) возможность уничтожать подобный же мобилизованный контингент противника».[141]

---

[139] Обзор кампании 1859 года в Италии. С. 4.
[140] Wylly H. C. The Campaign of Magenta and Solferino, 1859. London: Swan Sonnenschein & Co., Ltd.; New York: The Macmillan Company, 1907. P. XI.
[141] Цымбурский В. Л. Сверхдлинные военные циклы и мировая политика. С. 6.

В этом отношении можно констатировать, что войны XVIII в. и начала XIX в., находились на сходном технологическом уровне: парусный флот, передвижение войск в пешем строю, кремнёвое стрелковое оружие и гладкоствольная артиллерия определяли пределы как мобилизации, так и поражающей силы. В свою очередь, середина XIX в. знаменует собой переломный момент, когда внедрение пара, железных дорог и электрического телеграфа резко ускорило процессы сосредоточения и управления войсками, не сопровождаясь при этом столь же радикальной трансформацией стратегического мышления.

Итальянская кампания 1859 г. в этом смысле выступает как рубеж внутри сверхдлинного военного цикла 1792–1945 гг.: мобилизационные возможности начинают опережать традиционные формы управления армиями, унаследованные от наполеоновской эпохи. Именно здесь война впервые в полной мере сталкивается с последствиями ускоряющегося технического прогресса, предвосхищая кризис классической модели войны и подготавливая почву для конфликтов индустриальной эпохи.[142]

Рассмотрение Итальянской кампании позволяет выявить и её транснациональное значение, связанное с распространением полученного в ходе войны военного опыта за пределы государств – непосредственных участников конфликта. Одним из каналов такой циркуляции стала деятельность русских военных наблюдателей. П. А. Шувалов, направленный в апреле 1859 г. военным агентом во Францию, находился при главной квартире французской армии и непосредственно наблюдал за ходом кампании, регулярно направляя в Санкт-Петербург донесения о применении новых образцов вооружения и особенностях организации военных действий. М. И. Драгомиров, офицер Генерального штаба, в период войны был прикомандирован к штабу сардинской армии, что позволило ему непосредственно наблюдать за организацией и действиями участвовавших в

[142] См.: Крехов С. С. От Севастополя до Сольферино: Итальянская кампания 1859 г. в зеркале русской военной мысли // Вестник КГУ. 2025 Т. 31, № 4. С. 20–24.

кампании войск. Впоследствии полученный опыт был обобщён им в военно-теоретических работах с точки зрения его практического значения для русской армии. Наблюдения за французскими и австрийскими войсками оказали существенное влияние на формирование взглядов Драгомирова на подготовку войск, соотношение технического прогресса и нравственного фактора, значение инициативы, дисциплины и взаимоотношений между офицером и солдатом. В дальнейшем эти положения заняли важное место в его педагогической и военно-теоретической деятельности.

Важно отметить, что деятельность П. А. Шувалова и М. И. Драгомирова представляет конкретный пример трансграничной передачи военного опыта, при которой сведения о новых вооружениях, организации войск и практике ведения боевых действий переносились с итальянского театра войны в российское военно-профессиональное пространство. Как отмечает А. Ириэ, в отличие от международной истории, сосредоточенной преимущественно на отношениях между государствами, транснациональная история обращается к связям, выходящим за национальные границы, в том числе осуществляемым отдельными людьми.[143] В свою очередь, П.-И. Сонье особое значение в изучении подобных связей отводит посредникам («connectors»), к числу которых могут относиться отдельные лица и группы, обеспечивающие связи между различными государствами и обществами.[144] В этом отношении Итальянская кампания 1859 г. выступала не только важным этапом эволюции военного искусства, но и пространством формирования и последующей транснациональной циркуляции военного опыта.

Первым и наиболее наглядным проявлением инноваций в ходе Итальянской кампании 1859 г. стало использование железных дорог как инструмента стратегической концентрации сил. Впервые в европейской войне середины XIX в. железнодорожный транспорт был задействован не

[143] Iriye A. Global and Transnational History. P. 15.
[144] Saunier P.-Y. Transnational History. P. 35.

эпизодически и не вспомогательно, а как ключевой узел стратегического планирования, задававший параметры всей Итальянской кампании.

Как верно подметил А. А. Свечин: «Железные дороги использовались раньше лишь эпизодически. Так, в 1849 г. русская дивизия Панютина (13 тыс.) была переброшена по железной дороге из русской Польши в Вену для создания прочного ядра Дунайской армии австрийцев, действовавшей против венгров».[145] Во время Крымской войны англичане проложили железную дорогу из Балаклавы в Севастополь для снабжения армии союзников.[146] Однако именно Итальянская кампания 1859 г. произвела революцию в понимании военной мобильности. Как отмечал французский генерал де Лакруа: «Война 1859 года в Италии стала отправной точкой для применения железнодорожного транспорта в военных целях».[147]

Бюро статистики Главного управления мостов, дорог и железных дорог Министерства сельского хозяйства, торговли и общественных работ Франции в декабре 1859 г. опубликовало отчет о военных перевозках по французским железным дорогам, в котором были приведены следующие данные: «В период с 20 апреля по 15 июля 1859 года – 86 дней, в течение которых более 220 000 человек и их снаряжение были перевезены из французского гарнизона в самое сердце Ломбардии».[148]

М. И. Драгомиров отмечал: «Железные дороги обнаружили в эту кампанию все свои сильные и слабые стороны: большие сбережения во времени и в издержках и большие расходы на сам путь; чрезвычайная регулярность сообщений, освобождение их от случайностей, до возможности минутного расчёта, и зависимость самих дорог от случайностей – прямо показали, во-первых, что пути этого рода имеют значение

[145] Свечин А. А. Эволюция военного искусства. Т. 2. С. 81.
[146] См.: Самсонов В. И. Английская железная дорога в Балаклаве в эпоху Крымской войны. Севастополь: Севастопольское музейное объединение, 1931.
[147] Revue des deux mondes: recueil de la politique, de l'administration et des moeurs. URL: https://gallica.bnf. fr/ark:/12148/bpt6k431881d/f414.item (дата обращения 20.05.2026).
[148] Notice sur les transports militaires par les chemins de fer français vers le théâtre de la guerre d'Italie, décembre 1859. URL: Notice sur les transports militaires .pdf (дата обращения 20.05.2026).

коммуникационных, но не операционных линий; во-вторых, что они могут принести пользу всестороннюю и продолжительную только при условии высокого промышленного развития воюющих сторон».[149]

Иными словами, железные дороги переосмыслили значение массовой армейской мобильности, окончательно порвав с наполеоновской практикой принудительного пешего перемещения крупных корпусов на дальние расстояния. Так, во время русской кампании 1812 г. Великой армии Наполеона удалось преодолеть большое расстояние, но лишь ценой крайней усталости войск, которая в определенный момент начала работать против них.

Стоит отметить, что не все авторы соглашались с данным тезисом. Так, швейцарский военный теоретик Фердинанд Леконт, анализируя опыт Итальянской кампании 1859 г., признавал значение железных дорог для переброски войск, снабжения и транспортировки тяжелого военного имущества, однако предостерегал от переоценки их тактических возможностей. По его мнению, отдельные случаи использования железнодорожного транспорта непосредственно в ходе военных действий еще не свидетельствовали о коренном изменении военного искусства. Он отмечал, что «подобные преимущества, как видно, облегчают ведение войны, но не изменяют самого способа её ведения».[150]

Главное преимущество железных дорог в 1859 г. заключалось не столько в самом факте ускорения передвижения войск, сколько в возможности быстрой и точной концентрации сил. Именно концентрация войск в нужном месте и в нужное время традиционно рассматривалась как ключ к победе ещё во времена наполеоновских войн.

У Наполеона III на начальном этапе не существовало иного плана, кроме стратегического развертывания армии, привязанного к пункту

---

[149] Драгомиров М. И. Сборник оригинальных и переводных статей. Т. 1. С. 182.
[150] Lecomte F. Relation historique et critique de la campagne d’Italie en 1859. T. II. 2e éd. Paris: Ch. Tanera; Turin: Bocca Frères; Milan: Dumolard Frères, 1860. P. 151.

сосредоточения сардинских войск (см. Приложение Г). Главной задачей французского командования было до начала активных боевых действий соединить все силы, двигавшиеся двумя разрозненными потоками: одна часть морем через Геную, другая через Альпы к Сузе.[151]

Как пишет официальное французское издание посвященное Итальянской кампании 1859 г.: «Наибольшие затруднения экспедиции, безусловно, были вызваны повреждениями железных дорог, которые нанесли австрийцы при отступлении; однако благодаря предусмотрительности Императора, который сразу по прибытии в Италию пригласил из Франции опытных инженеров и квалифицированных рабочих, а также благодаря смелости применявшихся методов, мосты через Скривию, По, Сезию, Тицин и Адду были оперативно восстановлены».[152]

Сардинская армия, хотя и была полностью оснащена и хорошо обучена, всё же была слишком малочисленной, чтобы долго сопротивляться надвигающейся атаке крупной австрийской силы. Поэтому в первые дни апреля все резервы были призваны и с помощью очень хорошо развитой железнодорожной сети их легко можно было сосредоточить в любой точке маленького государства.[153]

Однако, как сообщал Г. Мольтке, «искусно расположенная сеть железных дорог в высшей степени облегчала сбор войск; но, начиная от Масона, к сардинской границе направлялась одна только ветвь, не располагавшая большими перевозочными средствами и кончавшаяся у С. Жан-де-Мориен».[154]

В связи с этим значительную часть французской армии пришлось перебрасывать морем. Австрийский ультиматум едва достиг Турина, когда пароходы уже начали доставлять из различных портов Франции полки к

[151] Обзор кампании 1859 года в Италии. С. 51-52.
[152] Campagne de l’Empereur Napoléon III en Italie en 1859. P. 343.
[153] Willisen W. Die Feldzüge der Jahre 1859 und 1866. S. 6.
[154] Мольтке Г. Итальянская война 1859 года. С. 14.

границе Пьемонта. Подобная оперативная реакция стала возможной лишь благодаря глубокой трансформации военно-морских сил.

Переход от парусного флота к паровому радикально изменил характер морских транспортировок, превратив их из зависимого от ветра фактора в управляемый инструмент стратегического манёвра. Принцип действия парового флота основывался на использовании паровой машины, преобразующей тепловую энергию сгораемого топлива в механическое движение винта, что обеспечивало кораблю независимость от ветра и погодных условий. Не случайно Синопское сражение 1853 г. часто рассматривается как «лебединая песнь» парусного флота: уже в годы Крымской войны, а тем более к 1859 г., решающую роль на море начинают играть паровые корабли, способные обеспечивать регулярные перевозки войск и грузов, а также поддерживать операции сухопутной армии.

Как верно подметил капитан А. Вандевельде, «в 1800 г. сосредоточение французской армии за Альпами требовало более трёх месяцев, тогда как в 1859 г. эта концентрация была осуществлена всего за 25 дней, а уже через 46 дней Ломбардия была завоёвана, и война фактически завершена. Иными словами, с помощью парового флота потребовалось меньше времени, чтобы собрать армию, вторгнуться в страну глубиной около 50 лье (200 км) и закончить кампанию, когда ранее сопоставимое время уходило лишь на подготовительный этап развертывания армии перед началом войны».[155]

Отметим, что Французские корпуса выступили в поход практически без собственных обозов. Сардинское правительство обязалось обеспечить их продовольствием на 17 дней. Наполеон III направил из Франции лишь ограниченное количество транспортных средств – около 600 повозок, из

[155] Vandevelde A. Précis historique et critique de la guerre en Italie en 1859. Bruxelles: Charles Muquardt, 1860. P. 175.

которых 200 были сохранены в распоряжении армии как общий транспортный резерв, а остальные распределены между корпусами.[156]

Снабжение французской армии осуществлялось следующим образом: грузы прибывали морем в Геную и далее по железной дороге доставлялись к войскам. Именно поэтому направление наступления первоначально было выбрано вдоль железнодорожной линии. Однако после подрыва австрийцами моста через реку Сезию снабжение пришлось осуществлять опять с помощью обозов.

Быстрое преследование отступавших австрийцев затруднялось также тем, что после неожиданного сражения под Маджентой Наполеон III решил вести войска в плотной концентрации, постоянно готовыми к бою. Это, в свою очередь, ограничивало использование местных ресурсов и транспортных средств.

Хотя восстановительные работы велись энергично, а разрушения мостов австрийцами оказались неполными, общий темп продвижения французской армии составил всего около 7,5 километра в сутки. Следует, однако, отметить, что интенсивность огня в кампании оставалась сравнительно невысокой, вследствие чего потребность в подвозе боеприпасов была относительно умеренной.[157]

Помимо железных дорог и парового флота существенную поддержку армии союзников оказал телеграф. Руководство телеграфной службы французской армии было поручено господину Лэру (Клеману), генеральному инспектору второго класса. Данный чиновник выехал из Парижа 16 мая в составе: 5 инспекторов; 4 начальников станций; 12 телеграфистов; 28 надсмотрщиков.[158]

Как писал М. И. Драгомиров: «Телеграфных чиновников взяли с французских линий; 22 мая они были в Александрии, снабжённые 5 000

---

[156] Драгомиров М. И. Сборник оригинальных и переводных статей. Т. 1. С. 182.
[157] Свечин А. А. Эволюция военного искусства. Т. 2. С. 98.
[158] Desfossés R. Rapports officiels français sur la campagne d’Italie en 1859: opérations dans l’Adriatique // Revue militaire suisse. 1860. T. 5. № 6. P. 94.

лёгких телеграфных шестов и 5 000 килограммов проволоки. В ходе всей кампании они не только не отставали от главной квартиры, но зачастую даже предупреждали её».[159]

Личный состав был организован в три бригады: две первые занимались строительством линий; третья укреплением линий, их охраной и текущим обслуживанием, а также организацией конвоев с материалами, предназначенными для снабжения строителей.

Принцип действия военного телеграфа заключался в передаче электрических импульсов по проводу между стационарными или временными станциями, где сигналы преобразовывались в буквенные сообщения при помощи телеграфного аппарата. В условиях кампании линии прокладывались преимущественно вдоль путей движения армии и железных дорог, что позволяло сочетать относительную устойчивость коммуникаций с высокой скоростью развертывания. Использование лёгких переносных столбов и временных креплений делало возможным быстрое восстановление повреждённых участков, а сама система не требовала значительного числа обслуживающего персонала на каждом отрезке. Тем самым телеграф обеспечивал почти непрерывную связь между главной квартирой, корпусами и тыловыми структурами, резко сокращая время передачи приказов и донесений по сравнению с курьерской связью.

Телеграф был отличным средством для передачи депеш в армии. Кроме того, телеграфная служба, оснащенная портативными устройствами и объединённая с обширными сетями, проходящими вдоль железных дорог, оказывала большую помощь не только в передаче депеш, но и была очень полезной для шпионажа и разведки.[160]

Граф Шувалов в своем рапорте отмечал, что в особенности обращает на себя внимание именно способ телеграфических сообщений в действующей Итальянской армии, быстрота, с которою были образованы оба

[159] Драгомиров М. И. Сборник оригинальных и переводных статей. Т. 1. С. 183.
[160] Vandevelde A. Précis historique et critique de la guerre en Italie en 1859. P. 175-176.

телеграфических отделения и та подвижность, которая была придана всем отраслям их деятельности. «Практика со временем укажет на новые способы, которые устранят встретившиеся затруднения. Во всяком случае, к работам проводящимся на большом протяжении электрические телеграфы принесли уже несомненные услуги без сомнения круг этих услуг будет быстро расширяться с каждым днем».[161]

Кроме того, в ходе Итальянской кампании 1859 г. французская армия впервые в широком масштабе применила нарезные артиллерийские орудия системы «Ла-Хитта».

Уже с 1858 г. император Наполеон III широко афишировал своё новое орудие войны – нарезную пушку.[162] Наличие нарезов в канале ствола придавало снаряду вращательное движение, что принципиально изменяло баллистику стрельбы. Одновременно изменилась и форма боеприпаса: шарообразные ядра уступили место цилиндрическим снарядам. В результате артиллерия получила возможность вести огонь на значительно большую дальность, применяя при этом снаряды почти вдвое большего веса по сравнению с гладкоствольными орудиями прежнего образца.

Опыты, предпринимавшиеся в течение нескольких лет с целью применения к артиллерийским орудиям тех принципов, которые уже придали стрелковому оружию значительное превосходство в точности и дальности, увенчались успехом. Император решением от 6 марта 1858 г. утвердил окончательное принятие системы «Ла Хитта».[163]

М. И. Драгомиров отмечал, «удачные опыты над нарезанными 12-фунтовыми пушками старой конструкции побудили заменить ими все орудия осадной артиллерии, назначенные для прицельной стрельбы; это было весьма важным упрощением вообще, но на ту минуту, перед самой войною, потребовало нарезки 200 пушек и приготовления к ним снарядов, по 960 на

[161] РГВИА. Ф. 440. Оп. 1. Д. 160 (2). С. 239.
[162] Vandevelde A. Précis historique et critique de la guerre en Italie en 1859. P. VIII.
[163] Campagne de l’Empereur Napoléon III en Italie en 1859. P. 7.

орудие, что, конечно, не могло быть достигнуто иначе, как ценою самых энергических и далеко не обычных усилий».[164]

В марте 1858 г. было окончательно принято решение о введении нарезной артиллерийской системы, и одновременно утверждён план изготовления 60 батарей. Однако неизбежность войны нарушила выполнение этого замысла: вместо запланированных шестидесяти удалось подготовить лишь 37 батарей.[165] Артиллерийский обоз пришлось переоборудовать на основе прежнего имущества, а производство боеприпасов велось в круглосуточном режиме.

Благодаря столь напряжённой работе к началу войны все батареи были сосредоточены в Лионе, Марселе и Гренобле и обеспечены боекомплектом в количестве от 190 до 240 выстрелов на орудие.

Одновременно с формированием батарей создавалась и материальная часть корпусных парков (по 110 ящиков в каждом) для второго комплекта боеприпасов; с началом военных действий приступили к организации главного артиллерийского парка в Лионе (480 ящиков).

С принятием нарезной системы пришлось пересмотреть и состав осадной артиллерии. Для предстоящей кампании он был определён следующим образом: 200 нарезных 12-фунтовых орудий; 50 мортир калибра 27 см. и 20 см.; мортир калибра 15 см.; 606 зарядных ящиков. На каждое орудие предусматривалось по 900 выстрелов, на мортиру крупного калибра – 750, меньшего – 1000. Кроме того, было решено приступить к изготовлению ракет дальнего действия с расчётной дальностью от 5 до 7 тысяч метров.

Первоначально многие военные, воспитанные в традициях прежней артиллерийской службы, недооценивали значение дальнобойной стрельбы нарезных орудий. Однако опыт кампании 1859 г. показал, что хотя огонь с больших дистанций не всегда способен непосредственно опрокинуть и обратить в бегство пехоту, он оказывает серьёзное оперативное воздействие

[164] Драгомиров М. И. Сборник оригинальных и переводных статей. Т. 1. С. 177.
[165] В состав 1 батареи входило 6 орудий.

на ход боя. Дальнобойная артиллерия вынуждала противника преждевременно развертывать колонны, затрудняла их манёвр, препятствовала выдвижению резервов на выгодные позиции, наносила потери людям и лошадям и тем самым могла влиять на исход сражения столь же решительно, хотя и менее эффектно, чем классические артиллерийские атаки наполеоновской эпохи.

Сходный вывод был сделан и в американской историографии. Так, Фрэнк Тейлор, анализируя развитие новой полевой артиллерии в Европе, подчёркивал, что «мощь дальнобойной артиллерии, позволявшая концентрировать огонь с нескольких удалённых батарей, имела для французов особое значение, поскольку давала возможность сдерживать внезапные удары по уязвимым участкам их боевой линии. При Сольферино выдвижение крупного соединения австрийской кавалерии было полностью предотвращено именно благодаря этому средству».[166]

Как добавляет А. А. Свечин «новая нарезная артиллерия поступила в войска уже в ходе кампании. Военные действия начались в тот момент, когда французские артиллеристы ещё только осваивали стрельбу из новых орудий и работу с прицельными приспособлениями».[167] Пересечённый рельеф Ломбардии в целом затруднял эффективное применение артиллерии. Лишь на правом фланге при Сольферино местность обеспечивала достаточную видимость и сектор обстрела; именно здесь французская нарезная артиллерия смогла проявить себя с наибольшей результативностью.

Однако, по мнению Э. Бартберга: «Французская артиллерия стреляла плохо; она была недостаточно обучена обращению с нарезными орудиями и использованию их возможностей, чтобы извлечь из них полный эффект».[168] Австрийский военный писатель считал, что плотная застройка

[166] Taylor F. Rifled Field Pieces: A Short Compilation of what is Known of the New Field of Europe with Some Account of our own. Washington: Franck Taylor, 1862, P. 19.
[167] Свечин А. А. Эволюция военного искусства. Т. 2. С. 95.
[168] Bartberg E. Der Krieg im Jahre 1859: Nach offiziellen Quellen nicht offiziell bearbeitet. S. 11.

препятствовала дальнобойной стрельбе, лишь там, где местность была более открытой, как, например, на равнине у Медоле, действие артиллерии становилось подавляющим. По его словам, артиллерия – это весьма дорогое оружие. Поэтому страна, в которой она должна процветать, должна быть богатой и технически развитой, а также следовать принципу ставить нужного человека на нужное место. Техническое оружие требует, чтобы на руководящих должностях в войне и в мире были специалисты.

В подобном ключе высказывался и капитан Вандевельде, утверждая, что «исход дня был уже определён, когда нарезные орудия открыли огонь».[169] По признанию как тех, кто пользовался этими орудиями, так и тех, кто подвергался их огню, их снаряды достигали цели лишь в исключительных случаях; но, по всей видимости, случай так решил, что несколько из этих снарядов попали в резервы врага, и это единственное достоинство, которое им приписывают. При Сольферино нарезная артиллерия принесла не больше пользы, чем шар господина Годара, «который многое видел, но ничего не сказал.[170]

В свою очередь, Граф Шувалов сообщал, что Сольферинская битва в первый раз показала огромное преимущество нарезной артиллерии перед прежней. «Она преодолевала такие препятствия, которые до сих пор останавливали наилучше организованную артиллерию».[171] При этом русский военный агент добавлял, что в сражении при Мадженте французская артиллерия была не в состоянии принять деятельного участия поскольку не была достаточно снабжена снарядами.

Таким образом, применение нарезной артиллерии стало одним из существенных факторов Итальянской кампании 1859 г., продемонстрировав новые возможности воздействия на противника с дистанций, ранее

[169] Vandevelde A. Précis historique et critique de la guerre en Italie en 1859. P. 158.
[170] В самом конце Итальянской кампании, во время осады Пескьеры, находившийся при корпусе Мак-Магона, воздухоплаватель Годар произвёл рекогносцировку при помощи привязного воздушного шара; она оказалась безрезультатной, так как сильные колебания шара из-за ветра сделали наблюдения невозможным.
[171] РГВИА. Ф. 440. Оп. 1. Д. 169. С. 3.

практически недоступных полевой артиллерии. Вместе с тем техническое превосходство новой системы ещё не означало её безусловной эффективности на поле боя. Реализация возможностей нарезных орудий существенно зависела от характера местности, обеспеченности боеприпасами, а также от степени подготовленности личного состава. Пересечённый рельеф и плотная застройка на отдельных участках ограничивали дальность стрельбы и затрудняли использование преимуществ нового оружия, тогда как недостаточный опыт французских артиллеристов не позволял в полной мере реализовать его технический потенциал.

Вдобавок ко всему 1850-е гг. стали переломным этапом в развитии индивидуального стрелкового оружия: все ведущие военные державы Европы и Северной Америки перешли к капсюльным нарезным винтовкам, принятым на вооружение не для отдельных подразделений, а для всей пехоты в целом. Британская армия первоначально утвердила винтовку образца 1851 г. под пулю Минье, затем приняла винтовку Энфилд 1853 г., стрелявшую бумажно-обёрнутой пулей Притчетта. Армия Габсбургов вооружилась винтовкой М1854 использовавшей компрессионную пулю системы Лоренца. В Соединённых Штатах была принята винтовка Спрингфилд М1855, стрелявшая модифицированной пулей Минье конструкции Бёртона.[172]

А. А. Свечин писал, что «вооружение французской пехоты оставалось тем же, что и под Севастополем: часть пехоты имела скверные штуцера, а часть сохраняла еще гладкие ружья».[173]

В свою очередь М. И. Драгомиров указывал на то, что «к началу войны вся армия имела уже нарезные ружья; недоставало только второго комплекта их в запасах».[174] Снабжение стрелковым оружием было недостаточным не только потому, что отсутствовал второй комплект

[172] Németh B. Early Military Rifles: 1740–1850. Oxford: Osprey Publishing, 2020. P. 75.
[173] Свечин А. А. Эволюция военного искусства. Т. 2. С. 95.
[174] Драгомиров М. И. Сборник оригинальных и переводных статей. Т. 1. С. 177.

нарезных ружей, которыми к началу кампании уже была вооружена вся пехота. Как только были удовлетворены наиболее насущные потребности экспедиционной армии, в арсеналах приступили к переделке гладкоствольных стволов. С середины июня мастерские были приведены в такое состояние, что могли нарезать от 30 до 40 тысяч стволов в месяц.[175]

Стоит добавить, что все нарезные пехотные винтовки 1850-х гг. обладали существенным техническим ограничением по сравнению с гладкоствольными: начальная скорость пули должна была сознательно ограничиваться (примерно 280–380 м/с), поскольку при более высоком давлении мягкие свинцовые пули имели тенденцию срывать нарезы и терять устойчивость полёта. Для сравнения, гладкоствольный оружие выпускало круглую пулю со значительно большей начальной скоростью: до 450–500 м/с.

Помимо этого, использование конической пули в нарезных винтовках при относительно низкой скорости приводило к формированию крутой, высоко навесной траектории, при которой пуля на дистанциях до 200 м. проходила значительно выше роста стрелка. Попытки устранить этот недостаток стимулировали дальнейшие эксперименты в области баллистики: в 1850–1860-е гг. предпринимались усилия по упрочнению свинцовых сплавов (в частности, путём добавления олова), а также по изменению профиля нарезов и формы пули.

Середина XIX в., в целом была богата на новые военные технологии. Так, граф Шувалов в своём отчете писал, что «оружейник Девисме изготовил револьвер нового, им придуманного устройства и намеревается поднести оный государю Императору. Револьвер этот заряжающийся с казенной части готовыми патронами, заслуживает внимания и, по крайне мере для кавалериста, удобнее револьвера Лефоша, принятого в прошедшем году для французского флота».[176]

---

[175] Драгомиров М. И. Обзор итальянской кампании 1859 года. № 2. С. 141.
[176] РГВИА. Ф. 440. Оп. 1. Д. 169 (1). С. 84-85.

Созданный компанией «Девисме» пятизарядный револьвер имел инновационную систему двойного действия. Его система означала, что курок взводился автоматически после выстрела из револьвера (в отличие от системы одинарного действия, которая требовала ручного вмешательство со стороны пользователя).

Также упоминаемый графом Шуваловым револьвер Лефоша представлял собой одно из наиболее знаковых достижений европейского оружейного дела. Речь шла о шпилечном револьвере системы Казимира Лефоша, прежде всего о модели образца 1858 г., ставшей первым револьвером под металлический патрон, официально принятым на вооружение государственными структурами.[177] В отличие от капсюльных револьверов систем Кольта и Адамса, револьвер Лефоша использовал патрон с воспламенением посредством металлического штифта (шпильки), что обеспечивало более быструю перезарядку, повышенную надежность и возросшую устойчивость к воздействию влаги.

Дальнейшее развитие конструкции, осуществлённое в 1840-е гг., привело к появлению полностью металлических гильз из меди или латуни, что значительно повысило герметичность канала ствола и упростило экстракцию стреляных гильз. Конструктивные решения Лефоше: сквозной барабан с зарядкой через боковую дверцу, а также кожух для защиты выступающих шпилек, делали оружие технологически более совершенным по сравнению с большинством современных ему револьверов.

Хотя французская армия длительное время сохраняла сдержанное отношение к новой системе, французский флот в 1858 г. официально принял револьвер Лефоша на вооружение, высоко оценив сочетание скорострельности, компактности и влагостойкости патрона – качества, особенно важные в условиях морской службы.

Таким образом, технические инновации создали для французской армии исключительно благоприятные условия стратегического

[177] Kinard J. Pistols: An Illustrated History of Their Impact. Santa Barbara, 2004. P. 109.

развертывания и управления, а нарезные орудия увеличили убойную силу. Однако сами по себе эти средства не могли гарантировать успеха на поле боя. Уже современники кампании отмечали, что решающим фактором побед союзников стало не столько материальное превосходство, сколько особое состояние моральной энергии французских войск, проявлявшееся по мере продвижения армии через серию сражений.[178]

Наполеон III стремился как можно скорее оказать поддержку сардинской армии, чтобы не допустить её разгрома австрийцами до прибытия французских войск на театр военных действий. Вместе с тем важным политическим условием предстоящей кампании оставалась международная конъюнктура. Для обеспечения благожелательного отношения английских либеральных и радикальных кругов, поддержка которых имела существенное значение для внешнеполитического положения Франции, было необходимо представить Австрию инициатором конфликта. По этой причине французское правительство воздерживалось от демонстративных военных приготовлений, и полноценного мобилизационного плана заранее разработано не было.

Для действий в Италии предполагалось использовать около половины французской армии, тогда как остальная часть должна была оставаться на границе по Рейну, где сохранялась вероятность вмешательства Германского союза и, прежде всего, Пруссии. Кроме того, Наполеон III предпочёл произвести целенаправленный отбор: в состав экспедиционной группировки включались наиболее боеспособные полки и генералы, уже имевшие реальный боевой опыт.

1 мая последовал призыв 140 тыс. новобранцев, и был выпущен заем в 500 миллионов франков.[179] Однако из 140 тысячного набора, объявленного на

[178] См.: Крехов С. С. Русский взгляд М. И. Драгомирова на Итальянскую кампанию 1859 г. // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2026. Т. 20, № 3. С. 404–411.
[179] Свечин А. А. Эволюция военного искусства. Т. 2. С. 93.

1859 год, откупилось 39 тысяч.[180] Это последнее обстоятельство могло бы отразиться весьма невыгодными последствиями на комплектовании армии, особенно в случае продолжительной кампании, если бы не был объявлен тотчас же прием на службу отставных за довольно большую плату. Желающих поступить на этом условии явилось до 30 тысяч человек и равновесие было восстановлено.[181]

В состав шести корпусов входили 198 батальонов и 20 кавалерийских полков. Однако при мирной численности батальона, не превышавшей примерно 500 человек, и кавалерийского полка (четырёхэскадронного) – около 450 всадников, общая численность войск не достигала 100 тыс. человек. Половина корпусов имела трёхдивизионную структуру, тогда как остальные были организованы по двухдивизионному принципу. Боевой состав одной пехотной дивизии составлял приблизительно 6–7 тысяч человек. Кроме того, в каждый корпус входила либо кавалерийская дивизия, либо отдельная кавалерийская бригада.

Командирами были назначены либо офицеры, испытанные в недавних кампаниях (Мак-Магон, Канробер, Ньель), либо ветераны времён Наполеона I (Барагэ д'Илье, Рено, Сен-Жан д'Анжели). Начальником штаба был назначен маршал Вальян; его помощником стал генерал Мартимпре, ранее занимавший должность начальника штаба на протяжении всей Крымской кампании. Командование артиллерией поручили генералу Лебёфу, инженерными войсками генералу Фроссару, а генеральным интендантом армии был назначен Пари де Боллардьер.

По оценке А. В. Бабины, «большая роль в качественной подготовке французской армии к предстоящей войне принадлежит талантливому

[180] Драгомиров М. И. Обзор итальянской кампании 1859 года. № 2. С. 136.

[181] Таким образом, говоря о численности французской армии на момент начала итальянской кампании 1859 М. И. Драгомиров приводит цифру «во 100 с лишком тысяч». К началу Сольферинской битвы её численность возрастет до 150 тыс. (Драгомиров М. И. Сборник оригинальных и переводных статей. Т. 1. С. 173.)

генералу Ньелю. Его пример предварительной кропотливой штабной работы стал хорошим уроком для военных многих стран».[182]

Командование союзной армией принял на себя Наполеон III, однако для завершения всех распоряжений, связанных с внутренним управлением и снабжением экспедиционных войск, император счёл необходимым оставаться в Париже до 10 мая. В Геную он прибыл 12-го числа и здесь издал свой приказ, служивший лучшим ответом на разговоры о радикальном изменении характера войны вследствие распространения нарезного оружия.

«Новое оружие, – говорилось в этом приказе, – опасно только издали. Оно не отменяет штыка, который, как и прежде, остаётся грозным оружием французской пехоты».[183]

Именно в этих словах заключалась разгадка будущих успехов. Как верно подмечал М. И. Драгомиров «не потому, что пуля теряет значение, а потому, что штык остаётся носителем нравственной энергии, перед которой в бою не устоит ни искусство стрельбы, ни тонкие расчёты».[184]

Вместе с тем, опасаясь способности австрийской армии к маневрированию, император в том же приказе весьма тонко указал на необходимость сохранять плотность построения, которую французский солдат нередко нарушал по личному порыву, считая стремительный бросок вперёд важнее строгой линейности строя. «В бою держитесь вместе и не покидайте своих рядов, чтобы устремиться вперёд. Остерегайтесь чрезмерной горячности: её одной я опасаюсь».[185]

Первое серьёзное столкновение Австро-итало-французской войны – это бой при Монтебелло 20 мая. Он не носил характера заранее спланированного сражения и по своим масштабам не выходил за рамки ограниченного тактического эпизода. Тем не менее именно здесь французская армия впервые проявила те нравственные и волевые качества,

[182] Бабина А. В. Наполеон III: Триумф и трагедия. С. 565.
[183] Documents officiels sur la campagne d'Italie en 1859. P. 10.
[184] Драгомиров М. И. Обзор итальянской кампании 1859 года. № 2. С. 177.
[185] Documents officiels sur la campagne d'Italie en 1859. P. 9.

которые в дальнейшем станут определяющими для всей кампании. Современники и военные аналитики неоднократно подчёркивали, что значение этого боя заключалось не столько в его оперативных результатах, сколько в его моральном эффекте.

Территория, ставшая полем битвы, делилась на два сектора: первый – это непрерывная плоская равнина, состоявшая из кукурузных полей, виноградников и заливных лугов, изрезанных рвами и насыпями, спускающимися к реке По; второй – это железная дорога и главная дорога из Страделлы в Вогеру проходившие через эту область на расстоянии около 900 м. друг от друга, у подножия северных отрогов Апеннинских гор. Сам Монтебелло стоял на одном из таких отрогов: единственная улица с прочно построенными каменными домами, расположенная перпендикулярно главной дороге. В северной части деревни, недалеко от главной дороги, находилось кладбище с высокой каменной стеной и железными воротами.[186]

В историографии подчёркивается, что столкновение у Монтебелло возникло стихийно и развивалось вне заранее сформулированных стратегических установок. По словам В. Виллисена, «кровопролитное сражение, стоившее каждой стороне более тысячи человек, было вызвано с обеих сторон не только без приказа сверху, но даже вопреки взглядам высшего командования».[187]

В этих условиях решающее значение приобретали не тщательно выверенные планы, а способность войск быстро ориентироваться в обстановке и действовать решительно. Французская сторона вступила в бой силами частей 5-го корпуса, прежде всего дивизии генерала Форе. Характер французских действий с самого начала носил наступательный и энергичный характер. Форе организовал атаку по следующей схеме: несколько батальонов были выдвинуты для обхода фланга, после чего последовал решительный штурм населённого пункта.

[186] Brooks R. Solferino 1859: The Battle for Italy’s Freedom. P. 27
[187] Willisen W. Die Feldzüge der Jahre 1859 und 1866. S. 22.

Особое внимание источники уделяют характеру боя в городской местности. Штурм Монтебелло носил затяжной и ожесточённый характер, переходя в ближний бой, где решающую роль играли не столько формация и выучка, сколько индивидуальная энергия солдат и офицеров. В итоге дом за домом и даже кладбище были взято войсками Наполеона III.

Как писал Г. Мольтке: «Французам приходилось отнимать один дом за другим; но за то Австрийцы, находившиеся в долине лишены были возможности поддержать защитников деревни. При тесных улицах и большом скоплении войск, бой не мог не быть кровопролитным, доказательством чего служили разоренные жилища».[188] Для французской армии Монтебелло стало первым опытом успешного наступательного действия в условиях неопределённости, когда исход боя определялся не заранее выверенными диспозициями, а инициативой и внутренней энергией войск.

М. И. Драгомиров добавлял, что «Форе решился не отступать, имея ввиду, что это была первая стычка, следовательно нужно было одолеть [австрийцев]».[189]

Весьма значительным обстоятельством этого столкновения является преобладание чисто наступательного стремления у французов. При этом решающую роль сыграл именно пехотный бой, тогда как артиллерия участвовала лишь в ограниченной степени. Применительно к действиям французов при Монтебелло, В. Рюстов очень точно подметил, что «лишь посредством наступления можно добиться положительного результата; сторона, которая всё время отходит, даже с намерением атаковать позже, никогда не приобретёт сознания победы».[190]

[188] Мольтке Г. Итальянская война 1859 года. С. 36.
[189] Драгомиров М. И. Обзор итальянской кампании 1859 года. № 2. С. 190.
[190] Rüstow W. Der italienische Krieg 1859. S. 170.

Сражение при Монтебелло, стоившее австрийской армии 1423 чел., а французской 723 чел.,[191] продемонстрировало высокий уровень стойкости и боеспособности обеих сторон. Вместе с тем достигнутые результаты не вполне соответствовали затраченным усилиям. Результат во многом был обусловлен действиями австрийской стороны: французское командование находилось в уязвимом положении, и при более эффективном использовании австрийцами своего численного преимущества исход столкновения мог оказаться иным.

Следующая битва произошла 30 мая при Палестро. Она включала в себя два отдельных сражения, длившихся в течение двух дней. Сначала пьемонтцы ворвались через мост и вытеснили австрийцев из города за его пределы. Затем прибыли французские войска чтобы поддержать своего союзника. Как писал Фредерик Шнайд: «Австрийские атаки были отбиты, но решающий момент наступил, когда 3-й зуавский полк переправился через канал и атаковал левый фланг австрийцев».[192]

Анализируя сражение при Палестро прослеживается все тот же паттерн поведения, а именно: решительные действия армии Наполеона III и пассивность солдат Франца Иосифа. По словам М. И. Драгомирова «поведение зуавов было блестящим именно потому, что оно шло наперекор общепринятым представлениям о необходимости предварительно подготовить атаку, осмотреть местность и тому подобное. Среди них есть люди, понимающие простую истину: все преимущества строя, местности и оружия можно отдать за одно – за возможность ошеломить противника. А что лучше ошеломляет, как не быстрота и неожиданность?»[193] Михаил Иванович также считал, что сила человека в бою зависит не столько от того, насколько у него хорошее оружие, сколько от того, в какой мере у него

[191] Потери австрийцев: 331 убитых, 785 раненых, 307 без вести пропавших. Потери французов: 105 убитых, 549 раненных, 69 без вести пропавших. (Обзор кампании 1859 года в Италии. С. 81.)
[192] Schneid F. The Second War of Italian Unification 1859–61. P. 43.
[193] Драгомиров М. И. Обзор итальянской кампании 1859 года. № 5. С. 644.

спокойно работает голова, ровно бьётся сердце, ясно видят глаза, не помутнённые опасностью.

В свою очередь, Г. Мольтке писал, что «Император Наполеон, без сомнения, осознавал всю опасность этого плана, но имел полное право рассчитывать на свою армию, в особенности располагая превосходными силами. Он действовал быстро и решительно, а эта система дает огромные преимущества, которыми никогда не пользуется армия, выжидающая действия неприятеля».[194]

Однако эту простую и ясную истину забыли в Австрии, ибо там, наряду с обучением технической стороне военного дела, нисколько не позаботились об укреплении нравственной стороны человека. Вследствие этого, чем старательнее там обучали технике, тем сильнее подрывали нравственную сторону, которая ничем так не подрывается, как внушением строгости исполнения правил. А принятие их в качестве безусловных со временем становится неизбежным, т.к. невозможно ввести в упражнения мирного времени всё то разнообразие обстановки, которое сопровождает явления войны и боя.

Дела при Палестро, мало замеченные и заслонённые другими, более значительными событиями кампании, имели, тем не менее, важное стратегическое значение. С тактической точки зрения эти столкновения представляли сравнительно небольшой интерес ввиду значительного численного превосходства союзников; однако именно здесь особенно наглядно проявилось значение инициативы в бою.[195]

Опыт сражения подтверждает общий вывод, к которому независимо друг от друга приходили как русские, так и западноевропейские военные теоретики: в условиях боя решающую роль играет не столько формальное следование предписаниям и расчётам, сколько способность командиров и войск к активному, наступательному действию.

---

[194] Мольтке Г. Итальянская война 1859 года. С. 44.
[195] Обзор кампании 1859 года в Италии. С. 102

Бой 30 мая, в котором австрийские войска потеряли 560 чел., а сардинские войска 316 чел., само по себе не имело решающего значения, однако стало предвестником более масштабного столкновения. Уже на следующий день австрийцы потеряли около 2 тыс. чел. убитыми, ранеными и пленными. В то же время сардинские части при поддержке зуавского полка понесли существенно меньший ущерб – порядка 600 чел.[196]

Победа при Палестро стала важным, но всё же локальным эпизодом кампании. Она укрепила уверенность союзников и обозначила уязвимость австрийской армии, однако не изменила общей стратегической конфигурации театра военных действий. Реальный перелом наступил несколькими днями позже, 4 июня в битве при Мадженте, в которой столкнулись основные силы противников и где решался вопрос о господстве в Ломбардии.

Маджента представляла собой старый маленький город с населением около 4000 чел., расположенный в Ломбардии в 6 км. от реки Тичино. Территория, которая отделяет Тичино от этого города, в середине пересекается каналом Навильо, который течет между двумя дамбами на средней части левого берега Тичино (см. Приложение Д). Именно на гребне этого берега, за Навильо, австрийцы заняли позиции: их правый фланг находился в Буффалоре, левый фланг в Понте-ди-Маджента, центр за новым мостом на дороге в Мадженту, а резервы за этим мостом, вокруг Мадженты.[197]

Сражение не было заранее запланированной битвой. Оно возникло скорее из неопределённости и взаимного недопонимания, а также ограниченной разведки. 2–3 июня Наполеон III, переправляя армию через Тичино, действовал осторожно, предполагая встретить у Мадженты лишь небольшие силы противника. Как указывает Ф. Шнайд: «Наполеон III и его штаб намеревались овладеть Маджентой фронтальной и фланговой атакой,

[196] Там же. С. 97-102.
[197] Vandevelde A. Précis historique et critique de la guerre en Italie en 1859. P. 65.

открыв тем самым дорогу на Милан».[198] Ни французское, ни австрийское командование не ожидали решительного боя именно 4 июня.

Управление сражением с самого начала осложнялось разобщённостью корпусов и специфичным характером местности. Территория была покрыта посевами и фруктовыми деревьями, частично затоплена, и передвигаться по ней было трудно, за исключением участков вдоль дорожных и железнодорожных насыпей.[199]

Развертывание обеих армий происходило крайне медленно, и до позднего вечера ни одна сторона не смогла ввести в бой даже половины своих сил. Ограниченный обзор местности затруднял централизованное управление и усиливал роль инициативы отдельных командиров.

Фигурой дня стал генерал Мак-Магон. Его корпус наступал с севера, от Турбиго, и поначалу продвигался медленно, сталкиваясь с сопротивлением. Некоторое время его действия даже вызывали тревогу у Наполеона III из-за задержки в развитии атаки. Однако к середине дня корпус был полностью развернут, и Мак-Магон перешёл к решительному наступлению. Именно его удар оказался тем фактором, который расшатал австрийский правый фланг и предопределил исход боя.

Французский монарх тревожно следил за ходом боя. Он не понимал, чем объяснить продолжительное бездействие Мак-Магона, при этом упуская из виду, что сам обозначил ему лишь общую цель и не позаботился заранее согласовать то, что считал «исполнительными деталями», хотя столь сложная операция, требовала предварительного и тщательного планирования.[200]

Наполеон III непрерывно рассылал во все стороны ординарцев, чтобы поторопить войска, он раздражался, долго не получая известий, хотя ответственность за это во многом лежала на самом императоре.

---

[198] Schneid F. The Second War of Italian Unification 1859–61. P. 46.
[199] Brooks. R. Solferino 1859: The Battle for Italy’s Freedom. P. 38.
[200] Обзор кампании 1859 года в Италии. С. 137.

В разгар боя произошёл опасный эпизод: контратака австрийцев. Под удар попали зуавы. Это был момент, когда инициатива могла перейти к противнику. Однако французская армия не дрогнула. Гвардейские части, переправились через канал и удерживали позиции под сильным огнём. Около семи часов вечера сопротивление в городе стало ослабевать. Уличные бои были ожесточёнными; сражение фактически распадалось на отдельные очаги борьбы. Но именно в этот момент вновь проявился характер французской армии.

Французские отчеты преувеличивают численность присутствующих австрийцев, предполагая, что они были в полном составе, игнорируя при этом их неполную мобилизацию и высокие потери в ходе похода. У австрийцев, с другой стороны, были все основания занижать свою численность после того, как они были разбиты, будучи в столь сильной позиции значительно меньшим количеством войск. Обе армии были непропорционально сильны на левом фланге и слабы на правом. В конце концов, крах австрийского правого фланга под Маджентой решил исход боя, в то время как французский правый фланг удержал преимущество с минимальным перевесом.

По данным Фредерика Шнайда австрийцы ввели в бой 58 000 чел. против 54 000 французов и 12 000 сардинцев. Потери были значительными, но не чрезмерными с учётом ожесточённости боя. Французы потеряли 4 500 убитыми и ранеными, австрийцы – 9 700.[201] Учитывая сильные позиции австрийцев, удивительно, что французы не понесли больших потерь.

Михаил Иванович Драгомиров считал, что «такого успеха было более чем достаточно для столь незначительных сил, особенно перед лицом противника, многократно превосходившего их числом.[202]

По мнению А. А. Свечина: «Маджента начинает особый период военного искусства, когда бои получают преимущественно встречный

[201] Schneid F. The Second War of Italian Unification 1859–61. P. 51.
[202] Драгомиров М. И. Обзор итальянской кампании 1859 года. № 3. С. 329.

характер. Всякая теория встречного боя в ту эпоху отсутствовала; последний находился в «диком» состоянии; решение выпадало из рук высшего командования; огромное значение получала инициатива начальников отдельных колонн».[203]

Можно констатировать, что сражение не было образцом идеального планирования со стороны французов. Оно скорее продемонстрировало, что в условиях встречного боя и ограниченного управления рассчитывать можно лишь на нравственную составляющую армии, её упорство и стойкость.

После победы при Мадженте австрийцы оставили Ломбардию. Виктор Эммануил II и Наполеон III триумфально вступили в Милан. Однако австрийцы всё ещё находились в опасной близости. Стало известно, что они удерживают Меленьяно. Оттуда их необходимо было во что бы то ни стало вытеснить.

Меленьяно, расположенный на реке Ламбро, между Миланом и Лоди, представлял собой населённый пункт с населением около 3 000 человек. Его подступы были заранее подготовлены к обороне: кладбище, прикрывавшее въезд, а также линия домов и парк замка, вытянувшиеся перпендикулярно миланской дороге, были укреплены и превращены в опорные пункты с огневыми позициями.[204]

8 июня 1-й корпус под командованием маршала Бараге д'Илье двинулся на Меленьяно, Зуавы бросились вперед; но вскоре, остановленные фронтальным огнем противника, спрятавшегося в домах, и с флангов атакуемыми колоннами, они были оттеснены. Едва успев прийти в себя, зуавы снова двинулись в атаку, в ходе которой они потеряли своего полковника и вновь были отброшены с большими потерями.

Три часа австрийцы сдерживали удар всего 1-го корпуса армии, и несмотря на свое численно отставание не собирались отступать, однако корпус Мак-Магона, выполнил свой обходной манёвр и, не вступая в бой,

[203] Свечин А. А. Эволюция военного искусства. Т. 2. М., 1928. С. 106.
[204] Vandevelde A. Précis historique et critique de la guerre en Italie en 1859. P. 97.

заставил противника покинуть позицию, для захвата которой в лоб потребовалось бы пролить ещё больше крови.

Французские войска понесли в данном столкновении высокие потери: 153 чел. были убиты, 734 ранены и ещё 64 числились пропавшими без вести, что в совокупности составило 951 чел. Австрийская армия потеряла непосредственно убитыми и ранеными меньше: 112 и 232 чел. соответственно, однако общее число выбывших из строя достигло 1458 чел. за счёт значительного количества пропавших без вести, большинство из которых оказалось в плену.[205]

Как отмечал Р. Брукс: «Наполеон не хотел такой бойни. В дальнейшем союзники наступали сплошной массой под непосредственным командованием императора. По иронии судьбы, это отсутствие маневра привело к лобовому столкновению, более кровавому, чем битва при Мадженте».[206]

Отказ от сложного манёвра и стремление к сосредоточенному продвижению привело к фронтальному столкновению огромных масс войск 24 июня и одному из самых кровопролитных сражений середины XIX века – битве при Сольферино.

Окрестности Сольферино представляли собой пространство, словно созданное для масштабной баталии. Рельеф сочетал свободу манёвра для больших масс с выгодными оборонительными возможностями (см. Приложение Е).

На южной части поля боя простиралась огромная равнина, покрытая тутовыми деревьями и кукурузными полями, пересечённая несколькими неглубокими ручьями. На севере тянулась цепь холмов и небольших возвышенностей, беспорядочно разбросанных одна возле другой. Холмы образовывали многочисленные поперечные лощины, что в совокупности создавало весьма закрытый характер местности. Кроме того, склоны были

[205] Обзор кампании 1859 года в Италии. С. 160.
[206] Brooks. R. Solferino 1859: The Battle for Italy’s Freedom. P. 54.

пересечены небольшими поперечными насыпями, удобными для стрелковых позиций, по виду они напоминали старые траншеи, частично разрушенные временем.[207]

Из всего этого следовало, что условия для прочной обороны предоставляла прежде всего северная, холмистая часть поля боя. Южная же, за исключением нескольких деревень и разбросанных ферм, почти не давала выгод для обороняющейся стороны. Следовательно, сторона, проявившая наступательную инициативу, могла с наибольшей выгодой сосредоточить главные силы на равнине, ограничившись на высотах преимущественно обороной.

Однако, в рассматриваемых события решающим фактором была не столько стратегическая ценность отдельных пунктов местности, сколько соотношение моральных сил противников, т.е. обстановка, сложившаяся под влиянием предшествующих событий.

М. И. Драгомиров подчеркивает, что положение дел, при котором столкнулись противники определило и характер боя, который, по духу, не представляет цельности одного факта, вызванного, развившегося и законченного как осуществление одной идеи (отличительная черта сражений Наполеона I), а распадается на отдельные эпизоды; по форме имеет характер фронтального столкновения на всем протяжении.[208]

Решительные успехи союзников при Монтебелло, Палестро и Маджента настолько укрепили их уверенность в собственном превосходстве над австрийцами, уже одно это обстоятельство предопределяло наступательный характер их действий при внезапной встрече с противником. Франко-сардинская армия в подобных условиях решила действовать активно и напористо.

Однако, направляя главный удар в горную полосу, союзники тем самым сознательно усложнили для себя задачу, предоставляя австрийцам

[207] Duquet A. La guerre d'Italie (1859). P. 140
[208] Драгомиров М. И. Сольферинская битва. (с двумя планами). С. 10.

возможность использовать все преимущества позиций, создаваемых поперечными лощинами хребта. Как уже было сказано ранее, следует учитывать, что сражение возникло стихийно. В подобных случаях решающее значение приобретает фактор времени: чем быстрее принимается решение, тем выше вероятность успеха, даже если выбранный вариант не является наилучшим с точки зрения строгого стратегического расчёта.

Французские корпуса продвигались вперёд без соблюдения обычных мер предосторожности, предусмотренных при передвижении войск. Не было обеспечено ни надёжной связи между колоннами, ни выслано достаточно сильных авангардов, способных своевременно предупредить главные силы и дать им возможность подготовиться к бою. Командование могло судить о положении соседних частей лишь по звукам выстрелов. Лишь неподготовленность австрийцев к немедленному бою уберегла французов от того, чтобы быть застигнутыми врасплох и вынужденными действовать в крайне невыгодном положении.

Австрийцы, расположившиеся на пригорках и возвышенностях, встречают французскую армию пушечным огнем, непрерывно извергая целый град бомб, ядер и гранат.[209]

Несмотря на допущенную небрежность, затруднившую французам как определение расположения неприятельских сил, так и сосредоточение собственных, общий боевой порядок был восстановлен довольно быстро, а задачи отдельных частей обозначились почти сразу и достаточно ясно.

«А кто знает, чего хочет, кто уверен, что в достижении желаемого товарищи не только не выдадут, а еще по мере сил и возможности поддержат его, тот никогда не узнает, что такое неудача»[210]– писал М. И. Драгомиров.

Французские войска штурмуют высоты и с дикой отвагой карабкаются на обрывистые холмы и скалистые склоны под градом австрийских пуль и бомб. Если какой-нибудь роте посчастливилось

[209] Дюнан А. Воспоминание о битве при Сольферино. С. 36.
[210] Драгомиров М. И. Сольферинская битва. (с двумя планами). С. 15.

взобраться на пригорок, ее солдаты, изнемогающие от усталости и обливающиеся потом, выбивают австрийцев со всех позиций, сбрасывают их и ожесточенно преследуют даже в оврагах и канавах.[211]

В рассматриваемых событиях, центральной фигурой вновь выступил Мак-Магон. Именно он объединил разрозненные элементы боевого порядка в единую систему, первым предупредил Императора о предстоящем столкновении с главными силами австрийской армии и, наконец, проникнутый идеей взаимной поддержки блестяще воплотил её на практике.

Французское «en avant»[212] без колебаний вело вперёд каждого из маршалов. Как сообщал М. И. Драгомиров: «Мак-Магон осмыслил это "en avant", слив разрозненные стремления в одно, воодушевив его идеей: удержать Австрийцев на равнине и одолеть их на высотах, с обладанием которыми была связана судьба дня».[213]

Г. Мольтке писал, что «успеху французов содействовали необыкновенная их храбрость и умение употреблять все роды оружия».[214]

Анализируя действия французской армии при Сольферино, Антон Моллинари отмечал: «Несмотря на то что особенно действенного вмешательства высшего командования не наблюдалось, повсюду проявлялись обдуманные, целесообразные и согласованные действия отдельных командиров, которым французы главным образом и были обязаны своими успехами».[215]

На протяжении всего сражения артиллерия гвардии отличалась точностью своего огня и удачным выбором позиций. Везде, где ей приходилось вступать в контрбатарейную борьбу с неприятельской артиллерией, она быстро заставляла её замолчать.[216]

---

[211] Дюнан А. Воспоминание о битве при Сольферино. С. 37.
[212] «En avant» с французского на русский переводится как вперед.
[213] Драгомиров М. И. Сольферинская битва. (с двумя планами). С. 29-30.
[214] Мольтке Г. Итальянская война 1859 года. С. 150.
[215] Mollinary A. Ritter von Monte Pastello. Studien über die Operationen und Tactique der Franzosen im Feldzuge 1859 in Italien. Wien: Wilhelm Braumüller, 1864. S. 121.
[216] Bazancourt. C. La campagne d'Italie de 1859. P. 453.

Существенным преимуществом для армии Наполеона III стало также и то, что противник придерживался осторожной тактики: австрийцы берегли резервы и без распоряжений высшего командования не переходили к активным действиям. Именно это обстоятельство и уберегло французов от разгрома. Австрийская армия вводила части в бой постепенно, благодаря этому она добивалась отдельных тактических успехов, однако нигде не сумела довести их до решительного результата.

Французские части были изнурены напряжённой борьбой против свежих подразделений, вновь и вновь вводимых в атаку, но при этом ни на мгновение не утрачивали внутренней уверенности в своём превосходстве над противником. Французы при первой возможности снова шли в атаку и при малейшем успехе гнали неприятеля так далеко, как только это было возможно.[217]

Опасности расплаты за подобную смелость фактически не возникало: австрийцы, привыкшие к строго регламентированному маневрированию, оказывались бессильны против противника, действовавшего порой по личной инициативе командира роты или даже нижестоящего чина, нередко в обстановке почти полного беспорядка. Любое, даже незначительное подкрепление немедленно вовлекалось в наступательное движение.

Быстро и точно оценив ситуацию, Наполеон III, видя, что в австрийских войсках нет согласованности и единого управления, приказывает атаковать одновременно укрепления Сольферино и Сан-Кассиано, чтобы прорвать центр неприятельской армии.[218]

В итоге к полудню австрийцы отступили на последнюю позицию впереди Сольферино, т.е. к кладбищу, замку и к кипарисовой горе. Армия Франца Иосифа некоторое время упорно сопротивлялись, но все-таки пошатнулась и была вынуждена отступить. Войска Наполеона из-за сильной

[217] Драгомиров М. И. Сольферинская битва. (с двумя планами). С. 36.
[218] Дюнан А. Воспоминание о битве при Сольферино. С. 39.

усталости не пытались преследовать противника и расположились там же где закончилось сражение.

Анализируя моральную составляющую сражения, примечательна история, произошедшая с одним французским гвардейским стрелковым батальоном. Данный батальон ощущал себя униженным уже тем фактом, что до сих пор не успел принять участия в бою. В это нетрудно поверить, если учитывать французскую чувствительность и склонность к самолюбованию. Подобные черты национального характера действительно могли создавать неловкое положение для тех, кто ещё не побывал в сражении, особенно в сравнении с теми, кто хвастался, возможно даже преувеличивая, свои подвиги и нередко сопровождая рассказы недвусмысленными намёками на то, что другие подобных заслуг не имеют. Нетрудно представить, чего можно было ожидать от подразделения с таким моральным настроем, оказавшимся лицом к лицу с противником.[219]

Заслуживает внимание и тот факт, что французы имели перевес в кавалерии и артиллерии, но уступали австрийцам в пехоте.[220] Тогда почему войска Габсбургов при перевесе в пехоте так и не смогли перейти в наступление, а в конце концов и вовсе отступили? Дело в том, что австрийцы были вооружены лучше французов и постоянно стремились избежать штыкового боя. При этом, находясь на пересеченной местности, солдаты делали ошибки при определении дистанции и постоянно промахивались. Французы, напротив, из-за плохой точности при стрельбе на дальние дистанции, были вынуждены всё ближе и ближе подходить к неприятелю, что и являлось своего рода наступлением.

По мнению М. И. Драгомирова сила французской армии одновременно с этим являлась и её главной слабостью: она была способна преодолевать препятствия, её командиры не теряли из виду общей цели

[219] Драгомиров М. И. Сольферинская битва. (с двумя планами). С. 59.
[220] По данным Мольтке у французов было 30 тыс., а у австрийцев 50 тыс. (См.: Мольтке Г. Итальянская война 1859 года. С. 140).

действий и не увлекались мелочами боевой обстановки, но зато упускали важные стороны этой обстановки. «Результат этого – достижение цели ценой огромных потерь даже в борьбе с армией пассивной и не склонной к штыковым атакам».[221]

«Французы, стесненные на небольшом пространстве, ценою крови покупали каждый фут земли; необыкновенно большое количество найденных могил свидетельствует об их огромных потерях» – добавлял Г. Мольтке.[222]

Потери и правда были колоссальными. По оценкам Анри Дюнана: «Битва при Сольферино – единственная в XIX столетии, которую можно сопоставить по ее страшным потерям со сражениями при Бородино, Лейпциге и Ватерлоо. После сражения 24 июня 1859 г. насчитывали убитыми и ранеными в австрийской и франко-сардинской армиях 3 фельдмаршалов, 9 генералов, 1566 офицеров разных чинов, из них 630 австрийцев и 936 офицеров союзных войск и около 40 тысяч солдат и унтер-офицеров».[223]

По словам А. В. Бабины «после сражения огромная территория представляла собой апокалипсическое зрелище: масса убитых и раненых людей и лошадей, фрагменты тел, изорванная и окровавленная униформа, разбросанное оружие, ранцы и другие предметы солдатского снаряжения, разбитые орудия, ящики, повозки».[224]

Ситуацию усугубляло неудовлетворительная работа санитарной службы. Как сообщал граф Шувалов: «Что особенно поразило своим дурным устройством, это устройство госпиталей».[225]

При Сольферино французская военно-медицинская служба оказалась не способна эффективно справиться с масштабом потерь. Временные госпитали были переполнены: раненые, принадлежавшие к различным

[221] Драгомиров М. И. Сольферинская битва. (с двумя планами). С. 83.
[222] Мольтке Г. Итальянская война 1859 года. С. 134.
[223] К этим цифрам стоит также добавить свыше 40 тыс. больных лихорадкой, умерших от болезней, вследствие чрезмерного утомления, а также вредного влияния климата (См.: Дюнан А. Воспоминание о битве при Сольферино. С. 92-93).
[224] Бабина А. В. Наполеон III: Триумф и трагедия. С. 575.
[225] РГВИА. Ф. 440. Оп. 1. Д. 170. С. 8.

армиям и национальностям, размещались в церквях и общественных зданиях в условиях крайней скученности и антисанитарии. Нехватка врачей, перевязочных материалов, а также задержки с эвакуацией в тыловые госпитали значительно усугубляли страдания раненых. Высокая температура, отсутствие должного ухода и распространение инфекций приводили к быстрому ухудшению состояния здоровья многих солдат. Очевидцы отмечали тяжелое физическое и психологическое состояние раненых, среди которых распространялись столбняк, гангрена и другие заболевания, нередко заканчивавшиеся смертью.

Именно эти последствия сражения произвели глубокое впечатление на швейцарского предпринимателя Анри Дюнана, оказавшегося в Ломбардии вскоре после битвы при Сольферино. Дюнан пришёл к выводу о необходимости создания постоянной международной организации по оказанию помощи жертвам войны – будущего Международного комитета Красного Креста.

Вместе с тем последствия Итальянской кампании способствовали осмыслению современниками более широкой проблемы – возраставшей разрушительной силы войны в условиях развития науки и техники. Как отмечает Н. Бушман, «Европа, казалось, двигалась к эпохе, в которой знания современной науки и инженерных дисциплин использовались для непостижимых целей уничтожения».[226] Характеризуя подобные опасения, журнал «Садовая беседка» уже в 1859 г. писал: «Теперь мы можем представить, насколько смертоносной, научно основательной и сатанинской окажется следующая война», указывая на «научную изощрённость индустрии уничтожения» по обе стороны Ла-Манша.[227] Многочисленные сообщения о судьбе раненых и умирающих, по замечанию Н. Бушмана, особенно наглядно

[226] Buschmann N. Einkreisung und Waffenbruderschaft. Die öffentliche Deutung von Krieg und Nation in Deutschland 1850–1871. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2003. S. 73.

[227] Die Gartenlaube. 1859. № 17. URL: https://de.wikisource.org/wiki/Kanonische_Weisheit_und_Kriegsbereitschaft_in_England (дата обращения: 06.09.2026)

демонстрировали тяжесть повреждений, причиняемых современным артиллерийским оружием.

Подводя итог, отметим, что Итальянская кампания 1859 г. стала одним из первых европейских конфликтов, в котором техническая модернизация армии начала оказывать непосредственное влияние на характер ведения войны. Однако опыт кампании одновременно продемонстрировал ограниченность представлений о решающей роли одной лишь техники. Несмотря на применение железных дорог, телеграфа, нарезной артиллерии и нового стрелкового оружия, исход основных сражений продолжал зависеть прежде всего от морального состояния войск, способности командования к быстрому принятию решений и готовности армии действовать наступательно даже в условиях дезорганизации и тяжёлых потерь. Французская армия сумела соединить технические преимущества с высоким наступательным духом, что и обеспечило ей успех в борьбе с более пассивной и скованной австрийской армией.

М. И. Драгомиров, состоявший при штабе Сардинской армии и наблюдавший за ходом боевых действий, говоря о причинах победы, ставил во главу угла не материальное, а «нравственное превосходство»[228] армии Наполеона III. В его понимании, француз – человек легкомысленный, добродушно дерзкий на язык и потому живой, впечатлительный, легко вдохновляемый самыми простыми способами; смеющийся над всеми, до Луи Наполеона включительно, и именно поэтому готовый положить за него голову или надорваться на тяжкой работе по одному его слову; неспособный ни от кого вынести оскорбление и одновременно с этим полный самой беззаветной готовности помочь чем и как может своему товарищу. Почему в противостоянии с австрийским солдатом, доведённым до автоматического совершенства, которое дает ему возможность любой маневр превратить в блистательный балет, победителем вышел распущенный француз с расстегнутыми пуговицами, без всякой выправки, с кепи на затылке?

[228] Драгомиров М. И. Сборник оригинальных и переводных статей. Т. 1. С. 220.

Заметим, что внешняя беспорядочность армии Наполеона III не означала отсутствия внутренней организованности. Напротив, подобная система допускала развитие личной инициативы, самостоятельности и наступательного порыва, что нередко обеспечивало французам успех даже в условиях недостаточной координации и серьёзных потерь. Внутренняя организация французской армии при этом оставалась достаточно прочной, чтобы сохранять боеспособность в ходе наиболее тяжёлых столкновений кампании.

«Таким образом, то, чего не достаёт французам во внешней стройности, с избытком вознаграждается здоровьем нравственного склада» – резюмировал М. И. Драгомиров.[229]

2.2 Австрия: дисциплина без инициативы

Австрийская империя, собранная из разнородных территорий, между которыми не сложилось подлинного внутреннего единства, довольно рано выстроила систему управления, основанную на недоверии к собственным народам. Эта система искусственно удерживала вместе то, что не было объединено ни общими интересами, ни естественным стремлением к совместному существованию.

Переход от подобной системы к иной модели управления, основанной на доверии к народу, возможен лишь там, где существует численное и политическое преобладание одной господствующей нации. Как верно подметил В. Рюстов: «Император Франции может вдохновить французов на французскую славу, король Сардинии вместе с союзниками призывает итальянцев к борьбе за свободу и национальную независимость. Что может противопоставить этому Австрия? Австрия существует лишь благодаря тому, что она уничтожает национальную независимость многих народов, заменяя

[229] Драгомиров М. И. Сольферинская битва. (с двумя планами). С. 87.

национальность домом Габсбургов-Лотарингских, а национальную славу – славой этого дома».[230]

Многонациональный характер Австрийской империи не позволял строить организацию армии на национальном принципе. Не могла служить объединяющей основой и религия. Для католической Австрии подобный подход лишь усилил бы существовавший разрыв между ней и протестантской Германией, а также ограничил бы возможность пополнять офицерский корпус представителями дворянства мелких германских государств.

В армии продолжали сохраняться традиции, восходившие ещё к XVII в. несмотря на то, что комплектование войск уже осуществлялось не посредством вербовки, а на основе воинской повинности. Однако эта повинность не носила всеобщего характера. От военной службы освобождались лица с высшим образованием, представители ряда профессий, а также те, кто мог внести в казну денежный взнос. В результате армия пополнялась преимущественно выходцами из малограмотного и социально отсталого крестьянства, что способствовало сохранению устаревших порядков и традиций.

«Сила этой старой династической армии покоилась на традициях и корпоративном духе частей и на крепкой дисциплине, с жестокими взысканиями за все проступки»[231] – писал А. А. Свечин.

«Её доктрина, методы командования и вооружение устарели, а руководство было некомпетентным и чрезмерно осторожным»,[232]– добавлял Г. Ротенберг.

Революционные события 1848 г. нанесли серьёзный удар по составу австрийской армии. После подавления восстания последовали суровые репрессии, направленные на венгерских солдат. В ходе войны 1859 г. полки,

[230] Rüstow W. Der italienische Krieg 1859. S. 81.
[231] Свечин А. А. Эволюция военного искусства. Т. 2. С. 84.
[232] Rothenberg G. E. The Army of Francis Joseph. West Lafayette, Indiana: Purdue University Press, 1998. P. 55.

сформированные преимущественно из итальянцев, также считались ненадёжными. Поэтому было принято решение не привлекать их к боевым действиям и разместить эти части в Венгрии и на границе с Россией.[233]

Командование австрийской армией осуществляла узкая аристократическая клика, во главе которой стоял кайзер Франц Иосиф. Он окружил себя людьми, разделявшими его собственные ретроградные взгляды. Как верно подметил Ричард Брукс: «Одержимый мелочными деталями армейских уставов, он не понимал социальных и военных изменений своего времени».[234]

Состояние армии наиболее ярко описывает Э. Бартберг: «Военная техника, особенно артиллерия, была практически непригодна для использования, ракетные батареи – дорогостоящая безделушка, крепости – заброшенные и устаревшие, система снабжения – коррумпированная и неадекватная».[235]

В тоже время армия Габсбургов была оснащена современной нарезной винтовкой, которая по своим боевым характеристикам на средних и дальних дистанциях превосходило французскую винтовку. Тем не менее это преимущество не было реализовано в полной мере. По оценкам А. А. Свечина, «незнакомство пехоты со своим оружием и закрытый характер местности в Ломбардии не позволили австрийцам полностью использовать выгоды их лучшего ружья. Однако если потери убитыми и ранеными в боях 1859 г. были одинаковы с обеих сторон, несмотря на постоянные неудачи австрийцев, то этот результат может быть объяснен только техническим превосходством австрийцев, уравнивавшим потери при их тактических неуспехах».[236]

---

[233] Исключение было сделано лишь для одного итальянского полка Сигизмунда, который при первом же столкновении при Мадженте перебежал на сторону противника.
[234] Brooks. R. Solferino 1859: The Battle for Italy's Freedom. P. 9.
[235] Bartberg E. Der Krieg im Jahre 1859: Nach offiziellen Quellen nicht offiziell bearbeitet. Bamberg. S. 6.
[236] Свечин А. А. Эволюция военного искусства. Т. 2. С. 96.

Главная австрийская железнодорожная линия не имела прямого соединения с ломбардо-венецианской сетью: между станциями Набрезина и Казарса существовал разрыв, равный примерно трём переходам. Его возникновение объяснялось, с одной стороны, недостаточным вниманием австрийского генерального штаба к развитию железнодорожной инфраструктуры, а с другой влиянием Франции. Последнее облегчалось тем обстоятельством, что значительная часть австрийских железных дорог находилась в руках французов, которые выступали против крупных расходов на строительство мостов через реки. Указанные факторы серьёзно осложняли быструю концентрацию австрийских войск.

По утверждению Г. Мольтке «Дух армии был прекрасен».[237] Однако подавляющее большинство авторов придерживались прямо противоположного мнения. Наиболее ярким критиком морального состояния австрийской армии был М. И. Драгомиров. Главным недостатком он считал «систему», в которой дисциплина и подготовка войск рассматривались как самоцель, а не как средство ведения войны.[238]

Русский военный наблюдатель отмечал, что австрийские солдаты знали местность лучше французов и занимали позиции, которые можно было считать достаточно прочными. Тем не менее они не только не сумели удержать эти позиции, но и отступили в беспорядке. По мнению М. И. Драгомирова, подобное поведение нельзя объяснить недостатком природной стойкости, особенно если учитывать, что народы, населявшие Австрийскую империю, неоднократно демонстрировали свои военные способности.

Михаил Иванович опубликовал ряд работ, в которых детально рассматривал основные недостатки австрийской военной системы. В частности, главным средством поддержания порядка в армии Габсбургов была палка. Несмотря на официальное ограничение телесных наказаний ещё в 1855 г., на практике они продолжали широко применяться. Драгомиров с

[237] Мольтке Г. Итальянская война 1859 года. С. 6.
[238] РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 872. С. 26.

иронией отмечал: «Эта система принесла свои плоды: офицер в расправе с солдатом не церемонится; солдат не любит офицера и не верит ему».[239]

Другая проблема заключалась в существовании ингаберов (шефов) полков, весьма способствовавших нравственному разложению австрийской армии. Дело в том, что ингаберы назначались из старых генералов, зачастую даже не состоявших на действительной службе, и по преклонности лет они часто подпадали под влияние своих адъютантов, избираемых преимущественно в среде юношей с протекцией. По словам Михаила Ивановича: «Во всем этом беды большой бы не было, если б ингаберство имело значение только почетное; но дело в том, что ингаберы имеют право раздавать чины, до капитана включительно, по своему усмотрению, или передавать это право командиру полка, а также предлагают кандидатов на вакансии штаб-офицеров».[240]

«Австрийские магнаты считали высшие посты в армии своими по праву. Австрийским императором приходилось терпеть явно неспособных феодалов на ответственнейших постах» – добавлял А. А. Свечин.[241]

Управление войсками осложнялось тем фактом, что действующие полки, как правило, не размещались в тех провинциях, из которых они комплектовались, поскольку считалось рискованным держать их на родной территории. По той же причине в такие части направлялись офицеры иной национальности. Как отмечал М. И. Драгомиров: «Вследствие этого австрийская армия представляет собой амальгаму полков, набранных из массы, части которой не только не связаны общими интересами, но враждебно относятся друг к другу, в особенности же к господствующему немецкому племени».[242]

Разгромной критике подверглась и система образования австрийской армии, суть которой, по словам Михаила Ивановича, заключалась в том,

---

[239] Драгомиров М. И. Австро-прусская война. 1866 год. М.: Вече, 2011. С. 95
[240] Там же. С. 96.
[241] Свечин А. А. Эволюция военного искусства. Т. 2. С. 86.
[242] Драгомиров М. И. Австро-прусская война. 1866 год. С. 107.

чтобы избавить ум солдата от работы. Чрезмерное стремление к педантичности при полном презрении к свойствам человека. Как итог: совершенные, но мертвые формы, вкупе с полной неспособностью применить полученные знания на практике. «Забыли составители инструкций, что война именно тем и хороша, что не всему в ней можно репетиции сделать; что действия, наиболее ошеломляющие человека, репетиции не подлежат, и успех в них зависит не от того, на сколько солдат выучен, а от того, насколько он сохранил свободное распоряжение человеческими способностями, т.е. умом и волей».[243]

Вместо того чтобы воспитывать спокойствие, порядок и согласованное взаимодействие всех сил и родов войск ради достижения единой цели, на практике поощрялись суета, распыление сил, манипулирование резервами, перебрасывание мелких подразделений и частные атаки, которые неизбежно должны были терпеть неудачу.[244]

Австрийская армия отличалась сравнительно высокой организованностью, однако её действиям недоставало активности и инициативы. Солдаты, как правило, не проявляли самостоятельности, а предпринимаемые ими действия носили скорее формальный характер и выполнялись без особого воодушевления. «Горячего, задушевного участия со стороны солдата нет; он идет, потому что его ведут, но больше от него не ждите».[245] В результате даже удача на поле боя становилась для них неожиданностью: они не умели воспользоваться благоприятной обстановкой и закрепить успех.

Ещё одним существенным недостатком австрийской армии, было постоянное стремление укрываться за фортификационными сооружениями. Не сумев должным образом развить и подготовить солдата, командование было вынуждено опираться главным образом на материальные средства

[243] Там же. С. 99.
[244] Bartberg E. Der Krieg im Jahre 1859: Nach offiziellen Quellen nicht offiziell bearbeitet. Bamberg. P. 8.
[245] Драгомиров М. И. Обзор итальянской кампании 1859 года. № 3. С. 342.

защиты, прежде всего на систему укреплений. Подобное преобладание инженерного элемента сыграло с армией Франца Иосифа I злую шутку: ни одно из укреплений, возведённых в начале кампании, не смогло надолго задержать противника, тогда как их строительство лишь истощало силы войск.

В то же время М. И. Драгомиров признавал высокое качество самих фортификационных работ. Осмотрев австрийский «тет-де-пон»[246] у Сан-Мартино, он отмечал его аккуратность и качество исполнения. Однако основная проблема заключалась в том, что сооружение пришлось оставить без боя. «Какой результат постройки укрепления – то, что оно было построено и ни к чему не послужило».[247] По словам русского военного агента, австрийцы настолько полагались на совершенство созданных ими оборонительных преград, что постепенно уверовали в их абсолютную неприступность.

Стоит сказать, что основополагающей единицей в военном деле для Михаила Ивановича всегда был и оставался человек. Он считал, что приверженцы технических новшеств, возводя в абсолют материальную сторону и напрочь забывая о нравственной, совершают фатальную ошибку. Ключом к победе в войне является последовательная система воспитания солдата. «Скажу только, что основная идея заключается в том, чтобы в мирное время знакомить человека с чувством опасности и давать ему практику в преодолении этого чувства. Только при этом условии маневры и прочие занятия приобретают значение для военного времени, а без этого все они не более как игра в солдатики: очень красивая и потому заманчивая, но игра».[248]

---

[246] Тет-де-пон (фр. Tête de pont – «голова моста»), мостовое укрепление для охраны переправы, в котором могут размещаться войска или имущество.

[247] Драгомиров М. И. По поводу статьи «Краткий обзор Итальянской кампании 1859 г. в инженерном отношении». Сан-Мартинский Тет-де-пон. // Инженерный журнал. СПб., 1861. № 1. С. 14.

[248] Драгомиров М. И. Военные заметки. СПб: Типография Главного управления уделов. 1894. С. 30.

Несмотря на штатную численность армии в 135 тыс. человек, к моменту объявления войны её фактический состав не превышал 100 тыс. военнослужащих. Особенно остро нехватка личного состава и материальной части проявлялась в кавалерии и артиллерии: кавалерийские части испытывали серьёзный дефицит лошадей и не были полностью укомплектованы даже по нормам мирного времени, тогда как вместо предусмотренных 70 батарей в наличии имелось лишь 44. В результате реальная численность армии в начале кампании была значительно ниже штатной. Подкрепления, включая 1-й корпус численностью около 30 тыс. человек, начали прибывать уже после начала боевых действий, вследствие чего максимальная численность армии достигла приблизительно 140 тыс. человек.[249]

Командование армией было вверено Фельдцейхмейстеру графу Гюлаю. По мнению военного историка Германа Кунца: «В первые дни похода стало ясно, что выбор графа Гюлая на должность Верховного командующего был неудачным».[250] Гюлай не имел серьезного военного опыта и не пользовался поддержкой в армии. «Он был надежным администратором, но не военным командиром»[251] – добавлял Фредерик Шнайд.

Начальником штаба был назначен полковник Кун. Как писал Г. Мольтке: «Ему было 40 лет. В кампании 1849 года, в чине капитана Генерального штаба, он проявил столько ума и храбрости, что не только заслужил орден Марии Терезии, но и приобрёл известность в армии. О его характере, обширных знаниях и военном образовании все отзывались самым высоким образом; можно сказать, что общее мнение армии и предопределило его назначение на эту должность».[252]

---

[249] Мольтке Г. Итальянская война 1859 года. С. 9-10.
[250] Kunz H. Von Montebello bis Solferino. Berlin: Verlag von Friedrich Luckhardt, 1888. S. 1*.
[251] Schneid F. The Second War of Italian Unification 1859–61. P. 34.
[252] Мольтке Г. Итальянская война 1859 года. С. 6.

В свою очередь Э. Бартберг составил прямо противоположный портрет начальника австрийского штаба. «Он казался честным и умным, на самом деле был нерешительным и коварным, скорее фантазером, чем здравомыслящим человеком, поверхностным, без зоркого взгляда и сил действовать: поэтому он был опасен для своего начальника и собственной армии, но нисколько для врага».[253]

При таких обстоятельствах трудно было рассчитывать на единство взглядов и действий, особенно если учесть необходимость сообщать в Вену о каждом намерении и получать оттуда советы и указания, которые благодаря телеграфу передавались очень быстро. Кроме того, болезнь Куна иногда мешала ему выезжать верхом, что, как впоследствии увидим далее, было не совсем удобно для армии.

Командирами корпусов были назначены Шварценберг, Цобель, Бенедек, Стадион и Лихтенштейн. Вот что писал о них В. Рюстов: «Лихтенштейн во всех отношениях бесполезен; Шварценберг добросовестный, но трусливый и бездарный; Стадион рыцарственный, но без военных способностей; Цобель полный знаний о людях и мире, все же личность, нормальный человек, скорее наемник, который опоздал на несколько веков, чрезвычайно легкомысленный, без чувства долга; Бенедек был ограничен и своенравен, но смел, решителен и властен, способный командир корпуса».[254]

По мнению Ричарда Брукса «лишь фельдмаршал-лейтенант Людвиг фон Бенедек, командир VIII корпуса, выделялся среди них своим орлиным взглядом и пылкой энергией. В отличие от большинства австрийских командиров, Бенедек был боевым генералом, инстинктивно понимавшим поле боя и обладавшим необычной эмпатией к простому солдату».[255]

---

[253] Bartberg E. Der Krieg im Jahre 1859: Nach offiziellen Quellen nicht offiziell bearbeitet. Bamberg. S. 26.
[254] Rüstow W. Der italienische Krieg 1859. S. 27.
[255] Brooks. R. Solferino 1859: The Battle for Italy’s Freedom. P. 8.

М. И. Драгомиров дал Бенедеку следующую характеристику: «Личная его энергия не подлежит сомнению: он незаменимый человек для того, чтобы устремить войска в бой для достижения указанной цели; но он едва-ли способен сам себе её поставить. Одним словом: будучи замечательным тактиком, Бенедек нисколько не стратег».[256]

Генерал адъютант императора Франца-Иосифа граф Грюнне разработал следующий план кампании: вторжение в Пьемонт с целью захватить Турин и разбить союзников по отдельности. Реализация этого замысла на практике была возможна лишь при условии его молниеносного исполнения. Именно это и предполагалось, однако вышло иначе. Получив ответ на ультиматум вечером 26 апреля, австрийцы могли вторгнуться в Пьемонт уже 27 числа. Приказы из столицы требовали не ждать ничего более после получения ответа и немедленно начинать кампанию. Однако, когда распоряжения о движении были отданы, из Вены поступила новая команда – остановиться.

Чем объяснялась эта странная решительность на бумаге и одновременно нерешительность на деле, которая, по-видимому, фактически облегчала французам и сардинцам сосредоточение сил? Дело в том, что австрийская дипломатия проявила явную непоследовательность: решившись на предъявление ультиматума, её представители вскоре вновь заговорили о возможности возвращения к переговорам, словно действие ультиматума можно было приостановить по взаимному согласию сторон, а не только по инициативе Австрии. Подобная позиция наносила ущерб прежде всего армии Франца Иосифа. Дальнейшие переговоры не привели ни к чему, кроме потери времени для австрийцев.

Можно констатировать, что в действиях австрийского командования сразу же проявились тревожные признаки колебаний и нерешительности. Фактически никаких операций не предпринималось, армия занимала выжидательную позицию, позволяя французам беспрепятственно переходить

[256] Драгомиров М. И. Австро-прусская война. 1866 год. С. 86.

Альпы и перебрасывать силы морем, не предпринимая серьёзных попыток помешать концентрации союзных армий. Напряжение и беспокойство росли день ото дня, в то же время уменьшалось и доверие войск к верховному командованию.

В итоге лишь через десять дней после отклонения ультиматума австрийская армия начала своё движение. Начало кампании продемонстрировало полную зависимость главной квартиры австрийской армии от центральной администрации даже в вопросах военного управления. Подобное положение не могло привести к благоприятным последствиям: бесполезная потеря времени и неустойчивость распоряжений, неизбежно тяжело сказывавшиеся на крупных массах войск, свидетельствовали о неспособности высшего командования принимать решительные меры. Это в свою очередь подрывало доверие войск к главной квартире. Как верно подмечал Драгомиров «уже одно подобное нравственное состояние австрийской армии обеспечивало значительную дозу успеха союзникам при всяком решительном столкновении».[257]

Опасения австрийского командования относительно уязвимости левого фланга вскоре привели к попытке проверить это предположение на практике. Сосредоточение союзных войск у Алессандрии убедило Гюлая в том, что противник намерен продвигаться между рекой По и северными отрогами Апеннин, стремясь обойти его южный фланг. В связи с этим 19 мая граф Стадион, командир V корпуса, получил приказ прояснить обстановку на правом берегу По посредством разведки боем. Для выполнения этой задачи он сформировал три колонны и резерв, что отражало характерную для австрийского командования склонность дробить силы на многочисленные отряды.

[257] Драгомиров М. И. Обзор итальянской кампании 1859 года. № 2. С. 165.

20 мая началась битва при Монтебелло. Стадион значительно превосходил Форе по численности,[258] однако французский командир сумел сосредоточить силы на решающем участке перед Монтебелло и добиться локального превосходства. Австрийцы же к этому моменту так и не воспользовались своим численным преимуществом. Более того, бой начался вопреки намерениям Стадиона: вместо того чтобы ускорить продвижение колонн и развить успех, он приказал остановить их движение. Эта пауза позволила французам закрепиться на позиции и подтянуть подкрепления.

В этом сражении особенно ясно проявилось различие между двумя армиями. Австрийцы явно пренебрегали наступательным движением. Подобное положение во многом объяснялось чрезмерным доверием к решающей роли огнестрельного оружия.

Хотя столкновение при Монтебелло со стороны армии Габсбургов предпринималось лишь с целью крупной разведки боем, а потому их отступление было допустимо и объяснимо, тем не менее это был первый серьёзный бой между противоборствующими сторонами. В подобных обстоятельствах было особенно важно продемонстрировать превосходство своих войск над противником. Добиться этого можно было только посредством наступления.

Стадиону первому предстояло доказать, что Австрия, предъявив ультиматум и перейдя границу Тичино, действовала с уверенностью в своих силах и была способна довести начатое до конца.

В итоге несмотря на почти двукратное численное превосходство, австрийцы из-за своей неуверенности к концу дня оказались в положении побеждённых.

В своём донесении императору Францу Иосифу о бое при Монтебелло Гюлай утверждал, что предпринятая операция дала «благоприятный

[258] Группировка Стадиона (ок. 23 т. ч., 68 ор.) в целом существенно превосходила дивизию Форе (около 6–7 тыс.). (См.: Военная энциклопедия. Т. 16. СПб.: Товарищество И.Д. Сытина, 1914. С. 402-403.)

результат, доказавший её необходимость». Однако точнее было бы сказать, что эта рекогносцировка, целью которой было прояснить положение дел для австрийской главной квартиры, лишь ввела её в заблуждение.[259]

Оценивая последствия данного сражения, В. Виллисен отмечал «что касается самого значения этого боя и его влияния на дальнейший ход кампании, то оно было не столько военным, сколько моральным: сражение повлияло на настроение войск – для одних оно оказалось ободряющим, для других, напротив, подавляющим».[260]

В поражении при Монтебелло Э. Бартберг прямо обвинял начальника штаба Куна: «Его вспыльчивый темперамент и склонность к импульсивным решениям легко приводили его к потере самообладания, поскольку ясный и холодный рассудок, рассудительность и твёрдость характера не были его сильной стороной. В результате у него возникло желание во что бы то ни стало выяснить, что именно делают союзники за рекой По и какие цели они преследуют».[261]

В главной квартире австрийской армии были вполне справедливо недовольны тем, как была проведена эта операция. Однако ещё больше оснований для недовольства давало то обстоятельство, что она вообще была предпринята без достаточно ясной цели.

В течение шести дней после боя при Монтебелло обе стороны готовились к встречной атаке удачно запугивая друг друга.

Положение дел начало меняться и притом не в пользу австрийцев вследствие бездействия главнокомандующего Гюлая. Видя, что австрийцы не трогаются с места, 26 мая Наполеон III решился приступить к исполнению задуманного смелого плана.[262] Император решил форсировать реку По и 27 мая отдал приказ о движении франко-сардинских корпусов. Переправа

[259] Обзор кампании 1859 года в Италии. С. 83.
[260] Willisen W. Die Feldzüge der Jahre 1859 und 1866. Leipzig, 1868. S. 24.
[261] Bartberg E. Der Krieg im Jahre 1859: Nach offiziellen Quellen nicht offiziell bearbeitet. Bamberg. S. 45.
[262] Обзор кампании 1859 года в Италии. С. 88.

продолжалась все утро; Австрийцы ничего не знали об опасном положении противника; впрочем, они не могли бы воспользоваться этим, по случаю большого раздробления сил, не позволявшего им сосредоточить значительную массу войск.[263]

30 числа началось наступление на Палестро. Союзники отбросили австрийских стрелков, прорвали баррикады и штыковой атакой вытеснили артиллеристов. Подошедшие во время боя австрийские подкрепления оказались слишком малочисленными, чтобы изменить исход сражения.

На следующий день австрийцы попытались вернуть утраченные позиции. Поскольку сардинцы и французы уже заняли Палестро, австрийцы оказались в меньшинстве примерно два к одному, не считая других союзных войск. Осознавая бесполезность дальнейших попыток вернуть позиции, командующий Цобель принял решение отвести войска.

Результаты боёв при Палестро показали, насколько плохо Гюлай представлял реальное положение дел и масштабы движения союзных армий. В обоих боях австрийские генералы напрасно бросали свои войска против значительно превосходящих сил противника.[264]

В свою очередь при таком соотношении сил австрийцы могли быть полностью разгромлены. Однако этого не произошло: главным образом, потому что командующий корпусом Цобель всё-таки решился перейти в наступление. «Этот факт доказывает ещё раз, что выгоднее брать на себя инициативу действий, даже несколько нарушая правила осторожности, чем держаться пассивно-выжидательного положения».[265]

Неудачи австрийцев под Монтебелло и Палестро можно также объяснить особенностями их тактической системы, прежде всего чрезмерным стремлением сохранять резервы. Ещё до революционных войн европейские армии в бою обычно выстраивались в две развернутые линии

[263] Мольтке Г. Итальянская война 1859 года. С. 49.
[264] Brooks R. Solferino 1859: The battle for Italy’s Freedom. P. 33.
[265] Обзор кампании 1859 года в Италии. С. 102.

без резерва. Такая форма построения возникла из-за преувеличенного значения огня и стремления к охвату флангов.

Опыт войн показал уязвимость такого построения. Тонкие линии легко прорывались решительной атакой, и из-за растянутости фронта соседние части не успевали прийти на помощь опрокинутым подразделениям. Поэтому постепенно был выработан иной принцип: батальон строился в колонну, а для соединений создавался сильный резерв, который должен был вводиться в решающий момент.

Австрийская армия восприняла эту систему односторонне. Признав необходимость иметь резервы, австрийские командиры стали уделять их сохранению чрезмерное внимание. В результате боевые линии нередко оказывались ослабленными и не могли нанести противнику решительный удар даже при благоприятных обстоятельствах. В случае же неудачи резервы вводились в бой небольшими частями или вовсе сохранялись до последнего момента, поскольку их старались удержать как можно дольше.

«Слабое подкрепление обыкновенно восстанавливает бой или нерешительно, или совсем его не восстанавливает, а увеличивает только массу отступающих и так далее, до тех пор, пока остается такая часть резерва, которую не решаются уже пустить вперед, а сберегают для прикрытия отступления» – писал по этому поводу М. И. Драгомиров.[266]

Подобная ситуация являлась следствием чрезмерно формального применения наиболее рациональных принципов военной теории – необходимости иметь резерв и по возможности его сохранять. Когда же эта «правильная форма» лишена живого боевого духа и инициативы, она не помогает войскам выполнить поставленную задачу, а, напротив, может привести их к поражению.

Смысл резерва состоял не в его постоянном сбережении, а в том, чтобы в решающий момент ввести его в действие. Иногда именно рискованное и решительное использование всех имеющихся сил было

[266] Драгомиров М. И. Обзор итальянской кампании 1859 года. № 5. С. 647.

способно изменить ход боя. Однако одна лишь формальная схема не подскажет, когда следует пойти на такой шаг – это зависело от решимости и интуиции командира.

Переходя к изложению последующих событий, следует отметить важные изменения, произошедшие в организации австрийской армии. Приказом от 26 мая объявлялось, что общее командование обеими армиями принимает на себя Франц-Иосиф. Первая армия должна была получить самостоятельное существование только после прибытия императора в Италию. До этого момента прибывающие на театр войны части поступали в распоряжение графа Гюлая.

Данное решение разрушало принцип единоначалия в армии и породило противоречивые приказы, а также задержки в принятии решений. А как верно подмечал Наполеон: «Один плохой главнокомандующий лучше двух хороших».[267]

30 мая император прибыл в Верону в сопровождении барона Гесса, графа Грюна и других лиц из своего ближайшего окружения. Появление кайзера вместе с главным штабом в Вероне неблагоприятно сказалось на действиях австрийской армии.

«Распоряжения Гюлая, как ни были они нерешительны, как ни стеснялись советами из Вены, все же были делом одного человека. Теперь и это последнее единство должно было исчезнуть».[268] – сообщал Драгомиров.

Как итог: главная квартира приблизилась к театру военных действий настолько, что оттуда стало возможным направлять в армию доверенных лиц не только с советами, но даже с распоряжениями, отменявшими приказы главнокомандующего.

---

[267] Фраза связывается с его перепиской периода Итальянской кампании 1796 г., когда обсуждалось разделение командования между ним и генералом Келлерманом; Наполеон настаивал на единоличном командовании армией. (См.: Thibaudeau A.-C. Histoire générale de Napoléon Bonaparte, de sa vie privée et publique, de sa carrière politique et militaire, de son administration et de son gouvernement. Guerre d'Italie. T. 1. Paris: Ponthieu et Cie, 1827. P. 226.) Цитата: «Je crois qu'il faut plutôt un mauvais général que deux bons».

[268] Драгомиров М. И. Обзор итальянской кампании 1859 года. № 6. С. 825.

После поражения у Палестро, Гюлай принял решение отступить за Тичино.[269] Приказ об отступлении уже был отдан и оставалось лишь добиться его утверждения императором Францем Иосифом, который, однако, не ожидал такого шага. Гюлай направил императору телеграмму, в которой объяснял, что, оказавшись обойденным превосходящими силами противника справа и одновременно подвергаясь угрозе на левом фланге он считает своей первоочередной обязанностью сохранить армию для дальнейших операций.

Получив депешу, император телеграфировал Гюлаю: «держитесь на линии Тичино путем энергичного наступательного движения».[270] Гюлай отвечал, что армия уже находится в полном отступлении и потому он не имеет возможности немедленно выполнить приказ, для того чтобы снова перейти к наступлению, ему потребуется два дня, а к тому времени он, вероятно, столкнется с уже значительно возросшими силами противника.

Дальнейший обмен телеграммами не привёл к какому-либо результату. Поэтому Франц-Иосиф решил немедленно направить в действующую армию фельдцейхмейстера барона Гесса – одного из наиболее авторитетных своих советников. Он был назначен генерал-квартирмейстером объединённых армий, которые вскоре должны были соединиться под непосредственным верховным командованием императора.

Гесс считал, что положение 2-й армии по отношению к противнику вовсе не настолько опасно, чтобы продолжать отступление. Однако, не желая брать на себя ответственность за принятие окончательного решение, он, несмотря на предоставленные ему полномочия, предпочитал выступать лишь в роли советника. А потому был не против выслушать и мнение начальника штаба – полковника Куна.

А Кун из-за болезни, не позволявшей ему ездить верхом, уже несколько недель не садился на лошадь. Он уехал вперёд в экипаже по

[269] Река Тичино образовывала естественную границу между Пьемонтом и Ломбардией. Для австрийской армии она служила главным оборонительным рубежом перед Миланом.
[270] Обзор кампании 1859 года в Италии. С. 112.

направлению к главной квартире. За ним послали обратно, пока он прибыл, прошло несколько часов.

Первым результатом этих совещаний стало то, что корпусам разослали приказ остановиться, чтобы в случае необходимости их было легче повернуть обратно. Однако трудности возвращения армии на прежние позиции вынудили вновь разослать приказ продолжать движение в соответствии с диспозицией, отданной накануне и которую Гесс намеревался отменить.

Таким образом, войска снова начали двигаться к первоначально назначенным для них местам ночлега. Нетрудно представить, чем в итоге обернулась эта чехарда приказов, каждый из которых требовал делать противоположное тому, что предписывал предыдущий. Бессмысленная потеря драгоценных часов. «И каких часов? В которые никто не знал, что делать, ожидая с минуты на минуту приказаний, и которые утомительнее всякого движения» – писал Драгомиров.[271]

Во время отступления на левый берег Тичино произошёл ещё один эпизод, наиболее ярко характеризовавший армию Габсбургов. Австрийский генерал Клам-Галлас приказал взорвать Буффалорский мост, однако взрыв оказался неудачным: были повреждены лишь арки, мост был очень широким и отличался исключительной прочностью конструкции.

Инженерный комитет в Вене заранее рассчитал количество пороха, необходимое для уничтожения моста, и направил в Италию как эти расчёты, так и соответствующий запас пороха. Однако офицер, занимавшийся подготовкой подрыва Буффалорского моста, помимо этого должен был выполнить ещё несколько аналогичных задач по приказу своего командира. Поскольку для них дополнительного пороха не выделили, он был вынужден использовать тот запас, который предназначался для взрыва Буффалорского моста, рассчитывая, что необходимое количество пороха успеют своевременно прислать из Милана.

[271] Драгомиров М. И. Обзор итальянской кампании 1859 года. № 6. С. 839-840.

Однако неожиданное движение французов к правому флангу и столь же неожиданное решение Клам-Галласа очистить Тет-де-Пон без боя вынудили немедленно приступить к подрыву моста, используя лишь то количество пороха, которое оказалось под рукой.

Как верно заметил русский военный агент: «эта случайность, бывшая естественным следствием австрийского обычая управлять всем из столицы, до последних мелочей, имела для армии гибельные последствия».[272]

Главный недостаток австрийских инструкций состоял в том, что они отодвигали на второй план основную цель порученного дела. Более того, они нередко давали удобный повод оправдывать невыполнение задачи. Как бы хорошо ни была составлена инструкция, всегда возможны ситуации, когда она оказывалась непригодной. Исполнители нередко инстинктивно чувствовали её несоответствие обстоятельствам и потому начинали считать её несостоятельной даже тогда, когда следовать ей было бы вполне уместно, но это противоречило их личным интересам. А интересы могли быть самыми различными, однако на первом месте, без сомнения, стоял страх ответственности.

4 июня Гюлай, с одобрения Гесса, решил предоставить армии день отдыха и поэтому отложил до следующего дня предполагаемую атаку на правый фланг французских войск во время их продвижения к Милану. Австрийская армия, сильно утомлённая предыдущими переходами, нуждалась в передышке перед новым боем, и фельдцейхмейстер настолько ясно понимал эту необходимость, что не отказался от своего решения даже после того, как из донесения разведки узнал, что около 20 000 тыс. французских солдат уже находятся на левом берегу Тичино у Турбиго, т.е. совсем недалеко от Маджженты.

В целом район Маджженты (если рассматривать сам город как центральный узел обороны) представлял собой весьма выгодную

[272] Там же. С. 831.

оборонительную позицию. С запада её прикрывали два водных рубежа: река Тичино и канал Навильо-Гранде.

Армия Габсбургов в окрестностях Маджента насчитывала 41 000 чел. Всего в пределах досягаемости поля боя у Гюлая было 68 000 чел. В целом обе армии моли быть равны по численности, если бы Гюлай быстро передвинул свои корпуса к месту сражения.[273]

Идея австрийского командования заключалась в следующем: в случае атаки французов обстреливать их в момент, когда они будут идти в узких и длинных колоннах. Предполагалось, что, встретив противника огнём на дальних дистанциях, удастся выиграть достаточно времени для организованного отхода за линию Навильо, где уже с близкой дистанции можно будет нанести решающий удар, предварительно разрушив мосты.

Однако, ни солдаты, ни офицеры ещё не успели ясно представить себе положение и значение занимаемых позиций. Как указывал Г. Мольтке «Австрийцы постепенно занимали позиции; кавалерия и артиллерия безуспешно пытались найти местность, хоть сколько-нибудь пригодную для их действий. Командиры ещё не успели как следует осмотреться, а главнокомандующий даже не имел времени ознакомиться с расположением войск. Между тем французы уже были полностью готовы к переправе через Тичино».[274]

В итоге на ключевом участке в начале боя, у двух центральных мостов, из тринадцати батальонов в бой могли вступить лишь два, тогда как остальные, по принятой в австрийской армии практике оставались в резерве. Очевидно, что этих двух батальонов было недостаточно даже для отражения первого натиска; более того, как станет ясно далее, они оказались выдвинуты за канал фактически так, что облегчали французам захват мостов, позволяя преследовать их практически вплотную.

---

[273] Schneid F. The Second War of Italian Unification 1859–61. P. 47.
[274] Мольтке Г. Итальянская война 1859 года. С. 67.

«Следовательно, здесь со стороны Австрийцев видно то же, на что было уже не раз указано: какая-то странная несостоятельность в приведении в исполнение собственной же мысли. Задумают что-нибудь, а потом, будто нарочно, распорядятся так, чтобы задуманное не удалось» – подмечал Драгомиров.[275]

Михаил Иванович считал, что действия австрийцев 4 июня фактически привели лишь к одному результату: они подтолкнули союзников к более энергичному сосредоточению сил у места сражения. Создалось впечатление, что эти меры проводились так, будто их цель заключалась лишь в демонстрации возможности наказать противника за неосторожную переправу, но без реальной попытки реализовать это на практике. «Следовательно, Австрийцы и в этом случае остались верны себе: задались хорошей мыслью, а исполнение совсем другое; как ловкий фехтовальщик, показали ударь, но его не нанесли».[276]

Гюлай, несмотря на выгодное стратегическое положение, практически не имел шансов на успех 5 июня. Решающий момент был упущен ещё 4 июня. Задержки, нерешительность и поэтапное введение войск в бой привели к потере времени, которое впоследствии уже невозможно было восполнить.

Стоит отметить, что австрийские солдаты изнемогали под бременем знания материальной обстановки боя, усвоенной на мирных упражнениях. Это вело к механическому следованию уставным схемам, чрезмерной зависимости от «сильных позиций» и утрате инициативы. Личная решительность подавлялась страхом ответственности, что в конечном счёте сказывалось на эффективности действий войск. В то же время сами австрийцы признавали, что во французской армии даже младшие офицеры проявляли решимость в действиях, на которые у них, без санкции корпусного командира, не отважился бы и командир дивизии.

[275] Драгомиров М. И. Обзор итальянской кампании 1859 года. № 3. С. 324.
[276] Там же. С. 364.

Таким образом, отсутствие предприимчивости и поклонение внешней обстановки боя, без всякого внимания к нравственной стороне – вот что, привело к поражению австрийской армии в маджентском бою. Невнимание австрийского командования к моральному состоянию войск выразилось, в частности, в том, что в непосредственный резерв за боевыми линиями были поставлены бригады, всего четырьмя днями ранее потерпевшие поражение под Палестро и, разумеется, не успевшие ни оправиться от него, ни восполнить свои потери.

До начала решающего наступления Мак-Магона численное преимущество сохранялось за австрийской армией. Однако вместо немедленного ввода в сражение всех имеющихся сил и использования подходящих колонн в качестве последующих резервов австрийское командование предпочло удержать значительные соединения восточнее Маджента для обеспечения коммуникаций с Миланом. «Ни вести, ни прервать начавшийся встречный бой австрийское командование не сумело» – констатировал Свечин.[277]

Поражение под Маджентой означало конец для Гюлая. Он отступил со своей армией к реке Киезе к востоку от Милана и подал в отставку 16 июня. Австрийская армия, состоявшая из шести пехотных корпусов и двух кавалерийских корпусов, была затем разделена на две армии. Фельдцейхмейстер граф Вимпффен командовал 1-й армией, а генерал кавалерии граф Шлик заменил Гюлая во 2-й армии. Австрийцы продолжили отступление к реке Минчо.

В действиях австрийцев привлекала внимание ещё одна характерная черта: части, уже побывавшие в бою, крайне редко вновь вводились в сражение. Считалось, что, отработав в первой линии, подразделение уже выполнило свою задачу на день. Тем самым вновь проявляется влияние мирной подготовки, где демонстрируется прежде всего смена частей, а не их последовательное усиление и поддержка.

[277] Свечин А. А. Эволюция военного искусства. Т. 2. С. 107.

После победы при Мадженте и взятия Милана союзники перешли к более организованному и сосредоточенному продвижению, что осложнило снабжение и замедлило темпы наступления. Австрийская армия, непрерывно отступая, к вечеру 20 июня заняла позиции за рекой Минчо. Первоначально командование Габсбургов планировало отойти к системе крепостей «Четырёхугольника». Однако замедление союзников было ошибочно истолковано как признак их нежелания вступать в сражение. Убедив себя в этом, австрийское руководство сочло ситуацию благоприятной и решило перейти к наступлению. Отказ от первоначального плана в итоге привёл к событиям, завершившимся 24 июня катастрофой при Сольферино.

Столь резкая смена плана объясняется прежде всего неопределённостью целей, которая стала характерной чертой действий австрийского командования в этой кампании. Не существовало единого замысла, последовательно направлявшего действия армии: решения, признававшиеся правильными в один момент, уже на следующий день отвергались, поскольку всё зависело от последнего поступившего донесения.

Такая нестабильность в выработке решений, как по их содержанию, так и по их практической реализации, напоминала скорее импровизацию, чем продуманное руководство. «Теоретической обработке планов посвящают драгоценное время чуть ли не на поле сражения, забывая, что на войне не тот бьет кто обдумывает обстоятельнее свой план, а тот, кто решительнее приводит его в исполнение»[278] – утверждал Драгомиров.

Вскоре, на военном совете было принято решение вновь перейти Минчо и атаковать франко-сардинскую армию. Против предложенного плана выступил Гесс, указывая, что он чрезмерно опирается на неподвижность союзников и в случае их наступления австрийская армия рисковала быть разорванной в центре. В ответ на это ему возражали, что противник действует слишком осторожно и вряд ли решится на активные действия.

[278] Драгомиров М. И. Сольферинская битва. (с двумя планами). С. 6.

Однако именно французы первыми атаковали передовые посты, распространив тревогу в австрийских войсках. Офицеры, не имея никаких указаний на случай внезапного нападения (которое как известно, и не предусматривалось австрийским главным штабом), не решались действовать самостоятельно. Инициатива не только не поощрялась, но и фактически подавлялась: считалось безопаснее строго исполнять приказы, чем проявлять самостоятельность, даже если это противоречило обстановке.

Хотя развитие событий требовало немедленных решений, в армии не имели чёткого представления об общей цели операции, ради которой была предпринята переправа через Минчо, и никто не отдавал распоряжений о переходе в наступление. Даже местонахождение императора оставалось неизвестным. Офицеры спокойно наблюдали за тем, как бой разгорается по всей линии фронта. При этом, ограничиваясь наблюдением, они не предпринимали даже минимальных попыток координировать разрозненные действия своих войск. Как писал Драгомиров «ожидали прибытия Императора, чтобы тогда разослать приказания, не позаботившись, однако же о собрании данных, на основании которых можно бы было отдать их».[279]

В результате почти до 11 часов утра со стороны австрийского штаба не поступало никаких общих распоряжений: сначала некому было их отдавать, а затем некому было их передавать. Между тем именно в это время решалась судьба всего Сольферинскго сражения.

Ситуация складывалась так, что именно отдельные офицеры и даже рядовые солдаты должны были принимать решения на месте, поскольку именно в такие моменты, когда в бой вводятся резервы, зачастую и определяется исход боя. Однако, как уже отмечалось, австрийские резервы существовали скорее формально: их берегли ради самого факта их наличия или расходовали крайне осторожно и по частям.

В тоже время, нельзя сводить оценку действий австрийской армии исключительно к критике. Так, корпус Стадиона упорно удерживал свои

[279] Там же. С. 21.

позиции. Однако, после того как противник прорвался севернее Сольферино, возникла угроза обхода позиций. В этих условиях даже энергичные контратаки не смогли восстановить положение, и с полудня бой начал приобретать неблагоприятный характер.

В этом эпизоде отчётливо проявились две особенности. Во-первых, убеждённость в неизбежности обхода и невозможности дальнейшего сопротивления. Во-вторых, склонность австрийского командования преждевременно считать бой проигранным, хотя войска продолжали упорно сражаться ещё несколько часов.

Такая реакция объясняется влиянием мирной подготовки, ориентированной не на реальное ведение боя, а на демонстрацию действий. Как писал Брукс: «Хотя французы сохранили репутацию войск, способных к стремительным атакам, австрийская пехота оказалась совершенно неспособной удерживать позиции против них. Ещё меньше она была способна исправить ошибки своих генералов, которые ежегодно «выигрывали» сражение при Сольферино на учениях, но потерпели поражение, столкнувшись с реальным боем».[280]

Командиры привыкли оценивать не собственные возможности, а соотношение сил, считая, что именно оно определяет исход. В результате у них формировалось убеждение, что даже сильные позиции следует оставлять при угрозе обхода.

На манёврах подобная логика считалась оправданной, однако на войне она приводила к обратному эффекту. Австрийские военачальники, хорошо знавшие местность по мирным учениям, лишь укреплялись в этих представлениях. Страх обхода заставлял их покидать даже выгодные позиции, а страх ответственности, отказываться от решительных действий. Привычка к отступлению в учебных условиях переносилась и на реальные боевые действия.

[280] Brooks. R. Solferino 1859: The Battle for Italy’s Freedom. P. 88.

Иной тип командования демонстрировали французы, при котором офицер в критической ситуации сосредоточен не на поиске путей отхода, а на стремлении удержаться любой ценой. «С точки зрения Австрийцев – это безумие. Да; но безумие, которое бьет и которое конечно предпочтительнее благоразумия, за которое бьют» – считал Драгомиров.[281]

В целом же влияние мирных представлений о войне, столь явно проявившееся в действиях австрийского командования, сказывалось и на распоряжениях. Это приводило к тому, что войска, лишённые инициативы и скованные указаниями, не всегда могли реализовать свои возможности, что в итоге затрудняло достижение поставленных целей. Вдобавок австрийский солдат, не приученный к бою в рассыпном строю и не обладавший самостоятельностью французского солдата, не умел в нужный момент достаточно быстро вновь собраться, чтобы нанести мощный наступательный удар.[282]

Последние позиции австрийцев были взяты французами около 3 часов по полудню, после этого началось беспорядочное отступление, ознаменовавшее поражение армии Франца Иосифа.

Анализируя действия австрийцев, обнаруживается их ключевая проблема: обучение в мирное время формировало у солдат и командиров привычку прежде всего укрываться, а не преодолевать препятствия. Это приводило к смещению акцента: вместо стремления использовать местность для наступления возникало стремление спрятаться за ней. В результате даже при наличии укрытий отсутствовало умение действовать за их пределами.

Подобная подготовка оказывала и психологическое воздействие: формировалась зависимость от укрытий и недооценка необходимости активных действий. Солдат, привыкший действовать строго по предписаниям, в условиях боя, где ситуация постоянно меняется, оказывался

[281] Драгомиров М. И. Сольферинская битва. (с двумя планами). С. 56.
[282] Der Feldzug von 1859. Das Vorspiel zu den Ereignissen von 1866 bis 1870. Berlin: Ernst Siegfried Mittler und Sohn, 1871. S. 15.

не в состоянии самостоятельно принимать решения. Столкнувшись с обстановкой, не соответствующей учебным схемам, он просто терялся.

Кроме того, чрезмерное увлечение частными элементами подготовки отвлекало от главной цели – удержания позиции любой ценой. Внимание сосредотачивалось на правильности выполнения отдельных приёмов, а не на достижении результата. В итоге закреплялось убеждение, что исход боя определяется расчётом, а не активностью.

Резюмируя, М. И. Драгомиров называет три главных причины поражения австрийцев: паническая боязнь отходов, привычка оставлять позиции без упорного сопротивления, благоговение перед численным превосходством.[283]

Страх обхода приобретал почти панический характер. Манёвр охвата воспринимался как вершина военного искусства, а быть обойдённым фактически отождествлялось с поражением. При этом не учитывалось, что обходящий сам подвергается риску. В результате любое движение противника во фланг воспринималось как решающее, и войска заранее приучались покидать трудные позиции. В боевой обстановке это выливалось в стремление оставить позицию уже при одной угрозе обхода.

Формировалась привычка покидать позиции без упорного сопротивления. Мирная подготовка ориентировала не на удержание, а на правильное размещение войск, что ослабляло оборонительные качества. В ходе манёвров позиция считалась потерянной уже при сближении противника на короткую дистанцию. Это переносилось и в боевые условия: австрийские части встречали французов плотным огнём, но отходили, как только те переходили в штыковую атаку.

Возникало преувеличенное значение численного превосходства. В мирное время исход условного боя определялся именно численностью, что приучало избегать столкновения с равным или меньшим противником. В

[283] Там же. С. 76-77.

результате в бою формировалось убеждение, что победа зависит от расчёта сил, а не от решительности действий.

Вдобавок, многонациональный состав австрийской армии также негативно сказался на её морально-волевых качествах. Как писал Г. Мольтке: «Расположение умов в различных частях империи не могло не отозваться на жителях этих провинций, служивших в армии. Некоторые польские и венгерские полки дрались прекрасно, но в них не было того воодушевления, которое заставляет солдата делать более, чем требует от него честь и долг, т.е. жертвовать всем для достижения наилучших результатов».[284]

Таким образом, причины неудач австрийской армии, следует искать в чрезмерном увлечении второстепенными элементами подготовки – прежде всего пассивными и малоэффективными сторонами военного дела.

Смысл этого противоречия сводится к следующему. Стремление к совершенству подготовки привело к выработке инструкций, детально регламентирующих поведение солдата в различных ситуациях, но не в плане достижения цели, а в плане способов действия. В результате подавлялась самостоятельность мышления и инициатива, тогда как именно способность быстро принимать решения и действовать определяет успех в бою как для солдата, так и для офицера.

2.3 Сардиния: армия как символ итальянского единства

Поражения сардинской армии в кампаниях 1848–1849 гг. нельзя в полной мере объяснить ни численным превосходством противника, ни даже серьёзными просчётами со стороны короля Карла Альберта и его командования. Основную причину этих неудач обоснованно видели в недостаточном уровне подготовки, сплочённости и дисциплины войск, что, в свою очередь, было следствием значительного разрыва между организацией армии в мирное и военное время. Поэтому тотчас по заключению мира

[284] Мольтке Г. Итальянская война 1859 года. С. 153.

правительство принялось за устранение недостатков, выяснившихся на опыте.[285]

В 1851 г. военный министр Ла Марамора представил парламенту законопроект о реформе системы комплектования армии, который, однако, был принят лишь спустя три года после продолжительных и напряжённых обсуждений. Принятый в 1854 г. закон, отличавшийся определённой сложностью, основывался на системе призыва с возможностью замещения, по образцу французского законодательства.[286]

Сардинское королевство, ориентированное на подготовку к вооружённому противостоянию с Австрией, было вынуждено использовать сокращённые сроки военной службы с целью максимального охвата мобилизационного ресурса. Продолжительность действительной службы составляла два года, после чего военнообязанные переводились в резерв сроком на шесть лет.[287]

Однако вследствие ограниченного уровня промышленного развития и финансовых возможностей государство не смогло сформировать достаточный подготовленный резерв и было вынуждено ограничиться мобилизацией небольшого контингента. Армия, которую король Виктор-Эммануил II мог выставить на поле боя насчитывала всего 62 тыс. чел. и 90 орудий. Организационно она была разделена на пять дивизий, каждая из которых насчитывала примерно 12 тыс. военнослужащих. Внутренняя служба и охрана крепостей возлагались преимущественно на ополчение (национальную гвардию), численность которого достигала около 25 тыс. человек.[288]

---

[285] Обзор кампании 1859 года в Италии. С. 20.

[286] Во Франции и Сардинии применялась модель, при которой призывники определялись по жребию. Каждый подлежащий службе вытягивал номер: «плохой» номер означал обязанность служить, «хороший» освобождение. Ключевым элементом такой модели была возможность откупиться и выставить другого человека вместо себя.

[287] В свою очередь срок действительной службы во Франции составлял 7 лет и 8 лет в Австрии.

[288] Willisen W. Die Feldzüge der Jahre 1859 und 1866. Leipzig. S. 6.

Командирами были назначены: Джованни Дурандо (1 дивизия), Манфредо Фанти (2 дивизия), Филлберто Моллард (3 дивизия), Энрико Чиалдини (4 дивизия) и Доменико Куккиари (5 дивизия). Общее руководство армией осуществлял Король Виктор-Эммануил II, его ближайшим советником был Альфонсо Ла Марамора а начальником штаба Карло делла Рокка.[289]

Сардинская армия отличалась большей национальной однородностью по сравнению с австрийской: солдаты говорили на одном языке, имели схожие интересы и обычаи, а также формировались из более широких слоёв общества. В её составе также существовали специализированные части лёгкой пехоты – знаменитые берсальеры.

Линейная пехота использовала смешанное вооружение: как собственные и французские ружья, так и британские винтовки, закупленные незадолго до начала войны. Тактика во многом копировала французскую, однако сардинцам реже удавалось концентрировать силы в масштабе, сопоставимом с французами.

В числе реформ Ла Мараморы входило также создание новых подразделений лёгкой кавалерии, лучше приспособленных к условиям итальянского рельефа, чем тяжёлая кавалерия. Эти части выполняли как разведывательные, так и боевые задачи, проявив себя, в частности, в сражениях при Монтебелло и Сан-Мартино.

По мнению Свечина: «Несмотря на высокое воодушевление и хорошее вооружение сардинской армии, вследствие краткости и недостаточности обучения, значительного количества резервистов в ротах, постоянных склок в высшем командном составе и отсутствия традиций, боеспособность сардинской армии была невысока; сардинские войска решительно уступали по качеству австрийским».[290]

[289] Brooks. R. Solferino 1859: The Battle for Italy’s Freedom. P. 18.
[290] Свечин А. А. Эволюция военного искусства. Т. 2. С. 83.

Наиболее активная часть молодежи Ломбардии устремлялась в Турин, чтобы вступить в ряды пьемонтской армии. Ла Марамора с одобрением относился к искреннему и подлинно патриотическому порыву этих молодых людей, за которыми вскоре последовали добровольцы из других регионов Италии. По оценкам «Около тридцати тысяч добровольцев, треть которых принадлежит к высшим слоям общества, прибыли со всей Италии, чтобы вступить в ряды пьемонтцев».[291] Покидая свои дома, они стремились получить честь носить форму простых солдат пьемонтской армии. Однако Ла Марамора опасался, что подобные действия могут быть истолкованы как провокация со стороны Пьемонта.

«Это движение величественное, – отмечал он, – но компрометирующее».[292] Данное суждение, продиктованное осторожностью (возможно, чрезмерной, но небезосновательной), не помешало ему, будучи военным министром, распорядиться о зачислении этих добровольцев в регулярные части.

Также Ла Марамора не препятствовал созданию отдельного добровольческого корпуса под командованием генерала Гарибальди, а напротив, содействовал его формированию и реализации этого замысла. При этом военная конвенция с Францией предусматривала, что война должна вестись исключительно регулярными войсками, без привлечения добровольческих формирований. Тем не менее политические соображения указывали на целесообразность использования добровольцев.

Осознавая эту дилемму, генерал Ла Марамора предложил компромиссное решение, позволившее согласовать политические интересы с формальными обязательствами. Он инициировал создание добровольческого корпуса, и просто включил его в состав регулярной армии.

---

[291] Cesena A. Campagne de Piémont et de Lombardie en 1859. Paris: Garnier Frères, 1860. P. 99.

[292] Massari G. Il generale Alfonso La Marmora: ricordi biografici. P. 217.

17 марта 1859 г. королевским декретом премьер-министр Кавур учредил создание *«Корпуса альпийских стрелков» (Cacciatori delle Alpi)*.[293]

Отряд состоял из 3000 чел. и был организован в три полка, каждый из которых включал по два батальона численностью около 500 чел. Первый полк возглавил Энрико Козенц, участник обороны Венецианской республики в 1849 г.; второй – Джакомо Медичи; третий – Никола Ардуино, также ветеран кампаний 1848–1849 гг. Эти пехотные части дополнялись примерно 50 разведчиками (гидами), среди которых находился сын Гарибальди – Менотти. К ним примкнули около 40 генуэзских карабинеров, рота сапёров, санитарное подразделение и батарея горной артиллерии, которая, однако, прибыла слишком поздно, чтобы принять участие в кампании.[294]

Несмотря на униформу пьемонтской армии, значительная часть добровольцев была плохо вооружена и оснащена, поскольку рассматривалась лишь как вспомогательная сила при регулярной армии. Однако итальянские добровольцы отличались решимостью и благородством: все они были готовы сражаться, чтобы победить или погибнуть.

Среди добровольцев были как молодые люди из состоятельных и знатных семей, оставившие привычный комфорт ради тягот военной жизни, так и ремесленники, покинувшие мастерские ради войны. Иными словами, это были люди самых разных возрастов и социальных слоёв, объединённые стремлением любой ценой освободить свою родину от чужеземного владычества.

При этом добровольческое движение не ограничивалось участием самих итальянцев. Отметим, что Рисорджименто носило ярко выраженный транснациональный характер, проявившийся, в частности, в участии в нём иностранных добровольцев. П.-И. Сонье приводит слова Эрика Пеку о том, что «национальная борьба в XIX в. была прежде всего международным

[293] Ceriani D. I cacciatori delle Alpi. Parte prima // Ars Historiae. 2006. Aprile–giugno. № 26. P. 27.
[294] Field R. Garibaldi: Leadership, Strategy, Conflict. Oxford: Osprey Publishing, 2011. P. 22-23.

делом».[295] Развивая этот тезис, Сонье отмечает: «Во время карлистских восстаний в Испании и Португалии с 1833 по 1876 г., а также на различных этапах итальянского Рисорджименто с 1840-х по 1860-е гг. иностранные добровольцы стекались на обе стороны из чувства дружбы и солидарности с местными единомышленниками – либералами или консерваторами и с уверенностью в том, что эти восстания и войны способствуют продвижению революционного или контрреволюционного дела во всей Европе».[296]

Сам Джузеппе Гарибальди был человеком смелым, предприимчивым и безусловно дерзким, но вместе с тем уверенным в себе и опирающимся на собственный талант. Он не придавал решающего значения ни дальности стрельбы, ни точности оружия: для него, как и для Суворова была важнее штыковая атака. Сложность и технические инновации вооружения он считал излишеством, а не преимуществом. Военное снаряжение и полевые средства рассматривал как обременение. Тщательно выверенная и педантичная стратегия, основанная на расчётах, у него уступала место решительности, скорости и непосредственным действиям. В своей деятельности он придерживался двух правил: превосходство действий над мыслями и подчинение принципов потребностям обстоятельств.[297]

Сначала альпийские егеря не имели определённого назначения, тем более что их организация не была вполне закончена.[298] Однако, когда восстание всех итальянцев становилось необходимым и неизбежным событием, равно как и задача его инициировать, организовать, распространить и направить, действуя на флангах и в тылу австрийской армии, то эта миссия не могла и не должна была быть возложена ни на кого иного, кроме Гарибальди – человека из народа, выражавшего его устремления и волю.

---

[295] Pécout E. The International Armed Volunteers: Pilgrims of a Transnational Risorgimento // Journal of Modern Italian Studies. 2009. Vol. 14. No. 4. P. 414.
[296] Saunier P.-Y. Transnational History. P. 85.
[297] Гарибальди Дж. Мемуары. С. 7.
[298] Обзор кампании 1859 года в Италии. С. 103.

Гарибальдийцы осознавал свою миссию как самостоятельную, но не изолированную: по цели она совпадала с действиями Виктора Эммануила II и Наполеона III против Австрии, однако отличалась способом реализации.

Задача альпийских охотников заключалась не в ведении регулярных операций, сражений в открытом поле или осаде крепостей, а в том, чтобы опережать союзную армию, освобождая территорию, дезорганизуя австрийские войска, пробуждая активный национальный порыв среди населения. Иными словами, они должны были разжигать восстание и вести войну в форме партизанских действий.

«К оружию! Пора покончить с рабством. Тот, кто способен взять в руки оружие и не делает этого, является предателем. Объединившись, Италия вместе со своими сыновьями, очистившись от чужеземного господства, вновь займёт то место среди народов, которое предназначено ей Провидением»[299] – писал Гарибальди в своей прокламации.

Экспедиция Гарибальди носила, таким образом, преимущественно политический, а не сугубо военный характер: она была патриотической и в целом опиралась на подъём и героизм народных масс.

Вместе с тем, Кавур явно прилагал все усилия, чтобы республиканский порыв Гарибальди не препятствовали стремлениям Виктора-Эммануила II к созданию Королевства Северной Италии, под властью Пьемонта.

Важно также отметить, что сардинская армия занимала положение младшего партнёра во франко-итальянском союзе. В связи с этим её главной задачей было избежать разгрома в первые недели войны и дождаться прибытия французских сил, способных либо нанести поражение австрийцам, либо сдержать их наступление.

[299] Della Valle G. Varese, Garibaldi ed Urban nel 1859 durante la guerra per l'indipendenza italiana: notizie storiche raccolte e compilate su documenti. Varese: Tipografia di Giuseppe Carùghi e C., 1863. P. 26.

В этот период сардинцы придерживались оборонительной стратегии: они максимально использовали ресурсы своей территории: систему крепостей, естественные преграды (прежде всего реки и искусственные затопления), а также поддержку населения, с целью затянуть развитие событий и выиграть время до вмешательства союзника, которое должно было изменить баланс сил в их пользу.

Такая стратегия могла оказаться неэффективной против более энергичного противника, однако в условиях пассивных действий австрийской армии она оказалась вполне результативной.

Прибыв в армию, Гарибальди не обнаружил для себя никаких распоряжений. После четырёх дней бездействия он отправился на юг, в ставку короля в Сан-Сальваторе, с просьбой задействовать его войска более решительно. 9 мая ему были даны королевские приказы действовать против правого фланга австрийцев в районе озера Маджоре у подножия Альп – там, где он уже ранее добивался успеха одиннадцать лет назад.

Таким образом, наступление франко-пьемонтских войск было дополнительно усилено стремительными действиями Гарибальди в Альпийском регионе. Его военное искусство основывалось на принципе опережения противника: быстрые передвижения и внезапные удары, которые дезорганизовывали неприятеля и лишали его инициативы.

Гюлай считал движение Гарибальди лишь демонстрацией, которая должна была заставить его беспокоиться за свои фланг и тыл и тем самым облегчить действия главных сил союзников на берегах По, отвлекая его внимание от этой реки на север. Он заявил, что не даст себя обмануть этим, и 25 мая выпустил прокламацию к ломбардцам, в которой призывал их к спокойствию и угрожал военным судом и всякого рода возмездием на случай непослушания.[300]

Следует подчеркнуть, что положение Гарибальди было в значительной степени критическим. Оторванный от надёжных баз снабжения

[300] Rüstow W. Der italienische Krieg 1859. S. 175.

и располагая крайне ограниченными возможностями для отхода, он находился перед выбором: либо добиться немедленного успеха, либо, в случае неудачи, отступать в горные районы с последующим уходом в Швейцарию.

Передвижения Гарибальди в районе Альп уже сами по себе отличались высокой степенью риска, поскольку данный участок территории находился под фактическим контролем австрийских сил. Наибольшую опасность представляло форсирование реки Тичино, где австрийские пароходы постоянное патрулировали акваторию.

В условиях столь высокой угрозы большинство командиров, вероятно, отказались бы от дальнейшего продвижения. Гарибальди, однако, сочетая решительность с высокой оперативной скоростью действий, а также опираясь на фактор внезапности и скрытность манёвра, сумел завершить переход через Ломбардию до того, как противник обнаружил его приближение.[301]

Захватив несколько лодок Гарибальди организовал переброску приблизительно 3200 человек в ночь с 22 на 23 мая. Целью альпийских охотников был небольшой городок Варезе.

Война за независимость Италии, начавшаяся в 1848 г. с «пяти славных дней» Милана, велась с большим мужеством народом, добровольцами со всех частей полуострова и сардинской армией под руководством короля Карла Альберта. Однако она завершилась неудачей вследствие разобщённости итальянских правителей, политических разногласий и ошибок руководства, а также недостатка опытных военных лидеров.

[301] Della Valle G. Varese, Garibaldi ed Urban nel 1859 durante la guerra per l'indipendenza italiana: notizie storiche raccolte e compilate su documenti. P. 19.

Тем не менее последним её актом стала яркая страница героизма: сражение при Моразцоне близ Варезе, где как раз проявил свою отвагу Гарибальди.[302]

Как писал Джузеппе Делла Вале: «Для одних он был «красным дьяволом», как его называли хорваты, для других – «разбойником», как именовали его австрийские офицеры, но для сторонников национального движения он стал героем свободы. Варезцы сохраняли память о его подвигах, с воодушевлением рассказывали о них, ожидали его возвращения и внимательно следили за развитием событий в соседнем Пьемонте, не упуская случая выразить ему свою поддержку».[303]

Варезе насчитывал около 8300 жителей. Город со всех сторон был окружён виллами с благоухающими садами, которые в большинстве принадлежали состоятельным жителям Милана; благодаря этому он получил название «город цветов» и располагался у подножия одного из холмов, спускающихся от южного склона горы Кампо-деи-Фьори к Ломбардской равнине.[304]

Независимо от того, насколько сильны были ненависть и презрение к чужеземному владычеству и какие надежды питались в сердцах, Варезе даже в дни угроз, страха и лишений неизменно демонстрировал готовность к сопротивлению. Проявления недовольства австрийским правлением наблюдались повсюду: в кафе, на улицах, в театре, во время официальных торжеств. Связи с соседним Пьемонтом поддерживались постоянно, активно разыскивались и читались патриотические книги и газеты, которые нередко распространялись подпольно и с большим риском. Дезертирство среди призывников в период рекрутских наборов было частым явлением.

---

[302] 26 августа 1848 г. Гарибальди с небольшим числом сторонников, после неудачной кампании Пьемонта против Австрии, отступил к Моразцоне (в четырёх милях от Варезе), где вступил в бой с превосходящими силами противника (около 6 тыс. человек с кавалерией и артиллерией), после чего сумел прорваться к Лугано, поклявшись вернуться и продолжить борьбу.

[303] Ibid. P. 27.

[304] Carrano F. I cacciatori delle Alpi comandati dal generale Garibaldi nella guerra del 1859 in Italia. Torino: Unione Tipografico-Editrice, 1860. P. 261.

Жители Варезе, которые в 1848 г. с сожалением переживали уход трёхцветного знамени, теперь первыми получили возможность вновь поднять его в 1859 году. Гарибальди рассматривался как единственный, кто имел право вновь водрузить его именно здесь, на той же земле Ломбардии, где ранее был вынужден отступить, но сумел сохранить знамя.[305]

В городе активно распространялись обнадёживающие и благоприятные известия, поддерживавшие уверенность в благополучном исходе событий и в возмездии за нарушенные права итальянцев. Это способствовало росту энтузиазма, особенно среди молодёжи, значительная часть которой стремилась вступить в армию, готовившуюся к решающему столкновению с врагами Италии. В целом общество постепенно приходило в состояние полной готовности к началу действий.

Заняв Варезе 23 мая, спустя три дня войска Гарибальди были атакованы четырёхтысячной дивизией австрийского резерва под командованием фельдмаршала Карла Урбана. Однако часть австрийской пехоты, направленная в обходной манёвр, потерялась в холмистой местности, что ослабило общее наступление. После артиллерийской подготовки австрийцы практически вытеснили гарибальдийцев, но были остановлены плотным ружейными огнем альпийских охотников, которые затем перешли в контратаку с использованием штыков. Отряды выдерживали паузу до предельной дистанции и открывали огонь только по приказу, после чего переходили к решительным действиям.[306]

По итогам сражения 26 мая Урбан был побежден и отброшен в Комо. Потери австрийцев составили 22 убитых и 62 раненых и пленных; со стороны гарибальдийцев около 10 убитых и 75 раненых и пропавших без вести. В погоне за австрийцами «Охотники Альп» маршируют на Комо, где силы Урбана готовились защищать город.

---

[305] Della Valle G. Varese, Garibaldi ed Urban nel 1859 durante la guerra per l’indipendenza italiana: notizie storiche raccolte e compilate su documenti. P. 28.
[306] Field R. Garibaldi: Leadership, Strategy, Conflict. P. 25.

Гарибальди отдал распоряжение о выдвижении в направлении Комо, рассчитывая использовать фактор внезапности. 27 мая 1859 г. отряды альпийских охотников вытеснили небольшие венгерские подразделения, а также подкрепления, подходившие со стороны Комо. Дождавшись ночи, Гарибальди приказал в условиях полной тишины продвинуться в город. Однако при входе в пригород их обнаружили местные жители, что нарушило элемент внезапности.

К этому моменту австрийские войска уже ушли из Комо, оставив значительные запасы вооружения, денежных средств и боеприпасов. Основные силы Урбана перегруппировывались в районах Монцы и Милана. В этих условиях Гарибальди не мог задерживаться в городе. Через сутки он выдвинулся к Лавено, поскольку контроль противника над этим пунктом угрожал линиям коммуникации и препятствовал переброске пьемонтских подкреплений через озеро.

30 мая была альпийскими егерями была предпринята комбинированная операция: демонстрационная фронтальная атака с целью отвлечения внимания и основной удар с северного направления. Однако противник своевременно выявил манёвр, и фронтальная атака была отбита с существенными потерями. После неудачи Гарибальди распорядился об отходе своих сил.

Сохранявшееся присутствие австрийцев в Альпах и приближение дополнительных сил создавали угрозу окружения, что вынудило охотников вернуться в Комо. Вскоре поступили сведения о победе Виктора Эммануила II при Палестро а после французские войска нанесли австрийцам тяжёлое поражение при Мадженте.

Это изменило оперативную обстановку, позволив Гарибальди возобновить активные действия. Его отряды переправились через озеро, затем двинулись на юго-восток, заняв Бергамо и Брешию, где были встречены поддержкой населения. В этот момент Кавур, обеспокоенный успехами гарибальдийцев, добился передачи управления освобождёнными

территориями пьемонтской администрации и лишил Гарибальди самостоятельного командования.

По мнению Рона Филда: «Несмотря на ограничение участия в основных операциях по инициативе Кавура, действия Гарибальди и его добровольческих формирований оказали заметное влияние на ход кампании, в частности за счёт отвлечения значительных австрийских сил (до 11 тыс. человек) в альпийском регионе».[307]

Параллельно на основном театре военных действий в Ломбардии союзное командование готовило дальнейшее наступление: 29 мая император Наполеон III направил сардинской армии распоряжение занять позиции перед Палестро.

Данный приказ преследовал конкретную цель: обеспечить переправу французских войск через Сезию в районе Верчелли и создать условия для их полного развертывания. Выдвижение сардинских частей вперёд использовалось как средство дезориентации противника, позволяя австрийскому командованию до последнего момента сохранять ошибочное представление о характере действий союзников.

Столкновение на левом берегу, завершившиеся боем при Палестро, имело существенное символическое значение. В первый день сардинские войска действовали самостоятельно, а на следующий день при ограниченной поддержки французов смогли нанести поражение австрийцам в районе Новары и тем самым взять реванш за события десятилетней давности.[308]

Особенно отличился Виктор-Эммануил II. Как писал Г. Мольтке: «Король сам руководил боем и выказал необыкновенную храбрость, составляющую отличительную черту всех принцев Кариньянских».[309]

---

[307] Ibid. P. 27.

[308] В ходе Первой войны за независимость Италии 23 марта 1849 г. произошло сражение при Новаре. Сардинская армия под командованием короля Карла Альберта потерпела поражение от австрийских войск фельдмаршала Йозефа Радецкого.

[309] Мольтке Г. Итальянская война 1859 года. С. 48.

Район боевых действий отличался высокой сложностью: долина реки Сезии была покрыта лесом и кустарником. Левобережная местность представляла собой пространство с полями, дорогами, деревьями, и многочисленными оросительными каналами, часто окружёнными плотинами, что создавало серьёзные препятствия для пехоты. Движение кавалерии и артиллерии было возможно лишь по дорогам.

В пределах этого сложного ландшафта выделялись отдельные возвышенности, на одной из них располагалось Палестро, находившееся на дороге из Верчелли в Роббио. Сама деревня не представляла собой прочного оборонительного пункта, плато было доступно для движения войск, обзор с него ограничивался преимущественно северо-восточным направлением.

В целом местность в большей степени благоприятствовала обороне, чем наступлению. Река Сезия обычно отличалась малой глубиной, однако в условиях повышенного уровня воды при организации переправы возникли значительные трудности. Временный мост, установленный на сваях, отличался низкой прочностью, что впоследствии подтвердилось его разрушением.

Король Сардинии, не располагая временем для ожидания, принял решение начать переправу до завершения второго моста. В течение нескольких часов пьемонтские войска осуществляли переход, используя единственный ненадёжный мост при этом переправа продолжалась всю ночь и утро.

Палестро должен был выполнить функцию опорного пункта для союзной армии. Несмотря на внезапность атаки, эти силы сумели отразить первоначальный удар сардинской армии, направленный против наиболее уязвимого участка позиции.

Особенности местности, ограничивавшие возможность развертывания крупных соединений, препятствовали пьемонтцам реализовать своё численное превосходство. Однако после нескольких часов упорных боёв,

австрийские части были вытеснены, и деревня перешла под контроль союзников.

Впоследствии к австрийцам прибыли подкрепления, однако предпринятые армией Франца-Иосифа попытки вернуть Палестро оказались безуспешными. Первая атака была неудачна; также кончилась и вторая, направленная на кладбище; наконец, после двухчасовых тщетных усилий Дондорф должен был отступить; сардинцы немедленно воспользовались этим для перехода в наступление и оттеснили австрийцев до канала Сан-Пьетро.[310]

В сложившейся обстановке сардинский генерал Чиальдини получил возможность задействовать основные силы. Проведённая им решительная атака вынудила австрийцев отступить к Роббио.

Во второй день сражения при Палестро Виктор Эммануил II, находясь непосредственно в зоне боевых действий, лично возглавил атаку французских зуавов на австрийские позиции. Впечатлённые участием монарха в бою, зуавы в шутливо-почётной форме даже «произвели» сардинского короля в капралы своего полка.[311]

В своей работе Бартберг также приводит показательный разговор между раненым пьемонтским унтер-офицером, попавшим в австрийский плен после битвы при Палестро, и начальником штаба бригады Цобеля. «Вы принадлежите к дивизии Чиальдини, ведь она вчера взяла Палестро? – Да, мы его взяли. – Но ведь вам при этом помогали? – Нам никто не помогал. – Сегодня ведь вам помогают? – Нет, никто нам не помогает. – Как же так? На вашем правом фланге ведь сражаются французы! – Их мало. – Тогда вы действительно храбрые люди», – резюмировал австрийский офицер.[312]

---

[310] Обзор кампании 1859 года в Италии. С. 99.

[311] Вот как эту историю описывает Шнайд: «Король Виктор Эммануил, возглавил французский полк, 3-й зуавский, переправился через канал к западу от Палестро и атаковал австрийцев с фланга. (Schneid F. The Second War of Italian Unification 1859–61. P. 46)

[312] Bartberg E. Der Krieg im Jahre 1859: Nach offiziellen Quellen nicht offiziell bearbeitet. Bamberg. S. 76.

В следующем крупном столкновении 4 июня при Мадженте союзное командование вновь отвело сардинским войскам вспомогательную роль. Движение сардинцев сопровождалось выдвижением кавалерийских частей, выполнявших функции разведки и прикрытия. Лишь на заключительном этапе сражения, когда исход боя уже складывался в пользу союзников, отдельные подразделения сардинской армии были вовлечены в боевые действия непосредственно в районе Мадженты. Так, пьемонтские части (9 батальон берсальеров) подключилсь только в финальной стадии, уже после решающего перелома.[313]

Одержав победу при Мадженте Наполеон III и Виктор Эммануил II вступили в Милан 8 июня, что способствовало подъёму революционных движений в Тоскане, Парме и Модене. Подобное развитие событий Кавур предвидел ещё осенью 1858 г. С целью удержания этих выступлений в умеренных рамках корпус принца Жерома Наполеона (5 корпус) высадился в Ливорно 23–25 мая и спустя неделю вошёл во Флоренцию. Вскоре после занятия Милана одна из его дивизий была направлена в Парму, а другая через Апеннины в Модену.[314]

В сражении при Сольферино 24 июня 1859 г. сардинская армия составляла левое крыло союзной армии и вела самостоятельные боевые действия против австрийских войск на участке Сан-Мартино, который фактически образовал отдельное поле боя.

С самого начала столкновения сардинские части были введены в бой на пересечённой местности, где борьба за господствующие высоты носила затяжной и крайне напряжённый характер. Утром их передовые подразделения вступили в соприкосновение с противником и, развивая наступление, отбросили австрийцев.

Однако достигнутый успех не был окончательным. Австрийские части неоднократно переходили в контратаки, вследствие чего контроль над

[313] Kunz H. Von Montebello bis Solferino. S. 65.
[314] Schneid F. The Second War of Italian Unification 1859–61. 2012. P. 51

высотами переходил из рук в руки: завязалась ожесточенная битва пока австрийцы в третий раз не захватили высоты Сан-Мартино.

Несмотря на это, сардинские войска вновь предпринимали наступательные действия, что свидетельствует о высокой интенсивности и непрерывности боевых усилий на данном участке.

По мере развития боя сардинское командование вводило в действие новые силы и стремилось расширить фронт атаки. Тем не менее даже при наращивании сил и повторных атаках добиться решающего результата не удавалось.

Лишь во второй половине дня, в условиях общего ослабления австрийских сил и их постепенного отхода, положение изменилось. После того как противник начал оставлять позиции, сардинские части смогли развить наступление. При этом даже на завершающем этапе бои носили упорный характер, и продвижение сардинцев происходило постепенно, в условиях продолжающегося сопротивления арьергардов.

Несмотря на численное превосходство (около 25 тыс. пьемонтцев против 20 тыс. австрийцев), сардинские войска в течение дня не сумели эффективно использовать это преимущество. Их атаки носили разрозненный характер: одна бригада за другой предпринимала безуспешные фронтальные наступления на позиции противника на склонах Сан-Мартино, уже к тому времени покрытых следами ожесточённых боёв.[315]

Как писал Г. Мольтке: «Убыль сардинцев была весьма велика; они дрались чрезвычайно храбро; причину же безуспешности их действий следует отнести к раздроблению их сил».[316]

Критическая оценка действий пьемонтской армии содержится и в «Обзоре кампании 1859 года в Италии»: «Итак, действуя двумя совершенно отдельными колоннами и эшелонируя войска на больших дистанциях, пьемонтцы, несмотря на мужество, бесплодно истощили все свои силы в

[315] Brooks. R. Solferino 1859: The Battle for Italy’s Freedom. P. 64.
[316] Мольтке Г. Итальянская война 1859 года. С. 149.

частных и последовательных атаках. Эта разброска, лишившая короля возможности воспользоваться достаточно крупными массами для получения осязательных результатов, неблагоприятным образом отразились на действиях пьемонтцев в течение всего сражения».[317]

Таким образом, можно констатировать, что сардинская армия в кампании 1859 г. не играла решающей роли, а выступала как политический инструмент национального объединения: недостатки в численности и подготовке, она компенсировала высокой мотивацией, национальной однородностью и способностью к ведению боевых действий в союзе с Францией. Именно синтез регулярной армии, добровольческого движения и народной поддержки позволил Пьемонту превратиться в ядро зарождавшегося единого итальянского государства.

[317] Обзор кампании 1859 года в Италии. С. 198.

Глава III. ИТОГИ КАМПАНИИ

3.1 Франция: победа и стратегический просчет

«Столь быстрый и блестящий успех Итальянской кампании внушил Франции справедливую гордость. Эта славная война вновь оживила престиж её военной мощи и показала Европе, что французская армия по-прежнему сохраняет вместе с традициями чести своё превосходство в военном деле»[318] – писал Виктор Полен.

Однако французам для продвижения вперед требовалось пробить оборонительную систему Австрийской империи в Ломбардо-Венецианском регионе Италии и захватить четверку крепостей, известную как «Квадрилатеро» (от итал. Quadrilatero – «четырёхугольник»): Пескьеру, Мантую, Леньяно и Верону. Наполеон III решил предоставить войскам отдых перед тем, как вступить в район «четырёхугольника». Это требовало предварительного накопления продовольствия, однако все местные транспортные средства были реквизированы австрийцами, а французский обоз использовался преимущественно для перевозки раненых. Император намеревался двигаться непосредственно на Верону, но не считал возможным предпринимать столь важное наступление, не овладев предварительно Пескьерой, которая перекрывала кратчайшее сообщение и железную дорогу между Миланом и Вероной, а также угрожала операционной линии и путям отступления союзной армии.

Отказ от преследования австрийцев после победы при Сольферино во многом было обусловлено и нехваткой снабжения. По мнению Альфреда Дюке: «Именно в тот же вечер следовало обрушиться на австрийцев, собрать пленных, захватить орудия и обозы: плоды сражений необходимо пожинать

[318] Paulin V. Guerre d'Italie en 1859: tableau historique, politique et militaire. Paris: Librairie de L'Illustration, 1859. P. 134.

без промедления»[319]. Этот довод можно принять во внимание, однако следует учесть, что победа при Сольферино не носила столь решающего характера, чтобы обеспечить возможность моментального наступления.

27 июня было принято решение начать осаду Пескьеры, армия должна была занять позиции на левом берегу Минчо, обеспечивая блокаду крепости. Проведение более масштабных операций откладывалось до её падения. Осадные операции союзников незамедлительно начались против Пескьеры – северной крепости «Четырёхугольника». Сардинцы завершили её блокаду к 1 июля, в то время как французы переправились через Минчо южнее. Инженерные офицеры обследовали укрепления Пескьеры. Нарезные осадные орудия были доставлены по железной дороге из Франции, а канонерские лодки были собраны на озере Гарда.

Более масштабная операция готовилась при участии флота на другом участке театра войны: против Венеции, в тылу австрийской армии. Однако морская подготовка шла медленно: переход от мирного состояния к военному оказался для флота более затруднительным, чем для сухопутных сил. Показательно, что французская эскадра под командованием вице-адмирала Ромэна-Дефоссе появилась в Адриатике лишь в начале июня. В её составе находились 6 линейных кораблей, 2 винтовых фрегата, 2 корвета и 3 транспорта: всего 685 орудий. Часть сил (2 корабля и 2 фрегата) под началом контр-адмирала де ла Гравьера была задействована в блокаде Венеции.

Вот что пишут об этой операции авторы «Обзора кампании 1859 года в Италии»: «1 июля особая «осадная эскадра», из 21 канонерки и 3 плавучих броненосных батарей, контр-адмирала Буё-Вильоме, бросила якорь у острова Лоссини против Анконы. Из войск, вызванных из Алжира, император Наполеон приказал сформировать десантный корпус под общим начальством генерала Вимпфена. К действиям против Венеции решено было приступить безотлагательно».[320]

[319] Duquet A. La guerre d'Italie (1859). P. 207.
[320] Обзор кампании 1859 года в Италии. С. 218.

Однако именно в этот момент ключевую роль сыграли политические соображения, возникшие в ставке. Наполеона III серьёзно беспокоило усиление Пруссии: Берлин последовательно наращивал мобилизацию и готовил переброску войск на Рейн, где в короткие сроки могла быть сосредоточена армия численностью до 250 тыс. человек при поддержке других немецких сил. В этих условиях Франция рисковала оказаться перед необходимостью вести войну одновременно на двух направлениях, и император начал оценивать, оправдают ли затраты, достигнутые им результаты.

Несмотря на провозглашённый принцип независимости Италии «от Альп до Адриатики», Наполеон III не стремился обострять общеевропейскую ситуацию ради престижных целей, тем более что прямые интересы Франции здесь затрагивались ограниченно. Он исходил из того, что уже превысил свои обязательства перед союзником, тогда как сардинская сторона выражала недовольство масштабом оказанной помощи. Виктор Эммануил, в свою очередь, пытался избавиться от жёсткого контроля французской главной квартиры и активно поддерживал курс на объединение Италии, тогда как французский император склонялся к более умеренному варианту, а именно созданию союза итальянских государств.

Дополнительным аргументом в пользу прекращения кампании служили и военные факторы: значительные потери французской армии, и необходимость срочного усиления войск за счёт подкреплений из метрополии. Объясняя миротворческие мотивы Наполеона III, герцог Альмазн также пишет: «Военное ремесло казалось ему суровым; бойня внушала ужас; жара была невыносимой; воздух был заражён трупными миазмами. Поэтому император желал скорее заключить мир, уехать и дышать под сенью деревьев Сен-Клу».[321]

Положение было серьёзным, трудно предсказуемым и ещё более трудным для разрешения. Однако французский император решил обратиться

[321] Duc d Almazan. La guerre d'Italie: campagne de 1859. P. 313

к молодому государю, правившему Австрией с предложением о мире. 6 июля, генерала Флёри, адъютанта и первого конюшего императора, вызвали к Наполеону. Генерал немедленно явился к императору, который сообщил ему, что направляет его в Верону с целью передать собственноручное письмо императору Австрии. Его Величество объяснил, что поручает ему эту миссию как своему послу, возлагая на него свои надежды, и изложил содержание письма, а также цель, которую он стремился достичь.

Выбор, сделанный императором для выполнения этой деликатной миссии, пал на одного из его самых давних и преданных слуг и свидетельствовал о полном доверии как к высокому уму, так и к просвещённой преданности генерала. Вот как миссию генерала Флёри описывает Базанкур: «Если император Франц Иосиф проявил бы колебания, генералу поручалось по возможности содействовать принятию этого предложения о прекращении боевых действий – первого шага к миру, которого желала вся Европа».[322]

Он должен был также уведомить австрийского императора, что французский флот получил приказ атаковать внешние оборонительные укрепления Венеции, и что этот приказ будет немедленно приведён в исполнение, если, вопреки ожиданиям, Франц Иосиф отвергнет предложение о перемирии.

Франц Иосиф принял Флёри без промедления. Ознакомившись с неожиданным письмом Наполеона III, он продемонстрировал явное удивление его содержанием. Вместе с тем в его реакции прослеживалось и воздействие тех мотивов умеренности и гуманности, которые лежали в основе инициативы французского императора.

Флёри, уловив это, акцентировал внимание на потенциально благоприятных последствиях временного прекращения боевых действий, особенно в условиях начавшихся дипломатических контактов между великими державами. Он также передал позицию Наполеона III,

[322] Bazancourt. C. La campagne d'Italie de 1859. P. 332.

выражавшую стремление к завершению войны, даже несмотря на достигнутые военные успехи, учитывая чрезмерную цену, которой они сопровождались.

Вместе с тем, передвижения австрийских корпусов вызвали у Наполеона III опасения возможного наступления противника. В ответ он принял решение развернуть войска на выгодных оборонительных позициях, одновременно с этим, направляя письмо Францу Иосифу, император демонстрировал готовность к двум сценариям: либо к энергичному продолжению военных действий в случае отказа, либо к заключению мира при принятии его предложения.

Однако демонстрация была излишня. 7 июля, когда французская армия трогалась с места для занятия ей позиций, генерал Флёри вернулся из Вероны и привез согласие императора австрийского. На другой день в Виллафранке было подписано перемирие».[323]

Предполагалось, что боевые действия возобновятся 15 августа, если к этому сроку не будет заключено предварительное мирное соглашение. Стремясь ускорить урегулирование, Наполеон III инициировал личную встречу с Францем Иосифом, на что тот дал согласие. Монархи встретились 11 июля в Виллафранке. Как пишет А. В. Бабина, «переговоры проходили в формате „один на один“, поскольку как Наполеон III, так и Франц Иосиф превосходно владели французским и немецким языками. Они заняли около часа».[324]

В результате было достигнуто соглашение, согласно которому Ломбардия (за исключением крепостей Пескьеры и Мантуи) переходила к Франции с последующей передачей Сардинии. Предполагалось также создание итальянского союза под формальным председательством папы, в состав которого должна была войти и Венецианская область, остававшаяся под властью Австрии. Тосканский и Моденский герцоги получали

[323] Обзор кампании 1859 года в Италии. С. 221.
[324] Бабина А. В. Наполеон III: Триумф и трагедия. С. 580.

возможность вернуться в свои владения при условии выражения соответствующей воли населением, причём реставрация должна была осуществляться без внешнего вмешательства.

Достигнутые договорённости были закреплены Виллафранкским соглашением, подписанным 12 июля. По этому поводу Наполеон заявил следующее: «Европа в целом была так несправедлива ко мне в начале войны, что я был счастлив заключить мир, как только честь и интересы Франции были удовлетворены, и доказать, что мои намерения не включали в себя потрясение Европы и развязывание всеобщей войны. Я надеюсь, что сегодня все причины разногласий исчезнут и мир будет долгим».[325]

Через месяц представители заинтересованных держав собрались в Цюрихе для оформления окончательного мирного договора на основе ранее согласованных принципов.

Позиция Наполеона III оставалась двойственной. С одной стороны, он был связан обязательствами, принятыми в Виллафранке, и опасался реакции Пруссии и России на возможное нарушение принципа легитимизма; кроме того, он стремился избежать втягивания Франции в новый военный конфликт. С другой стороны, он не мог позволить себе выглядеть в глазах итальянцев препятствием на пути к национальному объединению, что ставило его в сложное и противоречивое положение.

Ситуация для Франции приобретала риск утраты политического престижа: фактический отказ от поддержки итальянского дела означал бы обесценивание достигнутых в ходе кампании результатов, полученных ценой значительных усилий. Дополнительным осложняющим фактором выступала позиция Великобритании. Изначально Лондон относился к итальянскому вопросу настороженно, опасаясь усиления Франции, однако после Виллафранки, на фоне разочарования итальянцев в политике Наполеона III, британский кабинет занял более благожелательную позицию по отношению к Пьемонту. Он выступил против восстановления прежнего порядка силой и

[325] Histoire de la guerre d'Italie documents et rapports officiels. P. 250.

выразил несогласие с проектом итальянской конфедерации при участии Австрии, рассматривая его как ограничение независимости Италии. Тем самым Великобритания стремилась перехватить политическое влияние, которое Франция рисковала утратить.[326]

Политическая линия Наполеона III оказалась уязвимой. С одной стороны, он осознавал необходимость учитывать общественное мнение: как итальянское, так и французское и допускал более широкое толкование предварительных соглашений. С другой стороны, его возможности давления на Австрию были ограничены, поскольку Вена, осознавая своё положение, занимала жёсткую позицию. В результате французский император был вынужден балансировать между обязательствами и политической целесообразностью.

При этом Наполеон III последовательно придерживался формального соблюдения заключённых договорённостей, одновременно пытаясь косвенно содействовать итальянским стремлениям. Он не мог прибегнуть к силовым мерам против союзника, не подорвав собственные обязательства и не рискуя втянуть Францию в новый конфликт. В этой связи его политика сводилась к использованию дипломатического давления и морального влияния, при отказе от прямого военного вмешательства. Уже в Виллафранке он обозначил этот подход, стремясь ограничить применение силы и закрепить принцип невмешательства, допуская поддержку итальянского движения преимущественно непрямыми средствами.

На переговорах в Цюрихе французская позиция существенно расходилась с австрийской. Париж стремился скорректировать концепцию конфедерации, ограничив роль Австрии в итальянских делах. В частности, предполагалось, что Венеция, несмотря на формальную принадлежность к Австрии, должна получить автономный статус и участвовать в конфедерации как отдельный субъект. Аналогичным образом Франция настаивала на том,

[326] Valsecchi F., Boyer F. La paix de Zurich (1859) // Revue d’histoire moderne et contemporaine. 1960. T. 7. № 2 (avril–juin). P. 113.

чтобы восстановление герцогских династий осуществлялось по согласованию между великими державами или в рамках общеевропейского форума, но не под контролем Австрии. Тем самым Париж стремился не допустить превращения конфедерации в инструмент австрийского влияния.

Разногласия возникали и по вопросам церковной политики. На начальном этапе обсуждения реформ в Папской области стороны допускали возможность компромисса в виде административных преобразований. Однако по мере развития дискуссии, в том числе под влиянием идей, изложенных Наполеоном III в работе «Папа и Конгресс»,[327] противоречия усилились, и перспективы согласования позиций стали менее определёнными. В данном политическом памфлете высказывалась мысль о том, что «Духовная власть, местопребыванием которой является Рим, не может ослабеть, не поколебав политическую власть не только в католических государствах, но и во всех христианских странах. Важно для Англии, для России и для Пруссии, равно как для Франции и Австрии, чтобы этот высокий представитель единства католицизма не был ни стеснён, ни унижен, ни подчинён».[328]

Кроме того, Наполеон III стремился заключить мир, чтобы избежать революционного развития событий, и тем самым дистанцироваться от радикальных элементов европейской политики. При этом сама идея возможного сближения с Австрией не выглядела для него неприемлемой, тем более что международная обстановка оставалась нестабильной: Великобритания занимала настороженную позицию, Россия проявляла сдержанность, а Пруссия недоверие. В этих условиях союз с Австрией рассматривался как потенциальный инструмент перераспределения сил.

---

[327] «Le Pape et le Congrès» (Папа и Конгресс) – это анонимная политическая брошюра, опубликованная 22 декабря 1859 и традиционно связываема с именем Наполеона III. Брошюра выражала следующую идею: папа должен остаться в Риме, но Папское государство в прежнем виде существовать не должно. (См.: Pantalacci J.-P. Les relations entre Napoléon III et le pape Pie IX: les palinodies et les ambiguïtés d’une diplomatie à la dimension européenne.)

[328] Le Pape et le Congrès. Paris: E. Dentu; Firmin Didot Frères, Fils et Cie, 1859. P. 8.

Одновременно с ограничением власти Франца Иосифа в Италии, французский император выдвигал альтернативные идеи урегулирования, включая возможность компенсаций для Австрии за пределами Италии, в частности за счёт расширения её позиций на Востоке или в Дунайских княжествах.

Однако подобные проекты не получили развития. Австрия не проявляла готовности отказаться от своих позиций в Италии в обмен на неопределённые перспективы, а реализация «восточного варианта» означала бы осложнение международной ситуации. В результате Наполеон вернулся к идее общеевропейского конгресса как последнего средства урегулирования. По мере нарастания противоречий между державами этот вариант приобретал всё большую актуальность, отражая стремление перевести решение итальянского вопроса в рамки коллективной дипломатии.

Наполеон III активно продвигал этот вариант, рассматривая конгресс как средство выхода из сложившегося тупика. Французский император видел в созыве конгресса возможность переложить ответственность за окончательное решение итальянской проблемы на коллективные механизмы европейской политики, одновременно освобождая себя от ограничений, наложенных виллафранкскими предварительными условиями. В рамках такого форума австрийская позиция рисковала оказаться изолированной, особенно с учётом вероятной поддержки Франции со стороны Великобритании.[329]

Меморандум от 4 октября стал основой для окончательного мирного договора, заключённого в Цюрихе 10 ноября. В нём закреплялись ключевые принципы: создание итальянской конфедерации, участие в ней Венеции и восстановление прежних династий. Согласно положениям договора, императоры Австрии и Франции обязывались содействовать формированию союза итальянских государств. Венеция, оставаясь под властью австрийского монарха, должна была войти в конфедерацию как один из её участников.

[329] Valsecchi F., Boyer F. La paix de Zurich (1859). P. 119.

Изменение территориального устройства независимых итальянских государств допускалось лишь с согласия держав, признавших их существование; права правителей Тосканы, Модены и Пармы сохранялись. Кроме того, стороны брали на себя обязательство рекомендовать папе проведение необходимых реформ.

Передача Савойи и графства Ниццы Франции была юридически оформлена Туринским договором 1860 года, заключённым 24 марта между Наполеоном III и Виктором Эммануилом II. Легитимация этого процесса осуществлялась путем проведения референдумов.

Сам договор фиксировал согласие сардинской стороны на передачу Савойи и Ниццы Франции с полным отказом династии Савойского дома от суверенных прав на эти территории.

При этом в статье 1 договора ключевым условием прямо оговаривалось отсутствие принуждения и необходимость установить действительное волеизъявление населения, что должно было быть реализовано посредством специальных процедур опроса или голосования.[330]

Одновременно договор закреплял ряд сопутствующих механизмов: уточнение границ с учётом стратегических и географических факторов, урегулирование финансовых и административных последствий (включая распределение государственного долга и обязательств), гарантии прав местных чиновников и военных при переходе под французскую юрисдикцию, а также предоставление жителям права выбора гражданства с возможностью переселения и сохранения собственности.

Стоит отметить, что скорость, с которой был решён савойский вопрос, представляется поразительной. Наполеон III официально объявил о намерении аннексировать западный склон Альп 1 марта 1860 г. в обращении к законодательному корпусу; уже на следующий день это заявление получило распространение в прессе. 24 марта было заключено соглашение

[330] См.: Traité de Turin. URL: https://fr.wikisource.org/wiki/Trait%C3%A9_de_Turin_(1860) (Дата обращения 26.05.2026).

между Францией и Пьемонтом, 22–23 апреля в Савойе состоялся плебисцит, а 14 июня Франция установила контроль над территорией.

В период с декабря 1859 г. по январь 1860 г. правительство направляло в Савойю тайных представителей с целью выяснить отношение местного населения к возможному присоединению к Франции. По их наблюдениям, сардинский режим пользовался низкой популярностью, прежде всего среди церковных кругов, но также и среди части населения. В этих условиях перспектива вхождения в состав Франции, воспринимаемой как сильное и благополучное государство, рассматривалась как привлекательная альтернатива.

Одной из причин такого отношения была антиклерикальная политика Кавура: принятые им законы против религиозных орденов обострили конфликт с Католической церковью. На этом фоне Наполеон III, выступавший как защитник Папы, воспринимался более благожелательно.[331]

Плебисцит в Савойе состоялся 22–23 апреля 1860 г. и стал первой процедурой голосования на основе всеобщего избирательного права в регионе. Избирателям предлагалось ответить на вопрос о присоединении Савойи к Франции.

Формально голосование проходило без значительных внешних нарушений, однако его организация не соответствовала критериям свободного и конкурентного волеизъявления. Задача заключалась не в выявлении мнения населения, а в демонстрации массовой поддержки политики Наполеона III. Административный контроль над процедурой был сосредоточен в руках тех же структур, которые обеспечивали её пропагандистское сопровождение, что исключало независимый исход. Дополнительное влияние оказывали церковные практики, включая публичные молитвы за императора, что усиливало давление на избирателей.

[331] Mégevand C. 150ème anniversaire de l’Annexion de la Savoie à la France. // L’Écho de Montailloux. Bulletin spécial. Mai 2010. P. 3.

Официальные итоги, обнародованные 29 апреля 1860 г., зафиксировали подавляющее большинство голосов в пользу присоединения при минимальном числе голосов «против» и низком уровне воздержавшихся. При 135 449 зарегистрированных избирателей; 130 533 голоса «за», 235 «против», 71 недействительный бюллетень и 4 610 воздержавшихся.[332]

Результаты плебисцита продемонстрировали почти полное доминирование утвердительного ответа. Объяснение столь низкой доли голосов «против» строится по нескольким направлениям. Указываются возможные локальные нарушения и давление, особенно в сельских коммунах, однако большинство свидетельств современников описывает голосование как внешне спокойное, а масштаб разрыва между «за» и «против» ограничивает влияние подобных факторов на итоговый результат.

Апелляция к историческому опыту, прежде всего периоду 1792–1815 гг., когда Савойя входила в состав Франции, использовалась для легитимации притязаний. Франция включила Савойю в свой состав в ходе кампаний 1792–1794 гг., преобразовав её в департамент Монблан. Однако после падения наполеоновской системы в 1814 г. в провинции не наблюдалось стремления сохранить французскую принадлежность: рассматривались варианты либо присоединения к Швейцарии, либо восстановления связей с Пьемонтом. В итоге после завершения периода «Ста дней» Савойя была возвращена Пьемонту.

Наполеон III всё же стремился обосновать соответствие аннексии принципу национальностей и одновременно укрепить международный престиж Франции. В этом контексте подчёркивались устойчивые исторические связи между Францией и Савойей.

Так, утверждалось, что Савойя близка к Франции по языку и обычаям, однако это в равной степени можно отнести и к другим франкоязычным

[332] Bern J.-B. Le plébiscite d’avril 1860, expression de la volonté populaire ou «votation truquée»? Quelques indications tirées du Fonds Dupasquier. Communication présentée à l’Académie des Sciences, Belles-Lettres et Arts de Savoie. 2021. P. 8.

регионам Европы, например, к франкоязычной Швейцарии, валлонской части Бельгии или Нормандским островам. Население Савойи говорило на южнофранцузском диалекте, а французский язык служил языком образованных слоёв и письменного общения. Итальянское влияние здесь было незначительно: южнофранцузская речь распространилась даже через Альпы в Пьемонт, до верховьев рек Дора-Рипария и Дора-Бальтея. Однако до войны почти не наблюдалось каких-либо настроений в пользу присоединения Савойи к Франции. Подобные идеи встречались лишь у отдельных людей в Нижней Савойе, связанных торговыми отношениями с Францией, но для большинства населения они оставались чуждыми так же, как и в других франкоязычных приграничных районах.

Как прозорливо подмечал Фридрих Энгельс: «Вообще характерно, что из стран, которые с 1792 по 1812 г. были под властью Франции, ни одна не испытывает ни малейшего желания вернуться под крылья французского орла».[333]

Несмотря на языковую и культурную близость, а также естественную границу в виде Альп, население Савойи не проявляло заметного стремления к вхождению в состав Франции. Сохранялось историческое представление о том, что именно Савойя стала ядром государства, расширившегося затем за счёт Пьемонта и других территорий. Действительно, вокруг Нижней Савойи сформировалось государство, которое впоследствии распространило свою власть на Пьемонт, Монферрато, Ниццу, Ломеллину, Сардинию и Геную. Хотя династия перенесла резиденцию в Турин и постепенно приобрела итальянский характер, Савойя продолжала восприниматься как исходный центр этого политического образования, а савойский крест сохранял значение символа Северной Италии.

Что касается Графства Ниццы, то оно располагалось у подножия Приморских Альп и характеризовалось языковой неоднородностью: на

[333] Энгельс Ф. Савойя, Ницца и Рейн. URL: https://lugovoy-k.narod.ru/marx/13/78.htm (дата обращения 26.05.2026).

западе преобладали провансальские диалекты, на востоке итальянские, при этом литературным языком в регионе в целом оставался итальянский, за исключением самой Ниццы, где ему конкурировал французский вследствие миграционного притока.

В Альпах границы между романскими диалектами были размыты, особенно между пьемонтским и провансальским, что не позволяет использовать язык как надёжный критерий для определения национальной принадлежности.

Следовательно, попытки обосновать «французский характер» Ниццы через распространение провансальских диалектов некорректны: подобные говоры существовали и вне Франции. Кроме того, источники указывают на слабую поддержку присоединения к Франции среди местного населения.

Как сообщал Фридрих Энгельс: «Завоевать симпатии к Франции в графстве Ницце, кажется, еще труднее, чем в Савойе. О деревне вовсе ничего не слышно; в городе все попытки терпят еще более решительный провал, чем в Шамбери, хотя в этом морском курорте гораздо легче собрать группу бонапартистов. Действительно, ничего себе идея – сделать уроженца Ниццы, Гарибальди, французом!».[334]

Таким образом, ситуация в Ницце отличалась от Савойи наличием ещё более заметной оппозиции аннексии. В этих условиях плебисцит приобретал особое политическое значение. Хотя общий исход в пользу присоединения считался вероятным, ключевым становился вопрос масштаба поддержки. Слишком слабое большинство могло поставить под сомнение легитимность аннексии, что делало необходимой активную мобилизацию общественного мнения и избирателей.

При этом плебисцит рассматривался не только как средство внешней легитимации, но и как инструмент воздействия на само население: необходимо было представить аннексию как соответствующую его интересам и новым политическим ожиданиям. Фактически задача

[334] Там же.

заключалась в том, чтобы, позволив формально свободное выражение мнения, обеспечить желаемый результат голосования и тем самым придать уже принятому решению законный характер постфактум.

Накануне плебисцита активно действовали аннексионистские комитеты, опиравшиеся на местные элиты и духовенство. Их задачей была мобилизация избирателей, сопровождение их к участкам и обеспечение массового участия в голосовании.

Официальные результаты показали крайне высокий уровень поддержки аннексии. Из 125 711 жителей в списки было внесено 30 706 человек (24,43 %), из которых проголосовали 25 933 (явка 84,44 %). За присоединение высказались 25 743 избирателя (99,27 % голосов), против 160 (0,62 %), недействительных бюллетеней 30 (0,12 %). При этом уровень абсентеизма[335] оставался заметным: 4 779 человек (15,56 % зарегистрированных) не приняли участия в голосовании.[336]

Итоги плебисцита в целом были благоприятны для сторонников аннексии: высокая явка и подавляющее большинство голосов «за» позволяли утверждать, что значительная часть населения поддержала смену суверенитета. Это в свою очередь создавало основу для использования результатов голосования в качестве инструмента легитимизации договора.

В то же время противники аннексии указывали на многочисленные нарушения в ходе голосования, включая давление и административное вмешательство.

За аннексией последовали праздничные мероприятия. В Ницце с весны 1860 года торжества сменяли друг друга с устойчивым ритмом. Первое прошло 1 апреля по случаю прибытия двух первых батальонов императорской армии, затем 29 апреля прошли торжества, посвящённые приведению Национальной гвардии Ниццы к присяге императору. После

[335] Под абсентеизмом понимается осознанное неучастия избирателей в выборах.
[336] Ortolani M. La visite de Napoléon III à Nice, une consécration symbolique de l’annexion // Nice Historique. 2010. № 486. P. 210.

официального перехода округа под французскую юрисдикцию 14 июня, официальное празднование аннексии состоялось в воскресенье 17 числа в атмосфере патриотического энтузиазма и народного веселья.

Ключевое место занимало празднование 15 августа – дня Святого Наполеона, установленного в 1852 г. в качестве национального праздника. До введения республиканского 14 июля эта дата рассматривалась как попытка создания массового, светского и одновременно общенационального торжества.

Финальную точку в торжествах поставил визит Наполеона III в Ниццу 12 и 13 сентября 1860 г. Невозможно установить, в какой мере массовое воодушевление, сопровождавшее визит, действительно отражало полное принятие режима и Франции жителями Ниццы. Как отмечает Марк Ортолани: «Следует различать участие и подлинное согласие, поскольку первое не может служить прямым индикатором общественного мнения. Массовая явка могла быть обусловлена административным давлением, страхом неучастия, ожиданием государственных благ, стремлением к развлечению или простым любопытством; степень влияния этих факторов не поддаётся точной оценке».[337] Следовательно, народное ликование не формирует легитимность, а скорее подтверждает уже существующую власть, символически закрепляя её через организованное выражение энтузиазма.

Анализируя процесс аннексии Савойи и Ниццы в целом, Лука Леонардуцци пишет: «Страны приходят к очевидному выводу, что Европа меняется. Италия и Пруссия также руководствуются национальными логиками при создании своего нового государства и, следовательно, понимают аннексию. Кроме того, событие достаточно значительное, чтобы о нём много говорили, но о нём говорят слишком короткий промежуток времени, чтобы считать его действительно важным событием в европейской

[337] Ibid. P. 189.

политике XIX века, так как державы и зарубежная пресса очень быстро переключаются на другие проблемы».[338]

Таким образом, политика Наполеона III в итальянском вопросе принесла Франции заметные, но краткосрочные территориальные выгоды. В стратегическом отношении её результаты оказались более противоречивыми. Отказ от доведения кампании до полного разгрома Австрии и стремление ограничить процесс объединения Италии рамками конфедеративной модели привели к постепенному охлаждению франко-итальянских отношений. Как писал Тарле: «Откровенно своекорыстные мотивы, которые заставили Наполеона в 1859 г. выступить в пользу Сардинского королевства, были уже достаточно ясно разоблачены обстоятельствами и условиями внезапного Виллафранкского перемирия. Теперь, в 1860–1862 гг., недоверие и затаенная вражда к Наполеону стали господствующими чувствами и правительства и народных масс Италии».[339] В этих условиях Пьемонт всё более ориентировался на самостоятельный курс и в конечном итоге вступил в союз с Пруссией, участие в войне 1866 г. позволило Италии получить Венецию. В дальнейшем объединение Германии и начало франко-прусской войны привели к выводу французского гарнизона из Рима и создали условия для завершения объединения Италии в 1870 г. Рост национализма первоначально предоставил Наполеону III эффективный инструмент давления на Австрийскую империю. Однако национальные силы постепенно перестали поддаваться французскому политическому управлению: процесс объединения Италии и последующее усиление Пруссии привели к изменению баланса сил в Европе и в конечном счёте поспособствовали падению режима Второй империи.

[338] Leonarduzzi L. 1860: l’annexion de la Savoie à la France, concrétisation de la politique des nationalités et refonte du système d’équilibre européen, vu par la presse française et britannique // Sciences de l’Homme et Société. 2021. P. 48.
[339] Потёмкин В. П. История дипломатии. Т. 1. С. 477.

3.2 Австрия: поражение и кризис империи

Каждый корпус австрийской армии потерпел поражение в битве при Сольферино, к которой её командование сознательно стремилось, намереваясь добиться решающего исхода. Тяжёлые потери, понесённые войсками, а также упадок морального духа, который после повторяющихся неудачных сражений почти всегда имеет место, вынудили армию Франца Иосифа оставить без сопротивления линию Минчо и отвести армию за Адидже, на более защищённую позицию у крепости Верона.[340] В ночь с 27 на 28 июня австрийцы отступили, оставив гарнизоны в Мантуе и Пескьере.

Как писал Г. Мольтке: «в Мантуе нельзя было сомневаться; она неприступна по случаю окружающих её озёр и искусственных наводнений. На Пескьеру Австрийцы рассчитывали несравненно меньше; низменное положение этой крепости представляло большие невыгоды, и в 1849 году её уже начали окружать отдельными укреплениями, построенными на ближайших возвышенностях; но далеко не все командующие высоты были укреплены; на восточной стороне работы также остались неоконченными».[341]

Гораздо критичнее о состоянии «Четырехугольника» высказывается Бартберг. По его словам, упорная оборона была невозможна. Так, например, сила Мантуи заключалась в малярийных болотах, в прежние времена они не давали возможности подобраться слишком близко вражеской артиллерии и в значительной степени прикрывали крепость от обстрела. Новые нарезные орудия французского осадного парка нивелировали это преимущество из-за существенно возросшей дальности стрельбы. Отсутствие казематов также усложняло оборону. Укрепления Вероны были небольшими, плохо расположенными и еще хуже оборудованными. Пескьера была окружена множеством мелких, слабых и неудачно расположенных сооружений.

[340] Précis de la campagne de 1859 en Italie. Bruxelles: Librairie militaire C. Muquardt, Th. Falk, 1887. P. 239.
[341] Мольтке Г. Итальянская война 1859 года. С. 155.

Критика последней крепости весьма красноречива: «Леньяно – жалкое гнездо».[342]

В этой связи необходимо учитывать усилившуюся мощь французской артиллерии, а также неблагоприятное состояние самих крепостей к моменту описываемых событий. Если в ходе кампании 1848 г. укрепления смогли выполнить оборонительную функцию и остановили продвижение сардинских войск, то в кампании 1859 г. подобный результат уже был практически невозможен.[343]

Когда Наполеон III принял решение обратиться напрямую к австрийскому императору и в собственноручном письме, переданном в Верону 6 июля через генерала Флёри, предложил заключить перемирие, то Франц Иосиф был склонен принять это предложение. Дело в том, что усиление германских государств, вызывавшее серьёзные опасения у Франции, одновременно становилось источником тревоги и для Австрии.

Пруссия стремилась присоединить свои силы к объединённым германским контингентам для войны против Франции, а глава прусского правительства, принц-регент, выражал готовность возглавить армию, сосредоточенную на Рейне. Однако окончательное решение затруднялось разногласиями по ключевому вопросу: согласно «Заключительному акту» Венского конгресса, верховное командование войсками Германского союза определялось сеймом и сопровождалось принесением присяги на верность. Пруссия же добивалась назначения без участия сейма, рассчитывая тем самым утвердить своё доминирующее положение в Германии и даже надеялась на добровольное признание этого первенства со стороны Австрии. Генералу Виллисену было поручено вести переговоры с венским кабинетом по данному вопросу.

---

[342] Bartberg E. Der Krieg im Jahre 1859: Nach offiziellen Quellen nicht offiziell bearbeitet. Bamberg. S. 201.

[343] См.: Крехов С.С. Крепости «Квадрилатеро» в Итальянской кампании 1859 г. // Aetates. Itninera. Imagines. = Эпохи. Путешествия. Образы. Ярославль, 2024. С. 85-88.

Австрия, однако, не могла согласиться на подобные условия, несмотря на сложность своего положения: это означало бы фактический отказ от ведущей роли, которую она удерживала с 1815 г., и признание утраты своих прав в рамках Германского союза.

Как добавляет А.В. Бабина «экономическое состояние Австрийской империи было тяжелым. Текущая война неподъемным бременем ложилась на плечи населения. Продолжение войны грозило сделать ее затяжной со всеми вытекавшими последствиями».[344]

В «Обзоре кампании 1859 года в Италии» также отмечалось, что «выгоднее было заключить мир с Францией, хотя бы ценою потери одной провинции, и не одолжаясь никому, закончить войну, истощавшую финансы и средства государства».[345]

Заключив перемирие в Виллафранке Вена стремилась исключить участие Пьемонта в цюрихских переговорах и вести диалог непосредственно с Францией, избегая присутствия стороны, выражавшей национальные притязания Италии. Это означало бы фактическое принятие решений двумя великими державами с последующим формальным присоединением Пьемонта к достигнутым договорённостям. Наполеону удалось добиться от Австрии согласия на участие сардинских представителей, по крайней мере в обсуждениях вопросов, непосредственно затрагивавших их интересы. Позиция Пьемонта при этом оставалась ограниченной: Сардиния не могла претендовать на большее, чем закрепление уже достигнутых результатов и удержание занятых позиций.

Сама передача Ломбардии сопровождалась значительными трудностями, прежде всего в части определения границ: положения перемирия заключенного в Виллафранке носили общий характер, что открывало пространство для маневра. Не менее острыми оказались финансовые вопросы: Австрия, ослабленная войной, стремилась

[344] Бабина А. В. Наполеон III: Триумф и трагедия. С. 579.
[345] Обзор кампании 1859 года в Италии. С. 220.

компенсировать потери за счёт наиболее экономически развитых территорий. Переговоры проходили напряжённо, сопровождались спорами и периодическими кризисами, лишь спустя несколько месяцев удалось достичь соглашения.

Также ключевым оставался вопрос взаимоотношений между Францией и Австрией, от которого зависело общее решение итальянской проблемы. Австрийская дипломатия, стремилась использовать виллафранкские договорённости как основу для нормализации отношений с Францией и формирования устойчивого сотрудничества, а возможно и долгосрочного союза. Это было обусловлено изменением внешнеполитической ситуации: ослаблением связей Австрии с Пруссией на фоне соперничества за лидерство в Германии, охлаждением отношений с Россией после Крымской войны и дистанцированием Великобритании. В этих условиях сближение с Францией рассматривалось Веной как средство выхода из дипломатической изоляции и стабилизации своего положения, тогда как для Наполеона III оно означало бы корректировку прежнего курса и отход от поддержки революционных преобразований в Италии в пользу политики сохранения существующего порядка.[346]

Австрийская дипломатия, в ходе переговоров в Цюрихе, делала ставку на идею союза. Однако и французская сторона преследовала сходные цели, рассматривая возможность подобного сближения прежде всего как средство укрепления собственных позиций. При этом внешняя готовность к компромиссу не сопровождалась реальными уступками: французские представители действовали строго в рамках заранее определённых инструкций, что затрудняло продвижение переговоров.

В ходе обсуждения Наполеон выразил готовность поддержать идею соглашения между двумя монархами, которое могло бы стать основой долговременного союза и определить его политические ориентиры. В отношении итальянского вопроса он допускал возможность принятия

[346] Valsecchi F., Boyer F. La paix de Zurich (1859). P. 115.

австрийского проекта конфедерации, при условии предоставления Венеции широкой автономии.

В целом, пакт должен был предусматривать конфедерацию государств и единую армию по образцу швейцарской системы, председательство в конфедерации, возложенное на Папу Римского, участие Австрии в качестве обладателя суверенитета над Венецией, защиту прав государств Тоскана, Модена и Парма, а также подтверждение прерогатив Церкви над Романьской легацией: Болоньей, Феррарой, Равенной и Форли.

Статья 18 договора гласила: «Его Величество император французов и Его Величество император Австрии обязуются всеми силами способствовать созданию Конфедерации между Итальянскими Государствами, которая будет находиться под почётным председательством Святого Отца, и целью которой будет сохранение независимости и неприкосновенности конфедеративных государств, обеспечение осуществления их моральных и материальных интересов и гарантия внутренней и внешней безопасности Италии посредством существования федеральной армии».[347]

К инициативе по созыву общеевропейского конгресса в Вене также отнеслись настороженно, опасаясь давления со стороны Наполеона III. Однако по мере развития переговоров стало очевидно, что отказ от участия в конгрессе лишь усугубит положение, тогда как Франция не демонстрировала готовности к двустороннему компромиссу. В этих условиях Австрия был вынуждена согласиться на обсуждение идеи конгресса, стремясь при этом минимизировать возможные риски и добиться предварительного согласования позиций с Парижем.[348]

В качестве условия Австрия настаивала на заключении предварительного соглашения с Францией, которое позволило бы определить рамки совместных действий до начала конгресса. Наполеон,

---

[347] См.: Traité de Zurich, 10 novembre 1859. URL: https://documentsdedroitinternational.fr/1859-10-novembre-traite-de-zurich/ (дата обращения 26.05.2026).

[348] Valsecchi F., Boyer F. La paix de Zurich (1859). P. 119.

заинтересованный в переносе итальянского вопроса в общеевропейский контекст, согласился с таким подходом. В результате к концу сентября было достигнуто принципиальное согласие между двумя державами относительно координации их позиций.

К началу октября стороны закрепили это согласие в меморандуме, определявшем основные направления их политики на предстоящем конгрессе. В числе ключевых положений фигурировало создание итальянской конфедерации. Венеция, оставаясь под полным суверенитетом Австрии, должна была войти в конфедерацию на правах автономного участника, располагая собственными провинциальными институтами и представителями в центральных органах. Одновременно на Австрию возлагалась обязанность предоставления воинского контингента в распоряжение союзных сил.

Можно сказать, что основные положения виллафранкских соглашений формально были подтверждены, а именно: восстановление династий, конфедеративное устройство и участие Венеции не подвергались пересмотру. Однако на практике эти положения не были реализованы. Позиции Вены не только не усилились, но в ряде аспектов даже ослабли. Итоговые формулировки носили неопределённый характер, ограничиваясь декларациями о поддержке конфедерации и рекомендациями папе, без чётких механизмов реализации. Даже вопрос реставрации династий не получил окончательного решения.

Предполагалось, что выходом из сложившейся ситуации станет созыв общеевропейского конгресса. Австрия стремилась обеспечить свои позиции, добившись от Наполеона III обязательств о совместных действия. Однако эффективность этой линии напрямую зависела от степени реального сотрудничества с Францией, которое оставалось под вопросом.

Необходимо отметить идеи конфедерации и реставрации династий оставались декларациями, если не обеспечивались реальными механизмами реализации. Единственным действенным инструментом в таком контексте

оставалась сила, однако Наполеон III избегал каких-либо обязательств, допускавших её применение. Попытки австрийской дипломатии добиться чётких гарантий не дали результата: французская сторона последовательно уклонялась от конкретизации. В результате венские расчёты на сотрудничество с Парижем постепенно утратили своё основание.

В начале 1860 г. французская дипломатия официально уведомила европейские кабинеты в отказе от созыва конгресса. Тем самым австрийская стратегия лишилась последнего инструмента влияния, а цюрихские соглашения фактически утратили значение. Параллельно происходили события в Центральной Италии: вместо восстановления прежних династий последовали аннексии в пользу Пьемонта. В условиях провозглашённого принципа невмешательства Франции и Великобритании Австрия оказалась неспособной противодействовать этим процессам.

Итогом стала дезинтеграция всей дипломатической конструкции, выстроенной в Виллафранке и Цюрихе. Речь шла не только о неудаче австрийской политики, но и о крахе дипломатического решения итальянского вопроса в целом. Попытка урегулирования, основанная на балансе интересов великих держав, игнорировала динамику национального движения и потому оказалась несостоятельной. Италия в этих условиях выступала не субъектом, а объектом переговоров между Францией и Австрией, что и предопределило всю неэффективность достигнутых соглашений.

Как верно подметил А.С. Медяков: «Австро-франко-пьемонтская война нанесла едва ли не больший удар по Венской системе, чем Крымская за три года до нее. Если Крымская война способствовала разрушению „европейского концерта“, но никак не затрагивала правовую основу Венской системы, поскольку происходила в регионе, исключенном из венского урегулирования 1815 г., то ситуация в Италии прямо регламентировалась трактатами 1815 г. и европейским международным правом».[349]

[349] Медяков А. С. История международных отношений в Новое время. С. 308.

Потеря Ломбардии в 1859 г. не стала для Австрийской империи окончательным поражением, однако обозначила начало её системного кризиса. Уже в ходе Австро-прусской войны 1866 г. монархия Габсбургов вновь потерпела поражение, уступила Венецию и была вынуждена отказаться от ведущей роли в немецкоязычном пространстве. Ликвидация Германского союза и последующее усиление Пруссии означали завершение многолетнего австрийского доминирования. Характеризуя положение Австрии, М. И. Драгомиров отмечал: «Изнурительная лихорадка начинает бить организм, и он может быть спасён только весьма серьёзными ампутациями».[350]

3.3 Сардиния: между триумфом и разочарованием

Перемирие в Виллафранке между Францем Иосифом и Наполеоном III было заключено без какого-либо участия Виктора-Эммануила II. Как позже отметил Карл Маркс: «Возникновение итальянской нации сопровождается изощренным оскорблением, наносимым ей соглашением, которое во всеуслышание объявляет, что Италия не является стороной в войне против Австрии и потому не имеет голоса при заключении мира с Австрией».[351] Сардинский король отнесся с крайним неудовлетворением к условиям мира, не оправдавшим его надежд; тем не менее он не отказался от Ломбардии как советовал министр граф Кавур, и подписал договор, вследствие чего Кавур счел нужным выйти в отставку.[352]

Предварительные условия мира, подписанные в Виллафранке 11 июля 1859 г., завершили войну между Австрией, Францией и Сардинией, закрепив компромиссное урегулирование. Ломбардия передавалась сардинскому королю; одновременно предполагалось формирование крупного государственного образования в Северной Италии, при сохранении прежних

[350] Драгомиров М. И. Обзор итальянской кампании 1859 года. № 6. С. 505.
[351] Маркс К. Виллафранкский договор. URL: https://lugovoy-k.narod.ru/marx/13/55.htm (дата обращения 26.05.2026).
[352] Обзор кампании 1859 года в Италии. С. 221.

династий и восстановлении статус-кво в центральных областях полуострова. В качестве общей конструкции предлагалась итальянская конфедерация, призванная частично удовлетворить национальные притязания, однако при сохранении решающего влияния Австрии через её положение в Венеции.

Достигнутые договорённости отражали баланс дипломатических интересов. Австрия, уступая часть территорий, сохраняла свои позиции на большей части Италии; Франция, ограничивая процесс объединения рамками Ломбардии, сдерживала развитие национального движения и его стремление к полной независимости от внешнего покровительства.

Однако завершение войны не привело к стабилизации ситуации, а, напротив, спровоцировало новый подъём революционной активности. В Тоскане было свергнуто лотарингское правление, в Парме и Модене устранены прежние правители, Болонья и Романья выступили против папской власти. Население этих регионов ориентировалось на Пьемонт и выступало за присоединение к нему. Тем самым положения Виллафранкских соглашений вступали в прямое противоречие с реальной динамикой национального движения: дипломатическое решение и национальные устремления оказались несовместимыми.

С самого начала Пьемонт занял позицию чёткого несогласия с условиями урегулирования. Виктор Эммануил, подписывая предварительные соглашения, специально оговорил, что принимает их лишь в той мере, в какой они затрагивают его непосредственно, то есть в вопросе передачи Ломбардии. В остальном, касаясь общего плана переустройства Италии, он фактически сохранял свободу действий. Внешняя политика Пьемонта ориентировалась на представление и защиту национальных интересов на европейской арене. Уже в сентябре 1859 г., когда делегации из Центральной Италии обратились с просьбой об аннексии, Виктор Эммануил заявил, что, не имея возможности формально удовлетворить эти требования по дипломатическим причинам, он, тем не менее, признаёт их и готов поддерживать их всеми доступными средствами.

Предварительные мирные договоренности, заключенные между императором Наполеоном III и императором Францем Иосифом, были подписаны обоими государями, а также королем Сардинии с защитной и спасительной формулой: «J'accepte pour ce qui me concerne» (принимаю лишь в той части, которая касается меня),[353] которую сам Наполеон III и предложил, предполагала ограничение его участия переговорами по вопросам передачи Ломбардии. Турин избегал вовлечения в обсуждение общего переустройства Италии, не желая брать на себя обязательства по решениям, в выработке которых он не участвовал. В результате было принято решение структурировать мирное урегулирование в форме трёх соглашений: два из них заключались между великими державами и Пьемонтом и касались исключительно передачи Ломбардии и её условий; третий между Австрией и Францией охватывал более широкий комплекс вопросов, связанных с политическим устройством Италии.

После заключения мира в Виллафранке Джузеппе Гарибальди подал в отставку из пьемонтской армии, расценив, подобно Кавуру, действия Наполеона III как предательство итальянского дела. Однако уже к маю 1860 г. Гарибальди сумел сформировать отряд численностью 1089 чел. для восстания в Палермо.

Следует отметить, что в историографии нередко упрощается как происхождение, так и ход Сицилийской экспедиции, равно как и позиция Кавура по отношению к планам Гарибальди. На деле Кавур не выступал против экспедиции и фактически оказывал ей скрытую поддержку. Известна цитата в порыве гнева брошенная им после Виллафранки: «Они перекрыли мне путь к созданию Италии посредством дипломатии с севера; что ж, я сделаю это с юга, с помощью революции!».[354] Основное опасения Кавура заключалось в том, что прямая связь между Пьемонтом-Сардинией и деятельностью Гарибальди может быть воспринята европейскими державами

[353] Massari G. Il Generale Alfonso La Marmora: ricordi biografici. P. 239.
[354] Abba G. C. Storia dei Mille. Firenze: Bemporad & Figlio, 1926. P. 5.

как официальный акт войны, что спровоцирует их вмешательство с целью подорвать как саму экспедицию, так и позиции Пьемонта в борьбе за лидерство в Италии.[355]

Накануне экспедиции Гарибальди выпустил прокламацию: «Итальянцы! Сицилийцы сражаются против врагов Италии и за Италию. Помогать им деньгами, оружием и, особенно, людьми – это долг каждого итальянца. Главной причиной несчастий Италии было разобщение и равнодушие одной провинции к судьбе другой. Спасение Италии начинается с того дня, когда сыны одной земли поспешат на помощь своим братьям в беде».[356]

При этом Гарибальди сохранял свою лояльность Виктору Эммануилу II и заявил, что его целью является завоевание Сицилии в интересах короля. В то же время Кавур предпринимал активные усилия по дистанцированию от действий Гарибальди в официальной политики Пьемонта.

К моменту начала экспедиции сведения о действиях Гарибальди достигли Неаполя. Гарнизон на Сицилии насчитывал около 21 тыс. человек, распределённых между Сиракузами и Мессиной, однако по мере развертывания экспедиции его численность была увеличена до 40 тыс. человек. Неаполитанскому флоту было предписано перехватить гарибальдийские суда.

Гарибальди, тем не менее, применил отвлекающий манёвр: первоначально он направился к центральной Италии, высадившись в Тоскане, после чего скорректировал маршрут и взял курс на Сицилию. Конечной целью оставался Палермо, однако прямого наступления он избегал.

Неаполитанские корабли обнаружили пароходы Гарибальди, однако ему удалось уклониться от преследования. Высадка произошла 11 мая в

[355] Schneid F. The Second War of Italian Unification 1859–61. P. 59.
[356] Forbes C. S. The Campaign of Garibaldi in the Two Sicilies: A Personal Narrative. Edinburgh; London: William Blackwood and Sons, 1861. P. 16.

Марсале, несмотря на обстрел со стороны противника. В ходе высадки и последующих боёв за Палермо существенную роль сыграло вмешательство британского флота. Значительная популярность Гарибальди в Англии трансформировалась в фактическую поддержку со стороны британских морских сил, которые стремились ограничить действия неаполитанского флота и тем самым способствовали успеху экспедиции.

Силы экспедиции были структурированы в восемь рот, включая элитное подразделение генуэзских карабинеров и несколько артиллерийских орудий. Значительная часть «Тысячи» обладала базовым военным опытом: многие ранее служили в корпусе альпийских охотников, тогда как остальные представляли широкий спектр гражданских профессий: от врачей и юристов до торговцев и студентов. Региональный состав участников также был весьма разнообразен, охватывая практически все области Италии, при заметном преобладании выходцев из Ломбардии, Венеции и Пьемонта.[357]

Сражение при Кальятафими 15 мая 1860 г. стало первым из двух ключевых столкновений, от исхода которого зависела судьба Сицилии. В случае поражения Гарибальди он рисковал утратить поддержку местного населения и революционных сил, что поставило бы под угрозу дальнейшее развитие всей кампании.

Битва началось около 13:30 Гарибальди был вынужден прибегнуть к фронтальному наступлению вверх по склону. Он приказал передовым подразделениям не открывать огонь, а максимально быстро сократить дистанцию и перейти к штыковой атаке, понимая, что занимаемая противником позиция благоприятствует обороне, и любое промедление лишь давало его противнику преимущества.

Используя укрытия и продвигаясь вперёд в промежутках между залпами противника, его подразделения постепенно сокращали дистанцию. Затем, стремясь переломить ход боя, Гарибальди повёл войска в решительное наступление. Сражение продолжалось около трёх часов, после чего

[357] Schneid F. The Second War of Italian Unification 1859–61. P. 61.

неаполитанцы начали испытывать нехватку боеприпасов и были вынуждены отступить. Потери сторон были сопоставимы: около 180 чел. убитыми и ранеными как у Гарибальди, так и у неаполитанцев.

Успех при Кальтафими придал Гарибальди уверенность и позволил ему уже 17 мая возобновить наступление на Палермо. К моменту штурма города через район Порто-Термини 27 мая силы Гарибальди насчитывали около 3300 человек, из которых 750 составляли участники первоначальной «Тысячи». Гарибальдийцы сумели прорваться в Палермо и спровоцировать широкое народное восстание. В свою очередь неаполитанцы располагали значительными подкреплениями: в городе находилось около 21 тыс. солдат, а в гавани эскадра военных кораблей.

В уличном пространстве были возведены баррикады, и в течение двух суток продолжались ожесточённые бои между неаполитанскими войсками и повстанцами. Неаполитанский флот осуществлял обстрел отдельных районов города, стремясь подавить очаги сопротивления.

Ситуация складывалась таким образом, что операция Гарибальди могла завершиться неудачей: к 30 мая его силы испытывали острую нехватку боеприпасов. Однако критическое положение было изменено вмешательством английского адмирала Манди. Его эскадра находилась у Палермо и, наблюдая за ходом боевых действий, выступила с инициативой посредничества между сторонами с целью прекращения боёв.

По этому поводу Гарибальди опубликовал следующее воззвание: «Сицилийцы! – Противник предложил нам перемирие, и в такой великодушной войне, какую ведём мы, я счёл разумным не отвергать его. Погребение павших, забота о раненых – словом, всё то, чего требуют законы человечности, – всегда служило честью и славой итальянского солдата. Более того, раненые неаполитанцы также являются нашими братьями, хотя ныне они выступают против нас с жестокой враждебностью и пребывают во тьме политического заблуждения; однако недолго им оставаться в этом состоянии,

ибо свет национального знамени побудит их пополнить ряды итальянской армии».[358]

Переговоры завершились заключением перемирия. Впоследствии король Франциск II санкционировал вывод войск: 7 июля неаполитанский гарнизон покинул Палермо и был эвакуирован морем в Неаполь. Без вмешательства британской эскадры исход кампании для Гарибальди мог оказаться совсем иным.

Падение Палермо стало вторым ключевым этапом сицилийской кампании. Захват главного торгово-административного центра острова обеспечил Гарибальди стратегическое преимущество и закрепил успех восстания. В день ухода неаполитанцев, Гарибальди сформировал правительство и провозгласил себя диктатором Сицилии.

Получив подкрепления, а также оружие и боеприпасы, Гарибальди преобразовал свою «Тысячу» в Южную армию. Сосредоточив войска в крупных укреплённых центрах, король Неаполя Франциск II оставил значительную часть острова под контролем Гарибальди. Это позволило новому «диктатору» расширять своё влияние, устанавливать власть на местах и привлекать всё новых добровольцев. По мере продвижения гарибальдийских колонн к ним присоединялись жители острова, а в течение июля на Сицилию продолжали прибывать подкрепления, увеличившие численность регулярных сил более чем до 17 тыс. человек.

После падения Палермо успех Гарибальди на Сицилии стал практически неизбежным, однако исход кампании на материке оставался неопределённым. Несмотря на то, что Кавур тайно поддерживал экспедицию, он с настороженностью относился к фигуре Гарибальди. Сам Гарибальди, в свою очередь, негативно воспринимал попытки Кавура контролировать его деятельность. При этом наибольшие опасения у Кавура и Виктора

[358] Forbes C. S. The Campaign of Garibaldi in the Two Sicilies: A Personal Narrative. P. 58.

Эммануила II вызывали намерения «сицилийского диктатора» продолжить свой поход после Неаполя и двинуться на Рим.[359]

В период временного ухода Кавура из политики после Виллафранкского перемирия и до его возвращения к власти 20 января 1860 г. отношения Пьемонта с папством продолжали ухудшаться. Намерения Гарибальди двинуться на Рим в августе 1860 г. фактически создали повод для вторжения пьемонтской армии в Папскую область в сентябре 1860 г.

В августе гарибальдийцы высадились на материке и начали наступление на Неаполь. Одновременно с этим пьемонтские войска вторглись в Папскую область, под предлогом сохранения общественного порядка. Французский император, по-видимому, принял данное объяснение, полагая, что Кавур использует ситуацию с Гарибальди как средство давления на французскую католическую общественность. При этом ни Кавур, ни Наполеон III не действовали полностью искренне: каждый из них стремился манипулировать действиями другого в собственных политических интересах.

6 сентября король Франциск II покинул Неаполь. Неспособность неаполитанского флота предотвратить высадку гарибальдийцев лишь усилила кризис режима. Гарибальди и его войска вошли в Неаполь, после чего начали формирование местных вооружённых сил для дальнейшего наступления на север. 11 сентября пьемонтская армия также пересекла границу Папской области, что ознаменовало начало заключительного этапа Второй войны за объединение Италии. Для современников как в самой Италии, так и в Европе, подобное совпадение действий выглядело как результат согласованной политики между Пьемонтом и Гарибальди.

Папские войска демонстрировали высокую преданность защите территорий Пия IX, однако существенно уступали противнику численно. Гарнизоны в Пезаро и Читта-ди-Кастелло оказали упорное сопротивление, но пьемонтская артиллерия быстро разрушила средневековые ворота и стены укреплений. Лишь немногие города Папской области обладали

[359] Schneid F. The Second War of Italian Unification 1859–61. P. 65.

полноценными фортификациями XIX в., поэтому оборона вскоре была сломлена, а моральное состояние войск резко ухудшилось. Офицеры оказались вынуждены просить о капитуляции после того, как под угрозой оказались Перуджа и Анкона.

Сражение при Кастельфидардо 18 сентября стало крупнейшим столкновением между пьемонтскими и папскими силами в 1860 г., закончившееся победой сардинцев. К третьей неделе сентября папская армия фактически прекратила своё существование. 18 сентября также началась осада Анконы – порта, имевшего ключевое значение на Адриатике. Адмирал Персано, командовавший пьемонтской эскадрой, начал бомбардировку города. Флот доставил осадную артиллерию, что позволило быстро развернуть полноценные средства для ведения осады. Совместные действия флота и сухопутных войск оказались исключительно эффективными и позволили ускорить ход осады.

Анкона сдалась 29 сентября, её падение ознаменовало завершение кампании в Папской области. Пьемонтская армия заняла большую часть Умбрии и Марке. Спустя два дня Гарибальди с трудом нанёс поражение неаполитанской армии в сражении на Вольтурно. Под контролем Пия IX фактически оставались лишь Рим и его окрестности, тогда как территории, составлявшие Папскую область более тысячи лет, вскоре вошли в состав нового Итальянского королевства.

Таким образом, дипломатический компромисс 1859 г., закреплённый Виллафранкскими и Цюрихскими соглашениями, лишь временно замедлил процесс объединения Италии, но не остановил его. Несмотря на попытки Франции и Австрии ограничить процесс итальянского объединения путем создания итальянской конфедерации под формальным главенством папы, дальнейшее развитие событий наглядно продемонстрировало нежизнеспособность данной конструкции.

Уже в 1860 г. экспедиция Гарибальди привела к падению власти Бурбонов на юге Италии, а в 1861 г. было провозглашено единое

Королевство Италия под властью Савойской династии. Завершение процесса Рисорджименто последовало в 1866 г. с присоединением Венеции и взятием Рима в 1870 г. Итоги образования единого Итальянского государства были весьма значительными. Как отмечал Медяков: «Прежде всего на европейской политической сцене появился новый персонаж, который к тому же был признан шестой великой державой, хотя и уступал по мощи всем остальным».[360]

Таким образом, одним из важнейших результатов Рисорджименто стало постепенное превращение Италии из объекта политики великих держав в самостоятельный субъект международных отношений. Ещё в середине XIX в. политическая раздробленность не только препятствовала формированию единого государства, но и превращала Апеннинский полуостров в пространство соперничества европейских держав. Подобное положение находило отражение и в политической карикатуре, где Италия систематически изображалась в пассивной роли (см. Приложение Ё). Как отмечает итальянский историк Фульвио Конти, важнейшую роль в формировании национального сознания играли мотивы страдания и жертвы, тема «мученичества», призванная сакрализовать нацию и стимулировать патриотическое движение.[361]

Так, на карикатуре американского журнала «Еженедельник Харпера» Италия преподносилась в виде женщины, за которую сражались Наполеон III и австрийский император Франц Иосиф. В свою очередь, на рисунке британского журнала «Удар» «Птицы одного пера» Италия была представлена в образе беззащитного ягнёнка, подвергавшегося нападению австрийского двуглавого орла, тогда как Россия и Франция выступали в роли его предполагаемых защитников. Даже сардинский король Виктор Эммануил II изображался в виде воинствующего карлика рядом с Наполеоном III,

[360] Медяков А. С. История международных отношений в Новое время. С. 307.
[361] Conti F. The Religion of the Homeland: The Cult of «Martyrs of Freedom» in Nineteenth-century Italy // Geschichte und Gesellschaft. 2014. Vol. 40, No. 3. P. 399.

который обращался к нему со словами: «Браво, мой маленький друг! Ты будешь сражаться, а славу мы разделим».

Характерно, что даже результаты войны 1859 г. первоначально не изменили подобного восприятия. На карикатуре «Свободная Италия (?)» страна вновь изображена в виде женщины, скованной и фактически лишённой возможности самостоятельно распоряжаться своей судьбой. Наполеон III надевает на неё огромную корону, закрывающую ей глаза, тогда как Венеция остаётся под властью Франца Иосифа.

Продолжение Рисорджименто привело к изменению не только политического положения Италии, но и её символического образа. На смену скованной и зависимой женщине постепенно возвращался традиционный образ Италии «Увенчанной башнями» (Italia Turrita), олицетворявший объединённую, сильную и суверенную страну. Николетта Бадзано автор монографии Женщина Италия: История аллегории от античности до наших дней прямо пишет что в «XIX веке, во время периода Рисорджименто и на короткое время, женщина Италия стала иконой новорожденной итальянской нации, чтобы затем раствориться в ослепительном калейдоскопе символических образов массовой культуры и постепенно поблекнуть почти до полного исчезновения».[362]

Таким образом, произошедшая в годы Рисорджименто трансформация символического образа страны отражала изменение её положения на международной арене: Италия постепенно переставала быть объектом политики великих держав и становилась самостоятельным субъектом международных отношений.

[362] Bazzano N. Donna Italia. Storia di un’allegoria dall’antichità ai giorni nostri. Costabissara (Vicenza): Angelo Colla Editore, 2011. P. 7-8.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итальянская кампания 1859 г. стала одним из ключевых военно-политических конфликтов Европы середины XIX в., значение которого не ограничивается рамками Рисорджименто или франко-австро-сардинского противостояния. Проведённое исследование позволяет рассматривать данную войну как важный этап в международной политике, оказавший существенное влияние на вторую половину XIX в. В результате проделанной работы автор диссертации пришёл к следующим выводам.

1. Итальянская война 1859 г. способствовала дальнейшему разрушению политических принципов, на которых основывался европейский порядок, сформированный после Венского конгресса 1814–1815 гг.

Венская система международных отношений исходила из необходимости сохранения европейского равновесия, принципа династической легитимности и согласованного противодействия революционным движениям. Одной из важнейших задач держав-победительниц после Наполеоновских войн являлось предотвращение таких политических изменений, которые могли бы радикально изменить территориальное устройство Европы. Поэтому в первой половине XIX в. национальные движения во многом воспринимались европейскими монархиями не как самостоятельный и легитимный фактор международных отношений, а как источник постоянной нестабильности.

Однако уже революции 1848–1849 гг. показали, что сохранение прежнего порядка становится всё более трудновыполнимой задачей. Несмотря на поражение большинства революций, сами национальные устремления к независимости и объединению никуда не исчезли. Это особенно отчётливо проявлялось на Апеннинском полуострове, где австрийское присутствие в Ломбардии и Венеции, а также общая раздробленность полуострова вступали во всё более очевидное противоречие с распространявшейся идеей Рисорджименто.

Крымская война 1853–1856 гг. стала следующим важным этапом ослабления механизмов Венской системы. Европейский концерт, основанный в том числе на опыте совместного противодействия революциям, оказался подорван. Австрийская империя, занявшая в период Крымской войны позицию, вызвавшую резкое ухудшение отношений с Российской империей, оказалась после 1856 г. значительно более изолированной, чем в предшествующие десятилетия. Россия уже не желала вновь выступить гарантом сохранения австрийских позиций, как это произошло в ходе подавления Венгерского восстания 1849 г. Одновременно Франция после Парижского конгресса укрепила своё положение среди великих держав и получила возможность более активно ставить вопрос о пересмотре отдельных элементов европейского порядка.

Таким образом, международная обстановка второй половины 1850-х гг. существенно отличалась от ситуации 1815 или даже 1848–1849 гг. Система монархической солидарности ослабла, а противоречия между великими державами только усилились.

Особую роль в произошедших изменениях сыграла внешняя политика Наполеона III. В ней сочетались, на первый взгляд, противоречивые элементы. С одной стороны, французский император являлся главой авторитарного режима, возникшего в результате государственного переворота и опиравшегося на идеи бонапартизма. С другой стороны, важной частью его политической программы являлось представление о необходимости преобразования европейского порядка с учётом интересов отдельных наций.

Наполеоновский принцип национальностей не представлял собой последовательно реализуемую доктрину национального самоопределения. Французский император не исходил из безусловного права каждого народа самостоятельно определять государственные границы и создавать собственное государство. Наполеон III скорее сочетал принцип национальностей с традиционной политикой баланса сил и одновременно

рассматривал его как средство укрепления международного влияния Второй империи.

Специфика наполеоновской политики заключалась в поддержке отдельных национальных движений, помощь которым играла на руку именно Франции. При этом французский император не был заинтересован в полном разрушении европейского статус-кво. Принцип национальностей использовался им аккуратно и в значительной степени как инструмент для достижения личных целей.

Ослабление австрийских позиций на Апеннинском полуострове соответствовало интересам Франции, поскольку Австрийская империя являлась одним из основных государств, заинтересованных в сохранении территориального порядка 1815 г. Одновременно вмешательство в итальянские дела могло быть представлено не как традиционная французская экспансия, а как содействие освобождению народа от иностранного ига.

Существенную роль сыграли переговоры Наполеона III и Кавура в июле 1858 г. Достигнутые договорённости в Пломбьере предусматривали французскую военную помощь Пьемонту в случае войны с Австрией. При этом необходимым условием являлось такое развитие конфликта, при котором именно Австрия должна была выступить непосредственным инициатором военных действий. Это позволяло представить будущую войну как ответ на австрийскую агрессию, а не как заранее спланированное нападение Франции и Сардинии.

Национальная риторика и геополитический расчёт существовали не независимо друг от друга, а составляли элементы единой стратегии. Наполеон III получал возможность одновременно нанести удар по австрийскому влиянию, повысить авторитет Франции среди сторонников национальных движений и сохранить образ державы, выступающей с благими побуждениями.

В свою очередь, Кавур использовал французскую поддержку для решения основной внешнеполитической задачи Сардинского королевства –

вытеснения Австрии из Северной Италии и укрепления Пьемонта как политического центра итальянского национального движения. Таким образом, союз Франции и Сардинии основывался на совпадении интересов, однако конечные цели двух государств не были идентичными.

Наполеон III поддерживал освобождение значительной части Северной Италии от австрийского господства, но одновременно стремился сохранить политическую раздробленность полуострова в форме итальянской конфедерации. В соответствии с подобным проектом Сардинское королевство должно было существенно усилиться, однако единого итальянского государство в его планах не существовало. Предполагалось, что Пьемонт будет оставаться под французским контролем.

Война 1859 г. продемонстрировала иллюзорность подобного подхода. После предъявления Австрией Сардинскому королевству ультиматума и начала боевых действий конфликт приобрёл ту форму, которая была наиболее выгодна французско-сардинской дипломатии. Франция получила основание представить своё вмешательство как помощь союзнику, подвергшемуся нападению, а войну как борьбу за освобождение Италии.

Военные поражения австрийской армии при Мадженте и Сольферино нанесли серьёзный удар не только по позициям Австрии в Северной Италии, но и по её престижу как одной из держав, поддерживавших европейский порядок 1815 г. Впервые после революций 1848–1849 гг. изменение политической карты Италии происходило уже не вследствие революционного восстания, подавляемого европейскими монархиями, а в результате войны в которой одна из великих держав, а именно Франция сама использовала национальный вопрос для пересмотра существовавших границ. Национальное движение оказалось взаимосвязано с политикой великой державы и получило внешнюю военную поддержку.

Вместе с тем сам Наполеон III достаточно быстро столкнулся с очевидными противоречиями собственной политики. После побед союзников дальнейшее продолжение войны означало необходимость захвата

укреплённой сети крепостей «Квадрилатеро» и одновременно повышало риск вмешательства в конфликт других европейских держав. Кроме того, национальное движение в Центральной Италии приобретало всё более самостоятельный характер, выходя за рамки первоначальных планов Наполеона III создавая угрозу сохранению того политического устройства полуострова, которое французский император рассчитывал установить по итогам войны.

Именно в этих условиях Наполеон III пошёл на заключение Виллафранкского перемирия. Ломбардия, за исключением крепостей Мантуя и Пескьера, переходила к Франции с последующей передачей Сардинскому королевству. Венеция при этом сохранялась за Австрией. Предусматривалось создание итальянской конфедерации под почётным председательством папы римского, а в государствах Центральной Италии сохранялась возможность восстановления прежних династий.

Наполеон III отказался полностью осуществить освобождение Италии от австрийского влияния. Виллафранкские договоренности представляли собой попытку зафиксировать компромисс: ограничить Австрию, расширить Сардинское королевство, но одновременно остановить дальнейшее развитие национальной революции и сохранить прежние династии там, где это ещё представлялось возможным.

Использовать национальное движение как контролируемый инструмент оказалось значительно проще, чем остановить его после достижения первоначальных целей. В государствах Центральной Италии происходило падение прежних правительств, возникали временные режимы, ориентированные на присоединение к Сардинскому королевству. Попытка восстановить довоенную систему сталкивалась как с сопротивлением местных политических сил, так и с невозможностью вновь установить прежний порядок без прямого внешнего вмешательства.

Сардинское королевство при этом оказалось главным политическим выгодоприобретателем войны. Несмотря на недовольство Виллафранкским

перемирием и временную отставку Кавура, Пьемонт получил Ломбардию и существенно усилил своё положение. Война продемонстрировала, что именно Савойский дом располагает необходимыми дипломатическими связями, армией и государственным аппаратом способными воплотить в реальность политическую программу объединения полуострова.

До 1859 г. существовало несколько возможных направлений развития итальянского национального движения: республиканское, федералистское, монархическое. После войны политическое преимущество Сардинского королевства стало значительно более очевидным. Победа над Австрией, достигнутая при французской поддержке, придала Пьемонту престиж единственного итальянского государства, способного одновременно участвовать в европейской дипломатии и вести крупную войну против Австрийской империи.

Тем самым изменилось не только территориальное, но и политическое соотношение сил внутри самого итальянского национального движения. Сардинское королевство постепенно переставало быть лишь одним из государств полуострова и превращалось в институциональное ядро будущего национального государства.

Вопреки первоначальному проекту Наполеона III, предусматривавшему сохранение нескольких итальянских государств, Тоскана, Модена, Парма и Романья пошли по направлению сближения с Пьемонтом. Сардинская дипломатия формально проявляла осторожность, однако фактически поддерживала развитие данного процесса.

В дальнейшем плебисциты и присоединение центральноитальянских территорий к Сардинскому королевству окончательно продемонстрировали несостоятельность первоначальной конфедеративной модели.

Передача Франции Савойи и Ниццы в 1860 г. стала своеобразной компенсацией за согласие Наполеона III с дальнейшим расширением Сардинского королевства. Этот эпизод также демонстрирует двуличный характер принципа национальностей. С одной стороны, территориальные

изменения обосновывались волеизъявлением населения. С другой стороны, они оставались частью традиционного дипломатического обмена территориями и реализации геополитических интересов великих держав.

Следовательно, принцип национальностей в 1859–1860 гг. выступал как новая форма политической легитимации территориальных изменений. Венская система ещё сохраняла своё значение, однако династические права и соглашения между монархами уже не могли выступать единственным основанием для определения политико-территориального устройства Европы.

Последствия войны окончательно вышли за рамки первоначальных франко-сардинских договорённостей в 1860–1861 гг. Экспедиция Гарибальди на Сицилию, падение режима Франциска II, дальнейшее расширение владений Виктора Эммануила II и провозглашение Итальянского королевства в 1861 г., напротив, свидетельствовали лишь о том, что политический процесс приобрёл самостоятельную динамику.

Война 1859 г. не привела непосредственно к созданию Итальянского королевства, однако создала условия, существенно ускорившие процесс объединения страны. Она не завершила Рисорджименто, но изменила условия его дальнейшего развития. Австрия потеряла Ломбардию и значительную часть прежнего политического влияния. Реакционные режимы Центральной Италии лишились устойчивой внешней опоры. Сардинское королевство территориально расширилось и значительно укрепило свой авторитет. Франция, первоначально рассчитывавшая контролировать процесс преобразования полуострова, оказалась перед необходимостью адаптироваться к уже произошедшим политическим изменениям.

Успешное использование национального движения в борьбе против Австрии продемонстрировало другим европейским государствам и политическим силам, что национальный принцип способен использоваться для изменения существовавшего международного порядка. В этом

отношении Итальянская война являлась частью более широкого процесса, который в последующие годы проявился и в германском вопросе.

Однако кризис Венской системы не следует отождествлять с её одномоментным уничтожением в 1859 г. Отдельные элементы европейского концерта продолжали функционировать, а великие державы по-прежнему стремились поддерживать баланс сил и решать основные международные вопросы дипломатическим путём.

Таком образом, в краткосрочной перспективе Наполеон III добился значительных результатов: Австрия была ослаблена, Франция продемонстрировала военную силу, Ломбардия была передана Сардинии, а Савойя и Ницца впоследствии вошли в состав Французской империи. Однако в долгосрочной перспективе возникло более крупное и самостоятельное Итальянское государство, образование которого не соответствовало первоначальным планам французского императора.

2. Итальянская кампания 1859 г. продемонстрировала возросшее значение технологического фактора в ведении войны.

Железнодорожный транспорт, нарезная артиллерия и усовершенствованное стрелковое оружие уже не являлись отдельными нововведениями, лишь дополнявшими традиционные способы ведения боевых действий. Их применение непосредственно влияло на скорость сосредоточения войск, организацию снабжения, возможности оперативного манёвра и огневую мощь армий. В совокупности эти изменения свидетельствовали о постепенном формировании нового типа войны.

Наиболее заметные изменения произошли в сфере военного транспорта. Опыт кампании показал, что развитие железнодорожной сети способно существенно сократить сроки стратегического сосредоточения армии и тем самым непосредственно воздействовать на ход военных боевых. Если ранее переброска крупных воинских соединений на театр войны определялась прежде всего возможностями пешего марша и гужевого

транспорта, то железная дорога позволяла перемещать значительные массы войск со скоростью, ранее недостижимой для европейских армий.

Особенно отчётливо преимущества новой транспортной системы проявились при переброске французской армии в Италию. В период с 20 апреля по 15 июля 1859 г., то есть за 86 дней, железнодорожным транспортом было перевезено более 220 тыс. человек. Масштаб перевозок свидетельствовал о том, что железная дорога уже переставала выполнять исключительно вспомогательную функцию и превращалась в один из элементов стратегического планирования кампании. Командование получало возможность в значительно более короткие сроки перемещать войска между внутренними районами государства и театром военных действий, одновременно обеспечивая их вооружением, боеприпасами и другими необходимыми материальными средствами.

Важным следствием стало сокращение времени между мобилизацией армии и её непосредственным вступлением в кампанию. Война приобретала иной темп: скорость сосредоточения вооружённых сил всё меньше определялась исключительно физическими возможностями передвижения войск. Транспортная инфраструктура государства теперь становилась самостоятельным военно-стратегическим ресурсом.

Вместе с тем опыт 1859 г. продемонстрировал и ограниченные возможности железнодорожного транспорта. Рельсовый путь обеспечивал прежде всего стратегическую переброску войск к театру военных действий, но не устранял необходимости последующих пеших маршей. После выгрузки соединений дальнейшее движение армии по-прежнему зависело от состояния дорог, мостов, обозов и физических возможностей личного состава. Поэтому железная дорога не заменила традиционную систему военных передвижений, а стала её дополнительным элементом.

Особое значение в ходе кампании приобретало поддержание в целостности транспортной инфраструктуры непосредственно в зоне боевых действий. Продвижение союзных армий требовало восстановления

разрушенных коммуникаций и мостов через Скривию, По, Сезию, Тичино и Адду. Одновременно важную роль играла телеграфная связь, позволявшая ускорить передачу приказов и сведений о передвижении войск. Для обеспечения связи во французской армии действовали специальные телеграфные подразделения, отвечавшие за прокладку и восстановление линий вслед за продвижением войск. Таким образом, состояние транспортных путей и средств связи становилось важным фактором ведения боевых действий. Скорость продвижения армии зависела не только от сопротивления противника, но и от состояния дорог и мостов, работы транспорта и возможности поддерживать телеграфную связь.

В этом отношении кампания 1859 г. показала одну из характерных особенностей формировавшейся индустриальной модели войны: зависимость армии от инфраструктуры одновременно увеличивала её возможности и создавала новые проблемы.

Не менее существенные изменения происходили в области артиллерийского вооружения. Накануне войны французская армия приступила к внедрению нарезной артиллерии системы Ла Хитта. Решение о её принятии было утверждено 6 марта 1858 г., то есть непосредственно накануне Итальянской кампании. В результате война 1859 г. стала одним из первых крупных европейских конфликтов, в котором новые нарезные полевые орудия получили широкое боевое применение.

Главное преимущество нарезной артиллерии заключалось в увеличении дальности и точности огня. Нарезы в канале ствола придавали цилиндрическому снаряду вращательное движение, обеспечивая более устойчивую траекторию полёта. В результате новые орудия позволяли вести эффективный огонь на значительных дистанциях. При этом преимущество новой артиллерии не следует возводить в абсолют. Технические характеристики орудия сами по себе не обеспечивали победу. Реализация этого преимущества во многом зависела от характера местности и уровня подготовки артиллерийских расчётов.

Сходная тенденция наблюдалась в развитии стрелкового оружия. К середине XIX в. нарезное оружие постепенно вытесняло гладкоствольные пехотные ружья. Дальность и точность стрельбы возрастали, однако тактика пехоты оставалась во многом прежней. Для движения и атаки продолжали использоваться колонны, а для ведения огня войска разворачивались в линии.

В этом отношении война 1859 г. представляла собой переходный этап. Новое оружие уже создавало объективные предпосылки для изменения тактики, однако эти возможности ещё не были реализованы в полной мере. Командование европейских армий только начинало осмысливать последствия массового распространения нарезного стрелкового оружия и артиллерии.

Применительно к войне 1859 г. следует говорить не о завершившейся технической революции в военном деле, а о качественном скачке в его техническом развитии. Военные инновации уже существенно влияли на ход кампании, однако сочетались с организационными и тактическими формами предшествующей эпохи.

Особенно показательным является изменение в темпе боевых действий. Вся кампания от начала активных боевых действий до заключения Виллафранкского перемирия заняла всего около двух месяцев. За это время союзные армии успели сосредоточить крупные силы, развернуть наступление в Северной Италии и провести ряд крупных сражений, в том числе при Мадженте и Сольферино. Подобная динамика была непосредственно связана не только с наступательным порывом союзников, но и с возросшими возможностями транспорта.

Таким образом, значение технических новшеств в кампании 1859 г. заключалось прежде всего в том, что они начали воздействовать сразу на несколько сторон ведения войны. Железные дороги ускоряли сосредоточение и переброску войск, телеграф сокращал время передачи информации, а нарезная артиллерия и стрелковое оружие увеличивали дальность и

эффективность огня. В результате изменялись как темп кампании, так и условия непосредственного ведения боя.

При этом развитие техники не сопровождалось столь же быстрым изменением организации и тактики армий. Наиболее отчётливо это проявилось в использовании нового вооружения. Возросшие возможности нарезного оружия сочетались с сохранением колонн и линейных построений, характерных для предшествующей эпохи. Аналогичное противоречие наблюдалось и в управлении войсками: железные дороги и телеграф позволяли быстрее перемещать силы и передавать информацию, однако сами армии становились крупнее, а управление ими продолжало оставаться сложной задачей.

Кампания 1859 г. тем самым показала, что техническое развитие не обеспечивало автоматического превосходства. Результат зависел от того, насколько армия была способна использовать новые возможности: организовать перевозку и снабжение войск, поддерживать связь, обеспечить подготовку артиллерийских расчётов и приспособить тактику пехоты к изменившимся характеристикам оружия. Именно поэтому техническое превосходство необходимо рассматривать во взаимосвязи с организацией армии, подготовкой личного состава и качеством командного состава.

В этом проявился переходный характер Итальянской кампании 1859 г. Её материальная основа уже заметно отличалась от войн начала XIX в., тогда как организация и тактика во многом сохраняли прежние черты. Технический прогресс опережал изменение способов ведения войны. Именно это несоответствие стало одной из характерных особенностей кампании и позволяет рассматривать её как важный этап перехода от войн первой половины XIX в. к вооружённым конфликтам индустриальной эпохи.

3. Несмотря на возросшую роль технических новшеств, боеспособность армий по-прежнему во многом зависела от морального состояния войск, инициативы командиров и взаимоотношений между солдатами и офицерами.

Опыт Итальянской кампании 1859 г. показал, что техническое совершенствование вооружённых сил само по себе не обеспечивало превосходства на поле боя. Железные дороги, телеграф, нарезная артиллерия и новое стрелковое оружие расширяли возможности армий, однако эффективность их использования в конечном счёте зависела от действий человека. В условиях боя особое значение сохраняли моральная устойчивость войск, способность командиров быстро принимать решения, готовность солдат продолжать наступление после понесённых потерь и инициативность, допускавшаяся существовавшей системой военного управления.

Особенно отчётливо значение нравственного фактора проявилось при сравнении французской и австрийской армий. Французская армия далеко не всегда отличалась безупречной организацией. В ходе кампании неоднократно возникали трудности с передвижением, снабжением и управлением войсками. Однако эти недостатки в значительной степени компенсировались высокой активностью личного состава, наступательным порывом и готовностью командиров проявлять инициативу в быстро меняющейся обстановке. Внешняя неупорядоченность французской армии, таким образом, не означала отсутствия внутренней устойчивости. Как отмечал М. И. Драгомиров, недостаток внешней стройности французских войск компенсировался «здоровьем нравственного склада».

Одним из важнейших преимуществ французской армии являлась способность продолжать активные действия несмотря на неблагоприятные обстоятельства. Это имело особое значение в условиях кампании 1859 г., поскольку крупные сражения далеко не всегда развивались в соответствии с первоначальными планами главной квартиры. В подобной обстановке исход боя зависел не только от распоряжений высшего командования, но и от действий командиров непосредственно на местах.

Инициатива в данном случае не означала нарушения дисциплины. Напротив, опыт французской армии показывал возможность сочетания

общей управляемости войск с определённой самостоятельностью командиров. Офицер должен был не только буквально выполнять полученный приказ, но и понимать его цель, чтобы при изменении обстановки самостоятельно выбрать способ её достижения. Подобная система позволяла сохранять активность даже при нарушении связи между отдельными частями и отсутствии своевременных распоряжений вышестоящего командования.

Иная ситуация сложилась в австрийской армии. Её организация отличалась стремлением к строгой регламентации и внешнему порядку. Однако чрезмерная централизация управления и привычка к точному исполнению предписаний ограничивали самостоятельность командиров. В результате дисциплина, являвшаяся необходимым условием существования любой армии, в австрийском случае приобретала чрезмерно формализованный характер и не всегда способствовала эффективным действиям в непредвиденной обстановке.

Особенно ясно этот недостаток проявился при Сольферино. Как показано в исследовании, после неожиданного столкновения с французскими войсками австрийские офицеры, не имевшие заранее полученных указаний на случай подобного развития событий, не решались действовать самостоятельно. Инициатива не поощрялась, поскольку для командира было безопаснее строго следовать приказу, чем принимать самостоятельное решение в зависимости от складывавшейся обстановки. В результате отсутствие своевременных распоряжений сверху приводило к пассивности на нижестоящих уровнях управления войсками.

Тем самым внешняя дисциплинированность австрийской армии имела и обратную сторону. Подготовка солдата и офицера была ориентирована прежде всего на точное выполнение заранее установленных требований, тогда как война постоянно создавала ситуации, которые невозможно было предусмотреть инструкцией. Именно в этом Драгомиров видел один из основных недостатков австрийской военной системы. Существенным было

различное понимание самой дисциплины. Во французской армии она в большей степени допускала проявление инициативы в пределах поставленной задачи, тогда как в австрийской армии чрезмерная регламентация ограничивала способность военнослужащего самостоятельно реагировать на изменение боевой обстановки.

Не менее важное значение имели отношения между офицерами и солдатами. Боеспособность армии определялась не только формальным подчинением нижних чинов командному составу, но и степенью доверия между ними. В условиях боя приказ исполнялся в обстановке непосредственной опасности, а потому устойчивость подразделения зависела от авторитета командира и его способности сохранять связь с подчинёнными. В этом отношении характер внутренней организации армии непосредственно влиял на её поведение на поле боя.

Многонациональный состав Австрийской империи дополнительно осложнял эту проблему. Австрийская армия комплектовалась представителями различных народов империи, между которыми отсутствовало единое национальное самосознание. В исследовании показано, что стремление правительства предотвратить политическую неблагонадёжность отдельных частей приводило к перемещению полков за пределы районов их комплектования и назначению в них офицеров другой национальности. Драгомиров характеризовал австрийскую армию как соединение частей, не связанных общими интересами и в отдельных случаях, враждебно относившихся друг к другу.

Поэтому моральное состояние австрийской армии было связано не только с качеством непосредственной военной подготовки, но и с особенностями самой Габсбургской монархии. Французский солдат мог быть обращён к идее национальной славы и военных побед Франции, сардинский – к борьбе за освобождение и объединение Италии. Для многонациональной австрийской армии сформулировать столь же единый и понятный мотив участия в войне было значительно сложнее.

Особое положение занимала сардинская армия. Для неё нравственный фактор был тесно связан с политическим содержанием войны. Участие в борьбе против Австрии воспринималось не только как выполнение союзнических обязательств или решение территориального спора, но и как часть более широкого движения за освобождение и объединение Италии. Тем самым национальная идея становилась одним из источников мотивации войск.

При этом значение национального фактора не следует преувеличивать. Сардинская армия оставалась регулярной армией монархического государства, а итальянское национальное движение ещё не обладало полной внутренней однородностью. Однако война создавала возможность связать действия вооружённых сил Пьемонта с общенациональной политической целью. Особенно ярко это проявилось в деятельности добровольческих формирований и корпуса Джузеппе Гарибальди, для которых политическая мотивация являлась существенным элементом боеспособности.

Таким образом, сопоставление трёх армий показывает различные источники нравственной устойчивости. Для французской армии существенное значение имели боевой опыт, наступательный дух и сравнительно развитая инициативность командиров; для сардинских войск соединение регулярной военной организации с национальной идеей; австрийская армия, напротив, при достаточно высокой внешней организованности испытывала недостаток инициативы и внутреннего единства.

Опыт кампании поэтому не позволяет противопоставлять технический и нравственный факторы как взаимоисключающие причины победы или поражения. Новое вооружение увеличивало возможности армии, однако реализовать эти возможности должны были конкретные солдаты и офицеры. Чем сложнее становилась военная техника и чем быстрее менялась обстановка на поле боя, тем большее значение приобретала способность

военнослужащего самостоятельно оценивать ситуацию и действовать в соответствии с общей целью.

В этом заключалось одно из основных противоречий военной модернизации середины XIX в. Развитие техники увеличивало возможности армии, но не приуменьшало значение человеческого фактора. Напротив, новые условия ведения войны предъявляли более высокие требования к подготовке командиров, устойчивости личного состава и способности действовать самостоятельно.

Итальянская кампания 1859 г. показала также ограниченность дисциплины, основанной преимущественно на механическом исполнении приказов. Такая модель могла обеспечивать внешний порядок, однако становилась недостаточной в условиях быстро меняющейся боевой обстановки. От командира всё чаще требовалось не только исполнение конкретного распоряжения, но и понимание общей задачи, позволяющее продолжать действия при отсутствии непосредственных указаний.

Поэтому инициативность следует рассматривать не как дополнительное качество отдельных талантливых командиров, а как один из элементов боеспособности армии. Французский опыт показывал преимущества системы, допускавшей самостоятельность на нижестоящих уровнях командования, тогда как действия австрийских войск демонстрировали последствия чрезмерной зависимости от распоряжений сверху.

В конечном счёте кампания 1859 г. показала, что боеспособность армии определялась сочетанием материальных и нравственных факторов. Техническое развитие изменяло средства ведения войны, но характер их использования зависел от человека. Моральная устойчивость, инициатива, отношения между начальниками и подчинёнными и способность сохранять активность после нарушения первоначального плана оставались важнейшими условиями успешных действий войск.

Именно поэтому техническая модернизация войны не привела к уменьшению значения нравственного фактора. Напротив, опыт Маджента и Сольферино показал, что в условиях усложнения вооружения, увеличения численности армий и ускорения темпа боевых действий возрастало значение способности человека принимать самостоятельные решения и сохранять боеспособность в условиях неопределённости. Война становилась технически более сложной, однако её результат по-прежнему во многом зависел от моральных и профессиональных качеств людей, применявших новые средства вооружённой борьбы.

4. Рассмотрение Итальянской войны 1859 г. через концепцию сверхдлинных военных циклов позволяет более точно определить её место в эволюции европейского военного искусства. Период 1792–1945 гг. представляет собой единый сверхдлинный военный цикл, начало которого было связано с революционными и Наполеоновскими войнами. Его отличительной чертой стало преобладание возможностей мобилизации над возможностями уничтожения: государство получа возможность вводить в вооружённую борьбу всё более значительные человеческие и материальные ресурсы, тогда как потери ещё не лишали его способности продолжать войну.

Принципиальное значение этой концепции для оценки кампании 1859 г. заключается в том, что она позволяет рассматривать развитие военного искусства не как последовательную смену отдельных образцов вооружения и тактических приёмов, а как комплексный процесс преобразования способов ведения войны. Согласно волновой теории военных циклов, определяющее значение имело иное – изменение самого материального базиса войны и связанного с ним представления о способах достижения победы. На протяжении каждого сверхдлинного цикла складывается определённый «милитаристский стиль», в основе которого лежит характерное соотношение возможностей мобилизации и уничтожения.

Для цикла 1792–1945 гг. таким эталоном стала победа, понимаемая как лишение противника способности к дальнейшему сопротивлению. Французская революция и Наполеоновские войны показали возможность привлечения к вооружённой борьбе значительно более широких масс населения, чем это было характерно для профессиональных армий XVIII в. В результате изменилось само представление о масштабах войны. Если в предшествующую эпоху важнейшей задачей являлось сохранение дорогостоящей профессиональной армии и достижение ограниченных политических уступок, то новая эпоха выдвинула идею решительного военного разгрома противника.

Итальянская кампания 1859 г. находилась уже внутри этого нового военного цикла и сохраняла его основополагающую логику. Французская, австрийская и сардинская армии стремились не к длительному маневрированию, характерному для военного искусства XVIII в., а к решению исхода кампании посредством активных наступательных действий и крупных сражений. Маджента и Сольферино в этом отношении соответствовали сформированному Наполеоновскими войнами представлению о сражении как основном средстве достижения стратегического результата.

Война 1859 г. является важным промежуточным звеном между Наполеоновскими войнами и вооружёнными конфликтами второй половины XIX в. Она ещё сохраняла созданный в начале века идеал решительной войны, однако материальная основа его реализации уже заметно изменилась. Наполеоновская модель опиралась прежде всего на массовую армию и высокую оперативную подвижность, достигавшуюся за счёт организации корпусов и форсированных маршей. К середине XIX в. та же установка на сосредоточение крупных сил и достижение решительного результата начала опираться на возможности индустриального общества.

Поэтому применительно к 1859 г. следует говорить не о возникновении принципиально новой модели войны, а о качественном изменении средств

ведения вооружённой борьбы. Итальянская кампания стала одним из этапов этого процесса: в середине XIX в. наполеоновско-клаузевицевская модель войны начала соединяться с материальными возможностями индустриализирующегося государства и постоянно расширявшимся мобилизационным потенциалом европейских держав.

На протяжении XIX в. происходило постоянное расширение мобилизационных возможностей европейских государств. Начавшись с формирования массовых армий в эпоху Французской революции, этот процесс во второй половине столетия получил дальнейшее развитие благодаря распространению всеобщей воинской повинности и возможности многократно увеличивать численность вооружённых сил после начала войны. Промышленная революция создавала материальную основу для содержания массовых армий, тогда как политические режимы с расширявшейся социальной базой всё чаще представляли внешнеполитические интересы государства как интересы всей нации.

Итальянская кампания наглядно демонстрирует дальнейшее развитие этой тенденции. Большие потери в сражении уже не обязательно означали уничтожение армии как политически невосполнимого ресурса. Войска могли вводить в бой значительные массы людей, понесённые потери восполнялись значительно легче, чем в эпоху небольших профессиональных армий, а само крупное сражение воспринималось не как крайняя мера, которой следует по возможности избегать, а как нормальный способ достижения оперативного и стратегического результата.

Индустриализация постепенно позволяла не только формировать большие армии, но и значительно быстрее обеспечивать их людьми, вооружением и материальными ресурсами. Поэтому старый наполеоновский идеал решительного сражения не исчезал, а, напротив, получал дополнительные возможности для реализации.

В этом смысле Итальянская кампания представляет собой не отрицание Наполеоновской эпохи, а новый этап её развития. Военные деятели середины

XIX в. продолжали мыслить в категориях, возникших после Французской революции: массовая армия, наступление, решительное сражение, разгром основных сил противника. Но государство, предоставлявшее им эти армии, уже существенно отличалось от государства начала столетия по своим экономическим и техническим параметрам.

Именно такое сочетание позволяет определить кампанию 1859 г. как переломный этап в эволюции военного искусства. Перелом заключался не в отказе от наполеоновской модели, а в начале её приспособления к условиям индустриальной эпохи. Военное искусство сохраняло прежний эталон победы, но способы достижения этой победы постепенно перестраивались в соответствии с новыми возможностями государства и общества.

При этом развитие средств уничтожения во многом становилось ответом на расширение мобилизационных возможностей государств. Рост численности вооружённых сил и способности государств восполнять понесённые потери стимулировал совершенствование вооружения и увеличение его поражающей силы. Однако на протяжении большей части XIX в. развитие средств уничтожения ещё не позволяло окончательно превзойти возможности государств по восстановлению и пополнению вооружённых сил.

Именно поэтому события 1859 г. следует рассматривать в одном ряду с последующими войнами 1866 и 1870–1871 гг. Не в том смысле, что они представляли одинаковый уровень развития военного искусства, а в том, что вместе они составляли последовательные этапы приспособления наполеоновско-клаузевицевского идеала войны к новым материальным условиям.

Как переломный этап австро-итало-французская война 1859 г. не являлась границей двух сверхдлинных военных циклов и не означала отказа от военного наследия Наполеоновской эпохи. Напротив, она оставалась частью цикла 1792–1945 гг. и сохраняла сформированный в его начале эталон решительной победы. Перелом происходил внутри самого цикла:

прежняя модель войны начинала функционировать на новой, индустриальной материальной основе.

В этом заключается место Итальянской кампании 1859 г. в эволюции военного искусства. Она соединяла наполеоновское представление о решающем значении массовой армии и генерального сражения с возрастающими возможностями индустриального государства, а национальная идея всё теснее связывала мобилизационные возможности государства с политической активностью общества.

5. Применение транснационального подхода позволяет рассматривать Итальянскую войну 1859 г. не только как вооружённое противостояние Франции, Сардинского королевства и Австрийской империи, но и как пространство трансграничной циркуляции национальных идей, людей и военного опыта.

Особенно отчётливо транснациональный характер проявлялся в развитии итальянского национального движения. Рисорджименто формировалось не только как совокупность политических процессов, происходивших внутри отдельных государств Апеннинского полуострова. Итальянский вопрос являлся частью более широкого европейского национального движения середины XIX в., в котором идеи национального освобождения и объединения распространялись через государственные границы и воспринимались сторонниками различных национальных движений как элементы общего политического процесса. В этом смысле борьба за объединение Италии была тесно связана с теми изменениями, которые после революций 1848–1849 гг. происходили в политическом сознании европейского общества.

Одним из конкретных проявлений этих связей стало участие иностранных добровольцев. Национальные движения XIX в., несмотря на свою ориентацию на создание или объединение отдельных национальных государств, не существовали исключительно в национальных рамках. Участие иностранных добровольцев в итальянском движении

свидетельствовало о существовании трансграничной политической солидарности, основанной на общности либеральных, национальных или, напротив, консервативных убеждений. Борьба, происходившая на территории одного государства, могла восприниматься современниками как часть более широкого европейского противостояния политических принципов. Поэтому итальянское национальное движение привлекало людей, для которых участие в нём не было непосредственно связано с принадлежностью к итальянской нации.

При этом транснациональный характер Рисорджименто не противоречил его национальной направленности. Напротив, распространение национальных идей за пределами отдельных государств являлось характерной особенностью политической жизни Европы середины XIX в. Показательно, что с итальянским национальным движением был непосредственно связан и будущий французский император Наполеон III: ещё в молодости он примкнул к карбонариям и участвовал в революционных событиях в Италии. Этот опыт впоследствии оказал влияние на его отношение к итальянскому вопросу и способствовал сохранению личного интереса к национальному движению на Апеннинском полуострове. Итальянский пример показывает, что формирование национальных государств происходило не в изоляции, а в условиях постоянного взаимодействия между политическими движениями, общественными группами и отдельными людьми из различных стран. Тем самым национальное и транснациональное в событиях 1859–1861 гг. существовали не как противоположные процессы, а как взаимосвязанные явления.

Другим важным направлением трансграничных связей стала циркуляция военного опыта. Итальянская кампания представляла значительный интерес не только для государств, непосредственно участвовавших в боевых действиях. В условиях стремительного технического развития военного дела она превратилась в своеобразную лабораторию военного опыта, за результатами которой внимательно следили

в европейских государствах. Практическое применение железнодорожного транспорта, телеграфной связи, нарезной артиллерии и усовершенствованного стрелкового оружия, а также особенности организации и тактики французской, австрийской и сардинской армий становились предметом изучения иностранных военных специалистов. Итальянский театр военных действий, таким образом, являлся пространством не только непосредственного столкновения различных военных систем, но и наблюдения за эффективностью новых технических средств и способов ведения войны.

Наглядно данный процесс прослеживается на примере Российской империи. Санкт-Петербург непосредственно не участвовала в Сардинской войне, а её военное участие ограничивалось сосредоточением войск у австрийской границы, что оказывало косвенное давление на Австрийскую империю. Вместе с тем российское военное руководство внимательно следило за ходом кампании. Русские военные представители получили возможность непосредственно наблюдать за действиями европейских армий и передавать полученные сведения в российское военно-профессиональное пространство. Тем самым отсутствие непосредственного участия России в боевых действиях не означало её изоляции от военного опыта.

Опыт, сформировавшийся в результате взаимодействия французской, австрийской и сардинской военных систем, не оставался ограниченным театром военных действий. Посредством иностранных наблюдателей он переносился за его пределы, становился предметом анализа и включался в военно-профессиональные дискуссии других государств. Тем самым Итальянская кампания 1859 г. выступила не только этапом развития военного искусства, но и важным каналом транснациональной циркуляции военного знания.

В этом отношении Итальянская кампания 1859 г. являлась не только столкновением трёх государств и их военных систем, но и пространством трансграничной циркуляции людей, идей и военного опыта. Её значение

выходило за пределы непосредственных результатов войны: происходившие в Италии процессы включались в более широкое европейское движение национальных идей и одновременно становились источником профессионального опыта для армий государств, формально не участвовавших в конфликте. Тем самым транснациональный подход позволяет показать общеевропейское измерение кампании и дополнить её рассмотрение как переломного этапа в эволюции военного искусства анализом механизмов распространения и последующего осмысления приобретённого в ходе войны опыта.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Архивные материалы

1. РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 872.

2. РГВИА. Ф. 440. Оп. 1. Д. 160 (2).

3. РГВИА. Ф. 440. Оп. 1. Д. 169 (1).

4. РГВИА. Ф. 440. Оп. 1. Д. 169.

5. РГВИА. Ф. 440. Оп. 1. Д. 170.

Официальные документы

6. Constitution de 1852. URL: https://mjp.univ-perp.fr/france/co1852.htm (дата обращения: 13.09.2026).

7. Desfossés R. Rapports officiels français sur la campagne d'Italie en 1859: opérations dans l'Adriatique // Revue militaire suisse. 1860. T. 5. № 6. P. 90–94.

8. Documents officiels sur la campagne d'Italie en 1859. Paris: Librairie militaire, maritime et polytechnique J. Corréard, 1860. 226 p.

9. Histoire de la guerre d'Italie: documents et rapports officiels. Paris: Gaittet, imprimeur-éditeur, 1859. 474 p.

10. Notice sur les transports militaires par les chemins de fer français vers le théâtre de la guerre d'Italie, décembre 1859. Paris: Imprimerie de Ch. Lahure et Cie, 1859. 57 p.

11. Popolazione. Censimento degli antichi Stati sardi (1° gennaio 1858) e censimenti di Lombardia, di Parma e di Modena (1857–1858). Torino: Stamperia Reale, 1864. 492 p.

12. Traité de Turin. URL: https://fr.wikisource.org/wiki/Traité_de_Turin_(1860) (дата обращения: 13.09.2026).

13. Traité de Zurich, 10 novembre 1859. URL: https://documentsdedroitinternational.fr/1859-10-novembre-traite-de-zurich/ (дата обращения: 13.09.2026).

14. Die Gartenlaube. 1859. № 17. URL: https://de.wikisource.org/wiki/Kanonische_Weisheit_und_Kriegsbereitschaft_in_England (дата обращения: 06.09.2026).

15. Gazette nationale ou le Moniteur universel. URL: https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/cb34452336z/date1859 (дата обращения: 13.09.2026).

16. Harper’s Weekly. 1859. URL: https://catalog.hathitrust.org/Record/000061498 (дата обращения: 20.09.2026).

17. Punch. 1859. URL: https://www.ub.uni-heidelberg.de/helios/fachinfo/www/kunst/digilit/punch.html (дата обращения: 20.09.2026).

18. Revue des deux mondes: recueil de la politique, de l'administration et des moeurs. URL: https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k431881d/f414.item (дата обращения: 13.09.2026).

19. Wiener Zeitung. URL: https://anno.onb.ac.at/cgi-content/anno?datum=1859&zoom=33 (дата обращения: 13.09.2026).

20. Военный сборник. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_008744743/?year=1859 (дата обращения: 13.09.2026).

21. Драгомиров М. И. Обзор итальянской кампании 1859 года // Инженерный журнал. СПб.: Типография Николая Тиблена и комп., 1861–1864.

22. Драгомиров М. И. По поводу статьи «Краткий обзор Итальянской кампании 1859 г. в инженерном отношении». Сан-Мартинский Тет-де-пон // Инженерный журнал. СПб.: Типография Николая Тиблена и комп., 1861. № 1. С. 1–15.

23. Колокол. 1859. 1 июня. № 44.

24. Маркс К. Виллафранкский договор. URL: https://lugovoy-k.narod.ru/marx/13/55.htm (дата обращения: 13.09.2026).

25. Маркс К. Перспектива войны в Пруссии. URL: https://marxengels.public-archives.com/en/ME1123en.html (дата обращения: 13.09.2026).

26. Русский инвалид. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004907700/?year=1859&volumes=page-10 (дата обращения: 13.09.2026).

27. Санкт-Петербургские ведомости. URL: https://primo.nlr.ru/primo-explore/search?query=lsr24,exact,UPNLR01010131500,AND&query=lsr07,exact,1859,AND&tab=default_tab&search_scope=default_scope&sortby=lso04&vid=07NLR_VU1&lang=ru_RU&mode=advanced&offset=0 (дата обращения: 07.09.2026).

28. Энгельс Ф. Савойя, Ницца и Рейн. URL: https://lugovoy-k.narod.ru/marx/13/78.htm (дата обращения: 13.09.2026).

29. Le Pape et le Congrès. Paris: E. Dentu; Firmin Didot Frères, Fils et Cie, 1859. 46 p.

Мемуары и источники личного происхождения

30. Abba G. C. Storia dei Mille. Firenze: Bemporad & Figlio, 1926. 96 p.

31. Achard A. Montebello, Magenta, Marignan: lettres d’Italie (mai et juin 1859). Paris: Hachette, 1859. 316 p.

32. Arrivabene C. Italy under Victor Emmanuel: A Personal Narrative. Vol. I. London: Hurst and Blackett, 1862. 431 p.

33. Bonaparte N.-L. Des idées napoléoniennes. Paris: Paulin Libraire Editeur, 1839. 266 p.

34. Bourelly, général. Souvenirs de la campagne de 1859 en Italie. Paris: Combet & Cie. 240 p.

35. Castelli M. Il Conte di Cavour. Torino; Napoli: Roux e Favale, 1886. 258 p.

36. Copia a mano della lettera di Felice Orsini a Napoleone III 1858. URL: https://enricogiuseppelucamarchi.blogspot.com/2018/07/copia-mano-della-lettera-di-felice.html (дата обращения: 13.09.2026).

37. Forbes C. S. The Campaign of Garibaldi in the Two Sicilies: A Personal Narrative. Edinburgh; London: William Blackwood and Sons, 1861. 357 p.

38. Lebrun B. Souvenirs des guerres de Crimée et d'Italie. Paris: E. Dentu, 1889. 336 p.

39. Massari G. Il generale Alfonso La Marmora: ricordi biografici. Firenze: G. Barbèra, 1880. 451 p.

40. Napoléon III. Oeuvres de Napoléon III. T. 1. Paris: Plon, 1869. 477 p.

41. Гарибальди Дж. Мемуары / пер. с ит. В. С. Бондарчука и Ю. А. Фридмана. М.: Наука, 1966. 463 с.

42. Дюнан А. Воспоминание о битве при Сольферино / пер. с фр. М.: Международный Комитет Красного Креста, 2009. 108 с.

43. Наполеон III. История Юлия Цезаря. Т. 1–2. СПб.: М. О. Вольф, 1865–1866. 465 с.

Картографические материалы

44. Mitchell S. A. Kingdom of Sardinia // Mitchell’s New Universal Atlas. Philadelphia: Charles Desilver, 1859.

45. Vuillemin A., Picard E. Nouvelle carte des voies de communication de la France indiquant les chemins de fer et les stations, les rivières navigables et les canaux. Paris, 1859.

46. Weller E. The Austrian Empire // Blackie W. G. The Imperial Atlas of Modern Geography. Glasgow; Edinburgh; London: Blackie & Son, 1859. No. XXIII.

Литература

Монографии, брошюры, энциклопедии

47. About E. La Question romaine. Paris: Michel Lévy Frères, 1861. 247 p.

48. Banti A. M. The Nation of the Risorgimento: Kinship, Sanctity, and Honour in the Origins of Unified Italy. London; New York: Routledge, 2020. 210 p.

49. Bartberg E. Der Krieg im Jahre 1859: Nach offiziellen Quellen nicht offiziell bearbeitet. Bamberg: C. C. Buchner Verlag, 1894. 272 S.

50. Bazancourt C. La campagne d'Italie de 1859. Paris: Amyot, 1860. 523 p.

51. Bazzano N. Donna Italia. Storia di un'allegoria dall'antichità ai giorni nostri. Costabissara (Vicenza): Angelo Colla Editore, 2011. 208 p.

52. Blumberg A. A Carefully Planned Accident: The Italian War of 1859. Selinsgrove: Susquehanna University Press, 1990. 238 p.

53. Brandt H. H. Der österreichische Neoabsolutismus als Verfassungs- und Verwaltungsproblem. Wien; Köln; Weimar: Böhlau Verlag, 2014. 515 S.

54. Bridge F. R., Bullen R. The Great Powers and the European States System, 1814–1914. Harlow; New York: Pearson Longman, 2005. 365 p.

55. Brooks R. Solferino 1859: The Battle for Italy's Freedom. Oxford: Osprey Publishing, 2009. 94 p.

56. Buschmann N. Einkreisung und Waffenbruderschaft. Die öffentliche Deutung von Krieg und Nation in Deutschland 1850–1871. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2003. 378 S.

57. Campagne de l'Empereur Napoléon III en Italie en 1859. Rédigée au Dépôt de la guerre d'après les documents officiels étant directeur le général Blondel sous le Ministère de son excellence le maréchal comte Randon. Paris: Imprimerie impériale, 1860–1861. 420 p.

58. Carrano F. I cacciatori delle Alpi comandati dal generale Garibaldi nella guerra del 1859 in Italia. Torino: Unione Tipografico-Editrice, 1860. 511 p.

59. Cesena A. Campagne de Piémont et de Lombardie en 1859. Paris: Garnier Frères, 1860. 325 p.

60. Cipolla C. Il crinale dei crinali. La battaglia di Solferino e San Martino. Milano: FrancoAngeli, 2009. 436 p.

61. Coppa F. J. The Origins of the Italian Wars of Independence. London; New York: Longman, 1992. 188 p.

62. Della Valle G. Varese, Garibaldi ed Urban nel 1859 durante la guerra per l'indipendenza italiana: notizie storiche raccolte e compilate su documenti. Varese: Tipografia di Giuseppe Carùghi e C., 1863. 53 p.

63. Denzin N. K. The Research Act: A Theoretical Introduction to Sociological Methods. 2nd ed. New York: McGraw-Hill Book Company, 1978. 373 p.

64. Der Feldzug von 1859. Das Vorspiel zu den Ereignissen von 1866 bis 1870. Berlin: Ernst Siegfried Mittler und Sohn, 1871. 100 S.

65. Der Krieg in Italien 1859. Nach den Feldacten und anderen authentischen Quellen bearb. durch das K. K. Generalstabs-Bureau für Kriegsgeschichte. Wien: C. Gerold's Sohn, 1872–1876. 575 S.

66. Duc d'Almazan. La guerre d'Italie: campagne de 1859. Paris: E. Plon et Cie, imprimeurs-éditeurs, 1882. 394 p.

67. Duquet A. La guerre d'Italie (1859). Paris: G. Charpentier, 1882. 301 p.

68. Duruy V. A History of France. New York: Thomas Y. Crowell & Company, 1889. 706 p.

69. Field R. Garibaldi: Leadership, Strategy, Conflict. Oxford: Osprey Publishing, 2011. 64 p.

70. Flick U. Triangulation: Eine Einführung. 2. Aufl. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2008. 128 S.

71. Fyffe C. A. A History of Modern Europe, 1792–1878. London: Cassell & Company, 1896. 533 p.

72. Hasluck E. L. A Short History of Modern Europe from the French Revolution to the Great War. London: University of London Press, Ltd., 1916. 269 p.

73. Hinsley F. H. Power and the Pursuit of Peace: Theory and Practice in the History of Relations between States. Cambridge: Cambridge University Press, 1967. 414 p.

74. Iriye A. Global and Transnational History: The Past, Present, and Future. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2013. 88 p.

75. Judson P. The Habsburg Empire: A New History. London: The Belknap Press of Harvard University, 2016. 567 p.

76. Kinard J. Pistols: An Illustrated History of Their Impact. Santa Barbara: ABC-CLIO, 2004. 397 p.

77. King B. A History of Italian Unity: Being a Political History of Italy from 1814 to 1871. Vol. II. London: James Nisbet & Co., Limited, 1899. 451 p.

78. Kunz H. Von Montebello bis Solferino. Berlin: Verlag von Friedrich Luckhardt, 1888. 178 S.

79. La question italienne en 1859. Paris: Gaume Frères et J. Duprey, éditeurs, 1859. 75 p.

80. Lecomte F. Relation historique et critique de la campagne d'Italie en 1859. T. II. 2e éd. Paris: Ch. Tanera; Turin: Bocca Frères; Milan: Dumolard Frères, 1860. 204 p.

81. Macina R. L'Unità d'Italia in Terra di Bari. Un caso particolare. Modugno fra il 1860 e il 1861. Modugno: Edizioni Nuovi Orientamenti, 2011. 111 p.

82. Mack Smith D. Cavour and Garibaldi, 1860: A Study in Political Conflict. Cambridge: Cambridge University Press, 1954. 458 p.

83. Mack Smith D. Victor Emanuel, Cavour, and the Risorgimento. London: Oxford University Press, 1971. 381 p.

84. Maiden M. A Linguistic History of Italian. London; New York: Routledge, 2013. 300 p.

85. Mollinary A. Ritter von Monte Pastello. Studien über die Operationen und Tactique der Franzosen im Feldzuge 1859 in Italien. Wien: Wilhelm Braumüller, 1864. 130 S.

86. Moore S. Teaching the Empire: Education and State Loyalty in Late Habsburg Austria. Indiana: Purdue University Press, 2020. 378 p.

87. Mowat R. B. A History of European Diplomacy, 1815–1914. London: Edward Arnold, 1922. 308 p.

88. Németh B. Early Military Rifles: 1740–1850. Oxford: Osprey Publishing, 2020. 80 p.

89. Ottolini V. La rivoluzione lombarda del 1848 e 1849. Milano: Ulrico Hoepli, 1887. 672 p.

90. Paulin V. Guerre d'Italie en 1859: tableau historique, politique et militaire. Paris: Librairie de L'Illustration, 1859. 208 p.

91. Pavlovic D. The Austrian Army 1836–66 (1): Infantry. Oxford: Osprey Publishing, 1999. 48 p.

92. Pavlovic D. The Austrian Army 1836–66 (2): Cavalry. Oxford: Osprey Publishing, 1999. 48 p.

93. Précis de la campagne de 1859 en Italie. Bruxelles: Librairie militaire C. Muquardt, Th. Falk, 1887. 297 p.

94. Ridley J. Napoleon III and Eugenie. New York: The Viking Press, 1980. 768 p.

95. Rothenberg G. E. The Army of Francis Joseph. West Lafayette, Indiana: Purdue University Press, 1998. 298 p.

96. Rüstow W. Der italienische Krieg 1859. Zürich: Friedrich Schultheß, 1859. 411 S.

97. Sagnes J., Egli C. Regards sur Napoléon III. Paris: Éditions du Mont, 2020. 228 p.

98. Saunier P.-Y. Transnational History. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2013. 193 p.

99. Schneid F. The Second War of Italian Unification 1859–61. Osprey Publishing, 2012. 95 p.

100. Schroeder P. W. The Transformation of European Politics 1763–1848. Oxford: Clarendon Press, 1994. 898 p.

101. Seignobos C. A Political History of Europe Since 1814. New York: Henry Holt and Company, 1907. 881 p.

102. Sked A. The Decline and Fall of the Habsburg Empire, 1815–1918. London; New York: Routledge, 2013. 354 p.

103. Skizze des Feldzuges 1859 in Italien. Von einem süddeutschen Offizier. 2. Aufl. Wien: Druck und Verlag von Carl Gerold's Sohn, 1859. 76 S.

104. Steed H. W., Phillips W. A., Hannay D. A Short History of Austria-Hungary and Poland. London: The Encyclopedia Britannica Company, Ltd., 1914. 170 p.

105. Taylor A. J. P. The Struggle for Mastery in Europe, 1848–1918. Oxford: Clarendon Press, 1954. 638 p.

106. Taylor F. Rifled Field Pieces: A Short Compilation of What Is Known of the New Field Artillery of Europe, with Some Account of Our Own. Washington: Franck Taylor, 1862. 32 p.

107. Thibaudeau A.-C. Histoire générale de Napoléon Bonaparte, de sa vie privée et publique, de sa carrière politique et militaire, de son administration et de son gouvernement. Guerre d'Italie. T. 1. Paris: Ponthieu et Cie, 1827. 432 p.

108. Turnbull P. Solferino: The Birth of a Nation. New York: St. Martin's Press, 1985. 205 p.

109. Vandevelde A. Précis historique et critique de la guerre en Italie en 1859. Bruxelles: Charles Muquardt, 1860. 318 p.

110. Willisen W. Die Feldzüge der Jahre 1859 und 1866. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1868. 303 S.

111. Wylly H. C. The Campaign of Magenta and Solferino, 1859. London: Swan Sonnenschein & Co., Ltd.; New York: The Macmillan Company, 1907. 233 p.

112. Бабина А. В. Наполеон III: Триумф и трагедия. М.: Этерна, 2021. 896 с.

113. Барг М. А. Категории и методы исторической науки. М.: Наука, 1984. 344 с.

114. Военная энциклопедия. Т. 1, 16. СПб.: Товарищество И. Д. Сытина, 1911–1914. Т. 1. 320 с.; Т. 16. 362 с.

115. Дебидур А. Дипломатическая история Европы. Священный союз от Венского до Берлинского конгресса, 1814–1878 гг. Т. 2. М.: Государственное издательство иностранной литературы, 1947. 544 с.

116. Драгомиров М. И. Австро-прусская война. 1866 год. М.: Вече, 2011. 320 с.

117. Драгомиров М. И. Военные заметки. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1894. 30 с.

118. Драгомиров М. И. Сборник оригинальных и переводных статей М. Драгомирова. 1858–1880. Т. 1. СПб.: Типография В. С. Балашова, 1881. 634 с.

119. Драгомиров М. И. Сольферинская битва (с двумя планами). СПб.: Типография Николая Тиблена и комп., 1861. 88 с.

120. Иванов В. В. Методология исторической науки. М.: Высшая школа, 1985. 166 с.

121. История Италии: в 3 т. Т. 2 / под ред. К. Ф. Мизиано (отв. ред.), И. В. Григорьевой, Н. П. Комоловой, З. М. Цыпкиной. М.: Наука, 1970. 609 с.

122. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987. 435 с.

123. Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. 472 с.

124. Мазур Л. Н. Методы исторического исследования: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. 608 с.

125. Манфред А. З. История Франции: в 3 т. Т. 2. М.: Наука, 1972. 432 с.

126. Медяков А. С. История международных отношений в Новое время. М.: Просвещение, 2007. 463 с.

127. Менщиков И. С. Введение в методологию истории: учебное пособие. Курган: Изд-во Курганского государственного университета, 2015. 208 с.

128. Могильницкий Б. Г. Введение в методологию истории. М.: Высшая школа, 1989. 175 с.

129. Мольтке Г. Итальянская война 1859 года. СПб.: Типография Департамента Генерального штаба, 1862. 162 с.

130. Обзор кампании 1859 года в Италии / пер. с фр. Генерального штаба капитаном В. Клембовским. СПб.: В. Березовский, 1890. 260 с.

131. Потёмкин В. П. История дипломатии. Т. 1. М.: Соцэкгиз, 1941. 565 с.

132. Пристер Е. Краткая история Австрии. М.: Издательство иностранной литературы, 1952. 509 с.

133. Репина Л. П. История через личность: историческая биография сегодня. М.: Квадрига, 2010. 720 с.

134. Репина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю. История исторического знания: пособие для вузов. М.: Дрофа, 2004. 288 с.

135. Самсонов В. И. Английская железная дорога в Балаклаве в эпоху Крымской войны. Севастополь: Севастопольское музейное объединение, 1931. 19 с.

136. Свечин А. А. Эволюция военного искусства. Т. 2. М.: Государственное издательство, 1928. 619 с.

137. Черкасов П. П. Александр II и Наполеон III. Несостоявшийся союз (1856–1870). М.: Товарищество научных изданий КМК, 2015. 450 с.

Научные статьи

138. Baradat P. Du Second Empire à la réorganisation de 1875: L’émergence d’une arme // Revue historique des armées. 1978. № 3. P. 57–76.

139. Barelli H. L’école française fut-elle un élément d’intégration privilégiée? L’exemple du Comté de Nice (1860–1914) // Raison présente. 1988. № 86. P. 145–159.

140. Barker N. The Empress Eugénie and the Italian War // The Historian. 1957. Vol. 18. No. 3. P. 290–306.

141. Bern J.-B. Le plébiscite d’avril 1860, expression de la volonté populaire ou «votation truquée»? Quelques indications tirées du Fonds Dupasquier. Communication présentée à l’Académie des Sciences, Belles-Lettres et Arts de Savoie. 2021. 55 p.

142. Berthold D. Melville, Garibaldi, and the Medusa of Revolution // American Literary History. 1997. Vol. 9. No. 3. P. 425–459.

143. Blumberg A. Russian Policy and the Franco-Austrian War of 1859 // The Journal of Modern History. 1954. Vol. 26. No. 2. P. 137–153.

144. Bourrier M. Le comté de Nice: enjeu et théâtre de cinq siècles de guerres pour devenir français (1388–1860) // Fortifications et frontières entre guerre et paix. Actes du 136e Congrès national des sociétés historiques et scientifiques. 2015. P. 21–33.

145. Boyer F. Armes et munitions vendues en 1860 par Napoléon III à Victor-Emmanuel II // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 1962. Vol. 9. № 3. P. 211–218.

146. Cameron R. E. French Finance and Italian Unity: The Cavourian Decade // The American Historical Review. 1957. Vol. 62. No. 3. P. 562–569.

147. Carter N., Bryant-Lukosius D., DiCenso A., Blythe J., Neville A. J. The Use of Triangulation in Qualitative Research // Oncology Nursing Forum. 2014. Vol. 41. No. 5. P. 545–547.

148. Ceriani D. I cacciatori delle Alpi. Parte prima // Ars Historiae. 2006. Aprile–giugno. № 26. P. 26–30.

149. Conti F. The Religion of the Homeland: The Cult of «Martyrs of Freedom» in Nineteenth-century Italy // Journal of Modern European History. 2014. Vol. 12. No. 3. P. 398–417.

150. De Leonardis M. Il quadro politico-diplomatico della situazione italiana ed europea nel 1859 // 150° anniversario della II Guerra d’Indipendenza. Atti del Convegno nazionale CISM. Roma, 2010. P. 23–34.

151. Effros B. «Elle pensait comme un homme et sentait comme une femme»: Hortense Lacroix Cornu (1809–1875) and the Musée des Antiquités

Nationales de Saint-Germain-en-Laye // Journal of the History of Collections. 2012. Vol. 24. № 1. P. 25–43.

152. Felloni G. Scritti di storia economica // Atti della Società Ligure di Storia Patria. Nuova Serie. Vol. XXXVIII (CXII). Fasc. II. Genova, 1998. P. 1009–1347.

153. Ferragu G. Rome et la romanité, de Napoléon III aux sœurs latines // Histoire et archéologie méditerranéennes sous Napoléon III. 2011. P. 23–35.

154. Ferrary J.-L. Le créateur de l'EPHE : Victor Duruy, ministre de Napoléon III et historien de Rome // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 2018. № 3. P. 1217–1231.

155. Fohlen C. B. Recent Research in the Economic History of Modern France // The Journal of Economic History. 1968. Vol. 28. No. 2. P. 502–515.

156. Guettard J. Les conditions d'intervention du Comité international de la Croix Rouge avant belligérance // Annuaire français de droit international. 1956. Vol. 2. P. 353–366.

157. Hazareesingh S. "A Common Sentiment of National Glory": Civic Festivities and French Collective Sentiment under the Second Empire // The Journal of Modern History. 2004. Vol. 76. No. 2. P. 280–311.

158. Jordan J. E. Matrimony and Machiavellianism: The Marriage of Prince Napoleon // Proceedings of the American Philosophical Society. 1971. Vol. 115. No. 4. P. 317–323.

159. Koch U. E. Satire et pouvoir à Berlin: des passions de 1848 à l'ordre bismarckien // Matériaux pour l'histoire de notre temps. 1992. № 28. P. 12–15.

160. Laronde A. Qui conseillait Napoléon III en matière d'archéologie et d'histoire? // Histoire et archéologie méditerranéennes sous Napoléon III. 2011. P. 57–67.

161. Le Bohec Y. Napoléon III et Alésia // Histoire et archéologie méditerranéennes sous Napoléon III. 2011. P. 95–108.

162. Le Brazidec M.-L. Viollet-le-Duc, les fouilles de Champlieu et du camp de Saint-Pierre et le dessein archéologique de Napoléon III // Idées et débats. 2008. P. 83–95.

163. Leclant J. Allocution d'ouverture // Histoire et archéologie méditerranéennes sous Napoléon III. 2011. P. 7–12.

164. Leonarduzzi L. 1860: l'annexion de la Savoie à la France, concrétisation de la politique des nationalités et refonte du système d'équilibre européen, vu par la presse française et britannique // Sciences de l'Homme et Société. 2021. 61 p.

165. Levillain L. La conversion et le baptême de Clovis // Revue d'histoire de l'Église de France. 1935. T. 21. № 91. P. 161-192.

166. Lieven D. Dilemmas of Empire 1850–1918. Power, Territory, Identity // Journal of Contemporary History. 1999. Vol. 34. No. 2. P. 163–200.

167. Maritan M. National Indifference, Legibility and Opportunism at the Dawn of Nation States: The Re-Shaping of Habsburg Trieste in the 1860s // Nationalism and Ethnic Politics. 2022. P. 413–431.

168. Meslé F., Vallin J. Reconstitution of Annual Life Tables for Nineteenth-Century France // Population: An English Selection. 1991. Vol. 3. P. 33–62.

169. Mégevand C. 150ème anniversaire de l'Annexion de la Savoie à la France // L'Écho de Montailloux. Bulletin spécial. Mai 2010. 20 p.

170. Nadalini G. L'acquisition du musée Campana et ses implications dans la recherche archéologique du Second Empire // Histoire et archéologie méditerranéennes sous Napoléon III. 2011. P. 69–94.

171. Ortolani M. La visite de Napoléon III à Nice, une consécration symbolique de l'annexion // Nice Historique. 2010. № 486. P. 155–189.

172. Pammer M. Constitutionalism and state finances in the Austrian Empire and the Austro-Hungarian Monarchy, 1815–1914 // Polity and State Finance in the Peripheries of the Global Economy. XVIII World Economic History Congress. Boston, August 2, 2018. P. 1–19.

173. Pantalacci J.-P. Les relations entre Napoléon III et le pape Pie IX: les palinodies et les ambiguïtés d'une diplomatie à la dimension européenne. P. 46–54.

174. Pécout E. The International Armed Volunteers: Pilgrims of a Transnational Risorgimento // Journal of Modern Italian Studies. 2009. Vol. 14. No. 4. P. 413–426.

175. Pécout G. Cavour, Napoléon III et le rattachement de Nice à la France // Actes du colloque Histoire et archéologie méditerranéennes sous Napoléon III. 2011. P. 1–21.

176. Pflanze O. Bismarck and German Nationalism // The American Historical Review. 1955. Vol. 60. No. 3. P. 548–566.

177. Pingaud A. Un projet d'alliance franco-russe en 1858 // Séances et travaux de l'Académie des sciences morales et politiques. 1928. 20 p.

178. Pounds N. J. G. The Origin of the Idea of Natural Frontiers in France // Annals of the Association of American Geographers. 1951. P. 146–157.

179. Rath J. The Carbonari: Their Origins, Initiation Rites, and Aims // The American Historical Review. 1964. Vol. 69. No. 2. P. 353–370.

180. Rosonczy I. Russian Arms for Franz Joseph in 1849. URL: https://hungarianreview.com/article/russian-arms-for-franz-josephin-1849/ (дата обращения: 20.05.2026).

181. Sabetti F. The Making of Italy as an Experiment in Constitutional Choice // Publius: The Journal of Federalism. 1982. Vol. 12. No. 3. P. 65–84.

182. Sève M. Les missions scientifiques en Grèce du Nord et en Macédoine sous Napoléon III // Histoire et archéologie méditerranéennes sous Napoléon III. 2011. P. 109–124.

183. Simpson F. A. England and the Italian War of 1859 // The Historical Journal. 1962. Vol. 5. No. 2. P. 111–121.

184. Sturdza M. D. La Russie et la désunion des principautés roumaines, 1864–1866 // Cahiers du monde russe et soviétique. 1971. Vol. 12. № 3. P. 247–285.

185. Thurston G. J. The Italian War of 1859 and the Reorientation of Russian Foreign Policy // The Slavonic and East European Review. 1977. Vol. 55. No. 2. P. 121–144.

186. Tombs R. À la recherche d’une famille politique nationaliste: les cas britannique, français et allemand de 1800 à 1870 // Les familles politiques en Europe occidentale au XIXe siècle. Rome, 1997. P. 315–333.

187. Valsecchi F., Boyer F. La paix de Zurich (1859) // Revue d’histoire moderne et contemporaine. 1960. T. 7. № 2. P. 111–122.

188. Гладышев А. В. Антропологический поворот в военной истории // Диалог со временем. 2017. Вып. 59. С. 136–150.

189. Горшкова Е. А. К вопросу об участии Сардинского королевства в Крымской войне в 1854–1855 гг. // Евразийский союз ученых. 2016. № 4 (25). С. 140–141.

190. Гулыга О. А. Многоязычие во Франции в прошлом и настоящем. Краткий очерк // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. 2022. № 2 (17). С. 48–66.

191. Дичковская Е. А. Содержательно-смысловые границы концепта «campanilismo» в национальной картине мира итальянцев // Труд. Профсоюзы. Общество. 2013. № 2. С. 85–87.

192. Дударев В. С. Стала ли Венская система международных отношений системой? // Преподаватель XXI век. 2024. № 4. Ч. 2. С. 355–367.

193. Крехов С. С. Итальянская кампания 1859 г. на страницах русской печати: восприятие и интерпретация // XIV Международная научно-практическая конференция «Исторический опыт мировых цивилизаций и Россия». 2025. С. 148–156.

194. Крехов С. С. Крепости «Квадрилатеро» в Итальянской кампании 1859 г. // Aetates. Itinera. Imagines = Эпохи. Путешествия. Образы. Ярославль, 2024. С. 85–88.

195. Крехов С. С. Образ Цезаря в творчестве Наполеона III // Диалог со временем. 2025. № 93. С. 402–409.

196. Крехов С. С. От Севастополя до Сольферино: Итальянская кампания 1859 г. в зеркале русской военной мысли // Вестник КГУ. 2025. Т. 31. № 4. С. 20–24.

197. Крехов С. С. Принцип национальностей во внешней политике Наполеона III // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Т. 18. № 4. С. 588–593.

198. Крехов С. С. Русский взгляд М. И. Драгомирова на Итальянскую кампанию 1859 г. // Вестник ЯрГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Т. 20. № 3. С. 404–411.

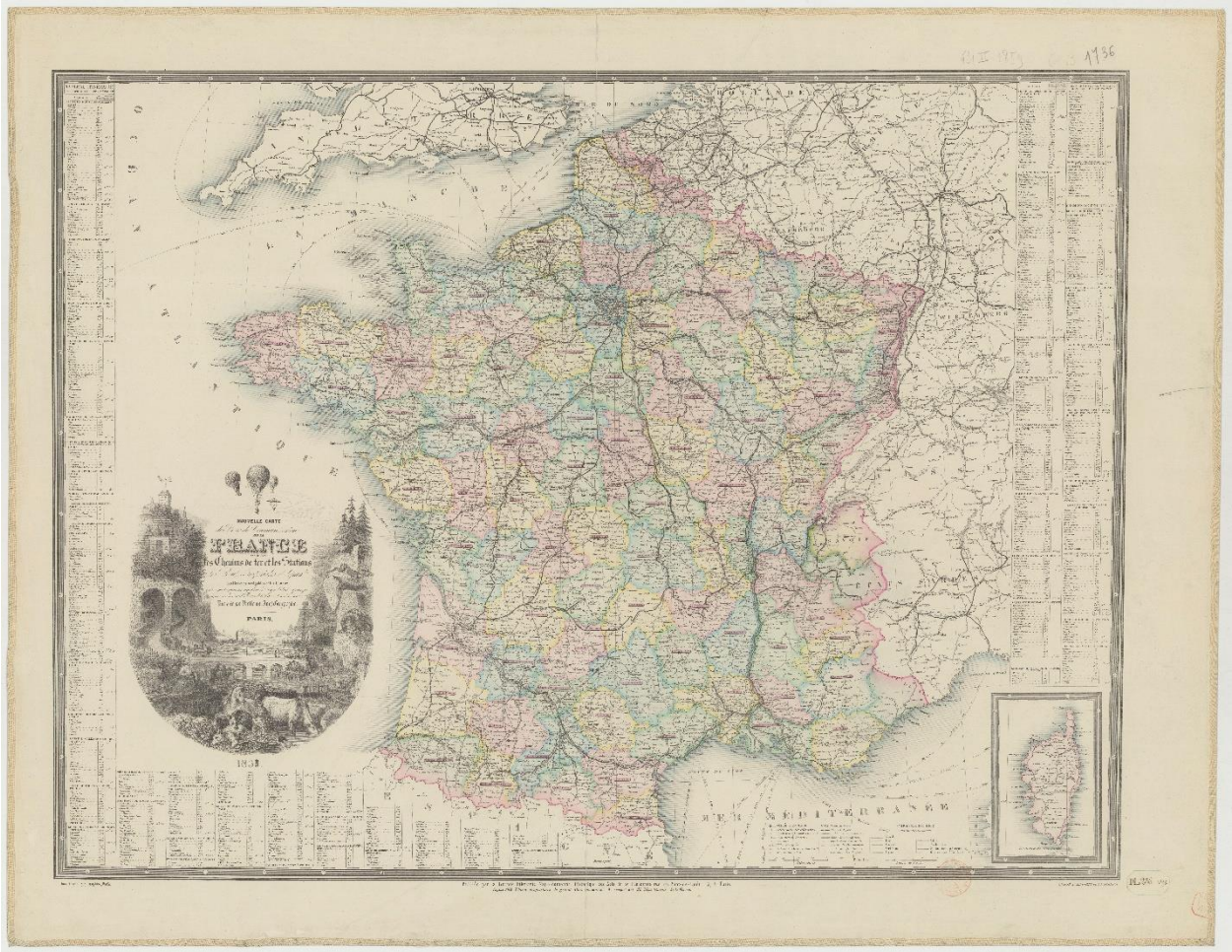
199. Матвеев В. Д. Сардинское королевство и его экспедиционный корпус в Крымской войне в 1855–1856 гг. // Вопросы истории. 2004. № 8. С. 113–124.

200. Цымбурский В. Л. Сверхдлинные военные циклы и мировая политика // Полис. Политические исследования. 1996. № 3. С. 1–31.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение А

Карта путей сообщения Франции, 1859 г.[363]

[363] Vuillemin A., Picard E. Nouvelle carte des voies de communication de la France indiquant les chemins de fer et les stations, les rivières navigables et les canaux. Paris, 1859.

Приложение Б

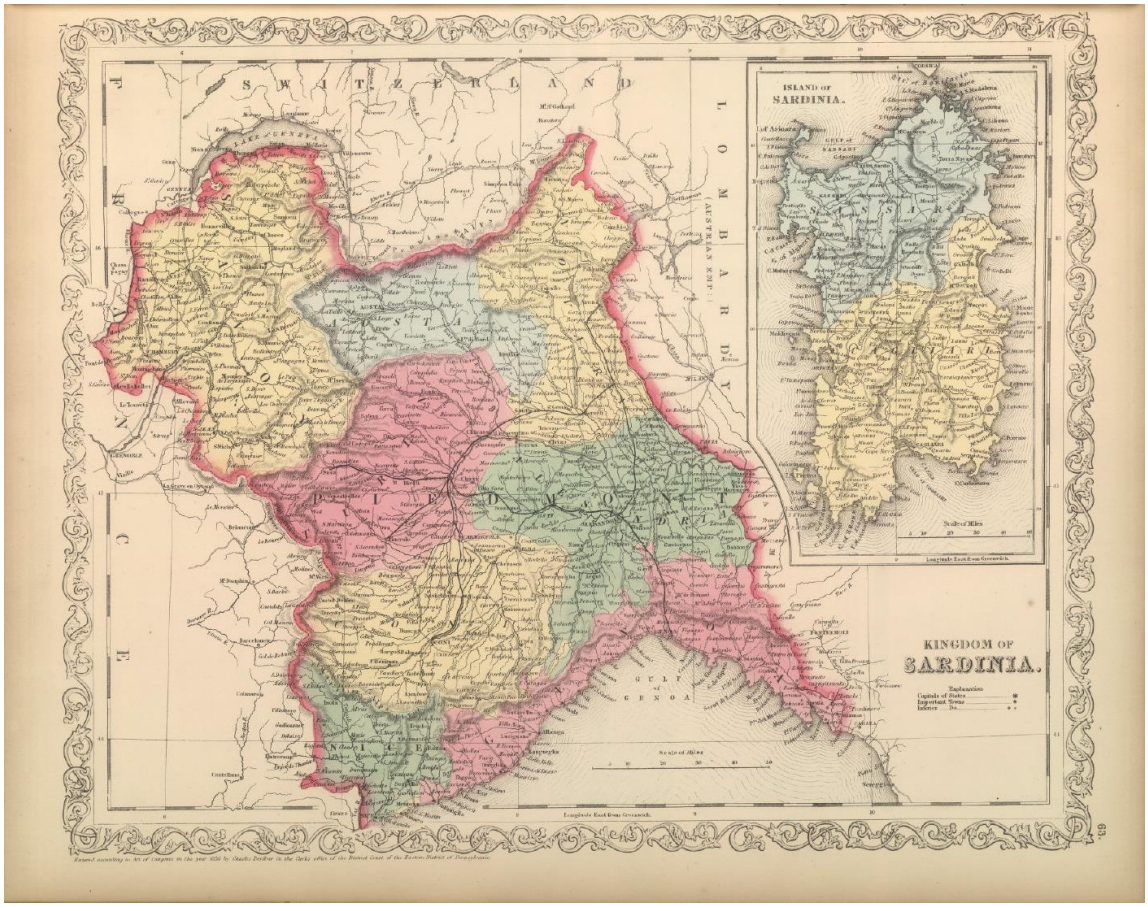
Карта Австрийской империи, 1859 г.[364]

[364] Weller E. The Austrian Empire // Blackie W. G. The Imperial Atlas of Modern Geography. Glasgow; Edinburgh; London: Blackie & Son, 1859. No. XXIII.

Приложение В

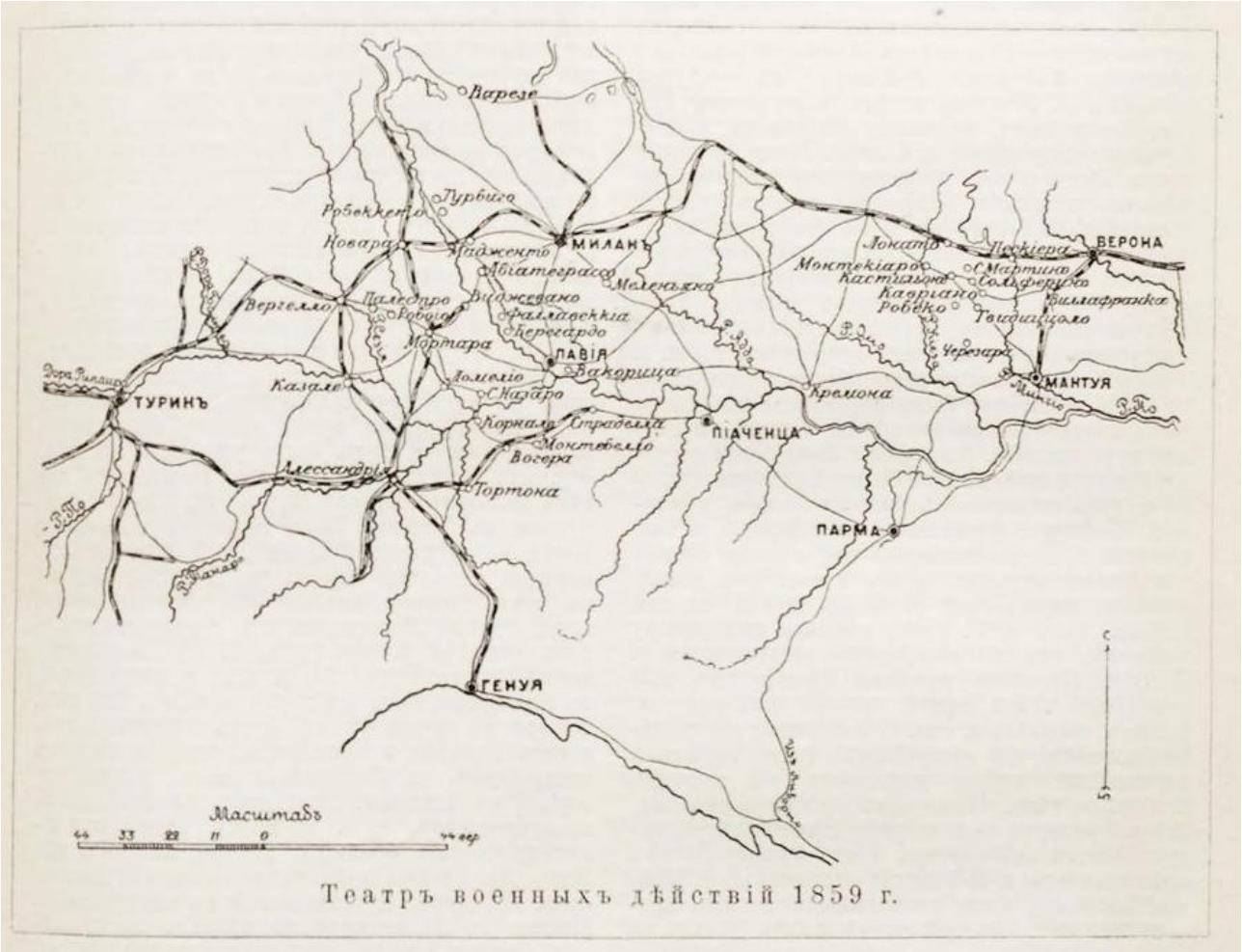
Карта Сардинского королевства, 1859 г.[365]

[365] Mitchell S. A. Kingdom of Sardinia // Mitchell's New Universal Atlas. Philadelphia: Charles Desilver, 1859.

Приложение Г

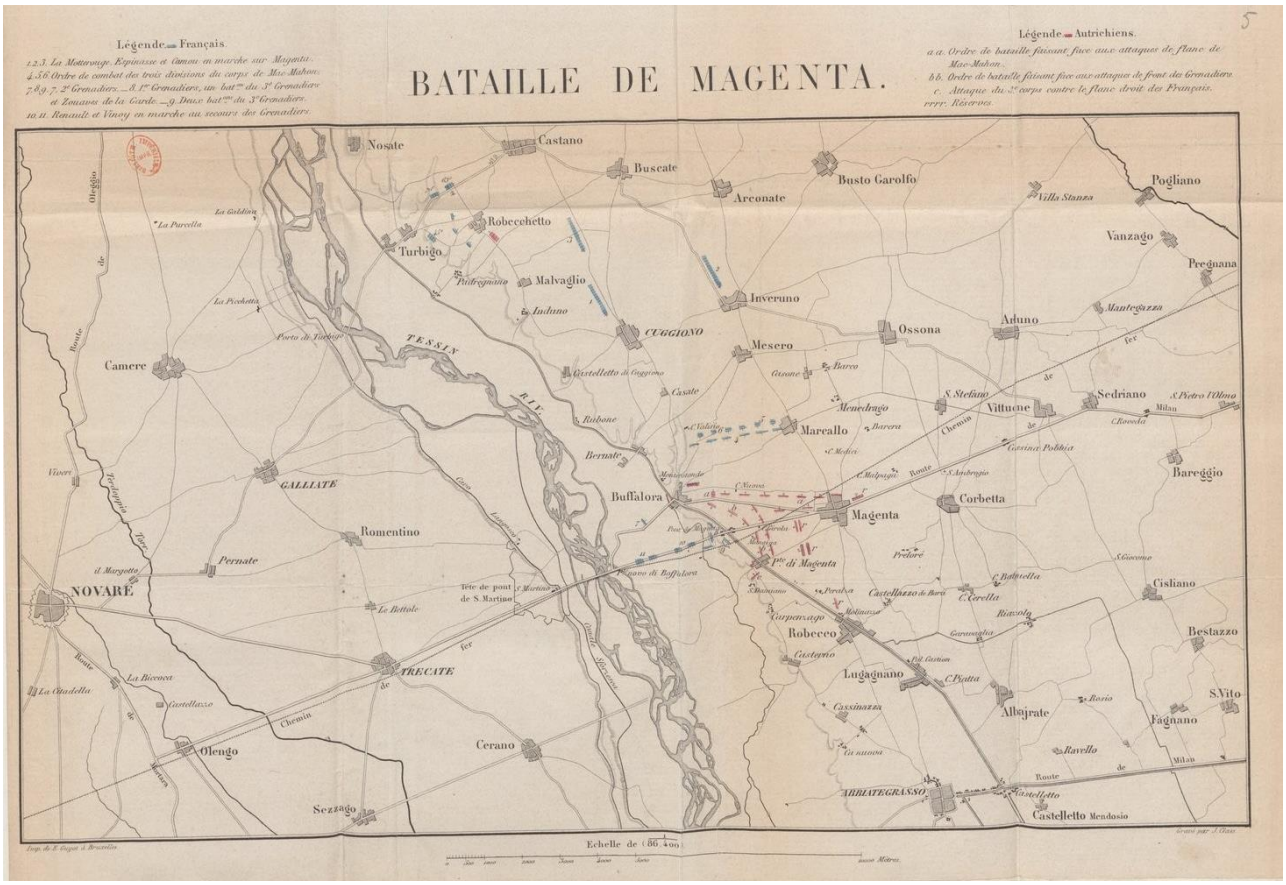
Театр военных действий Итальянской кампании 1859 г.[366]

[366] Военная энциклопедия. Т. 1. 1911. С. 89.

Приложение Д

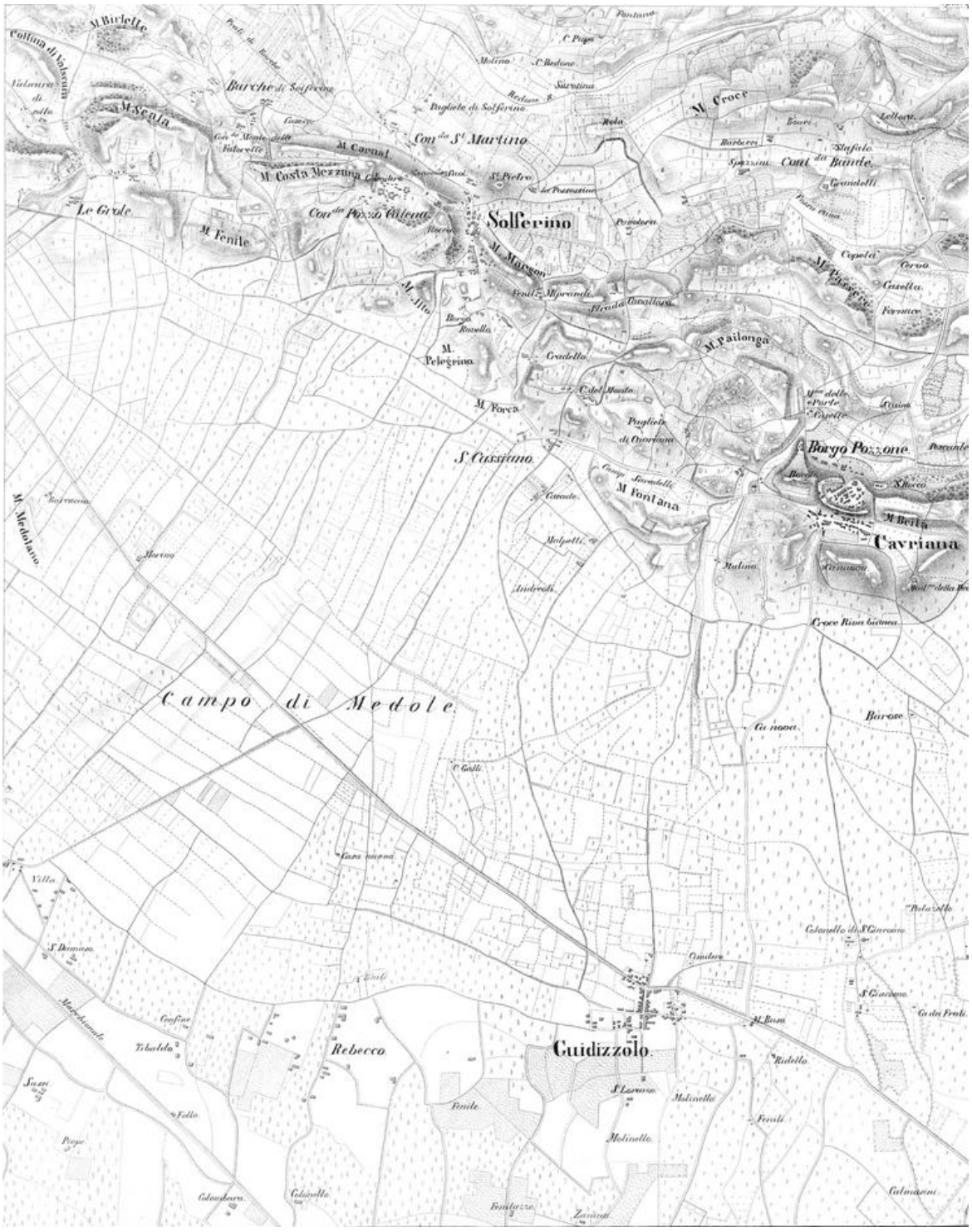
Сражение при Маджента 4 июня 1859 г.[367]

[367] Vandevelde A. Précis historique et critique de la guerre en Italie en 1859. URL: https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6518178g/f356.item.texteImage (дата обращения: 07.09.2026).

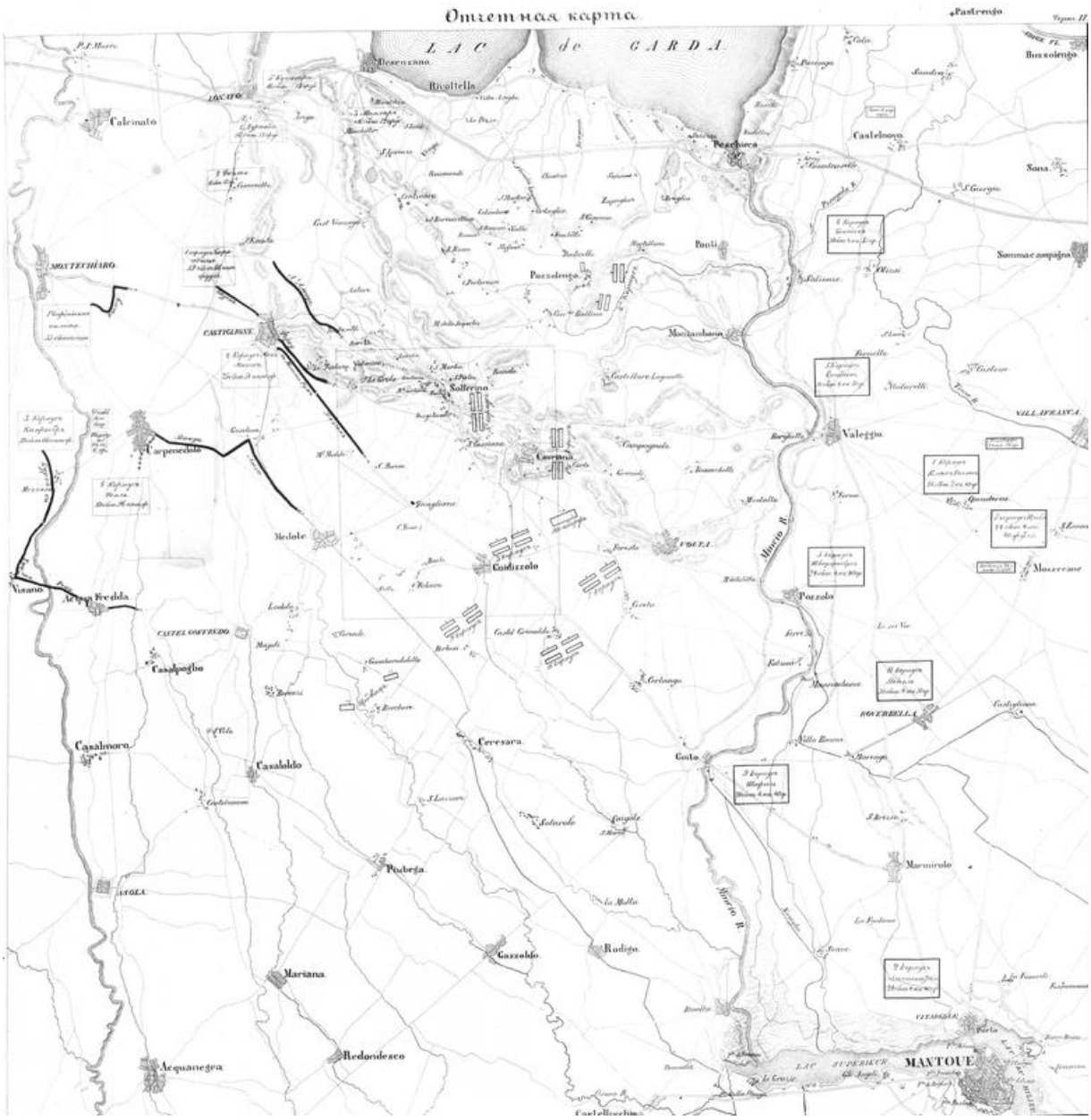
Приложение Е

Сольферинское сражение 24 июня 1859 г.

Общая карта Сольферинского сражения 24 июня 1859 г.[368]

[368] Драгомиров М. И. Сольферинская битва (с двумя планами). СПб.: Типография Николая Тиблена и комп., 1861. План 1.

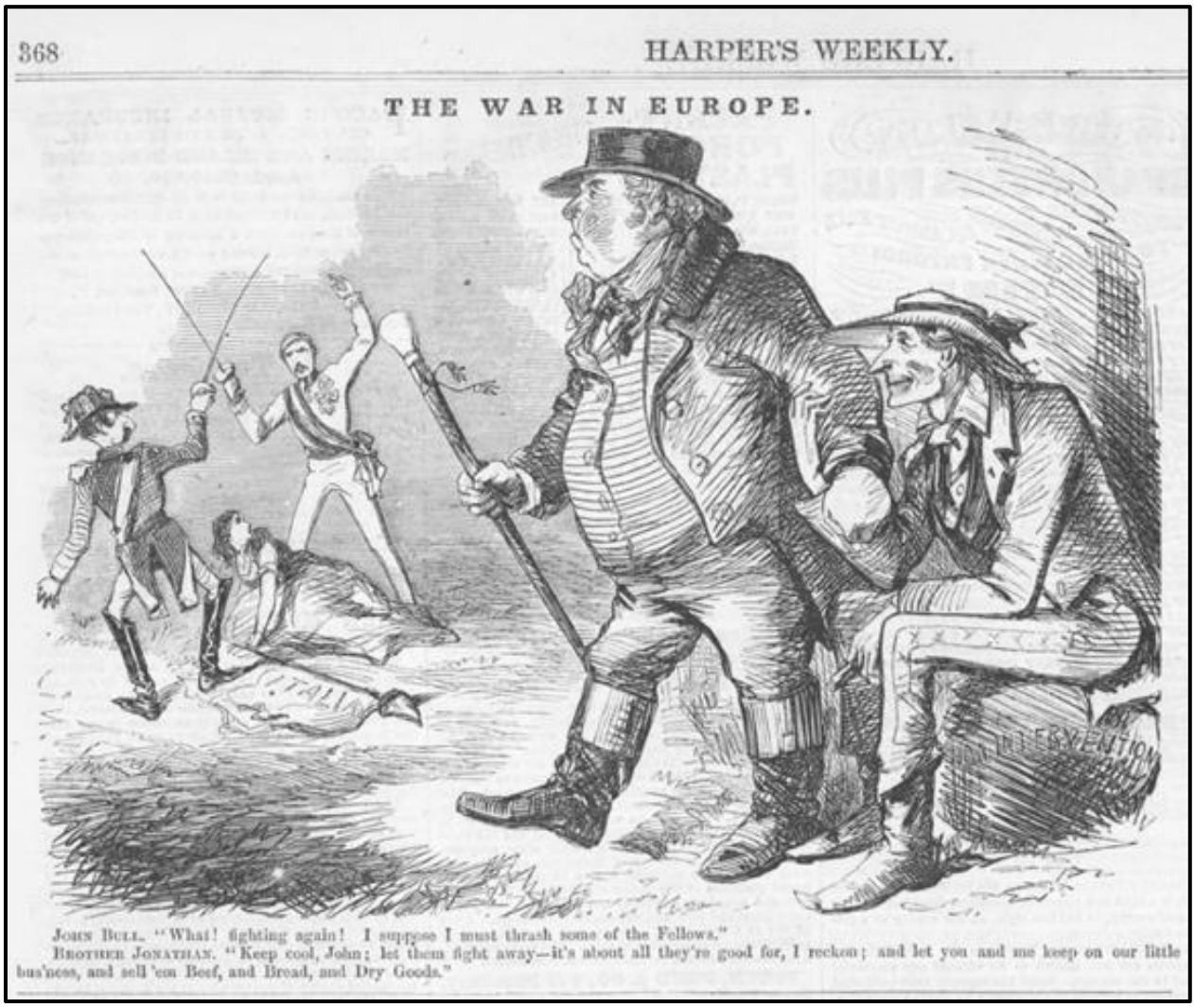

План центрального участка Сольферинского сражения:
Сольферино – Кавриана – Гуидиццоло[369]

[369] Там же. План 2.

Приложение Ё

Война в Европе[370]

[370] Harper's weekly. URL: https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=mdp.39015027985541&seq=358 (дата обращения 03.10.2026).

Птицы одного пера[371]

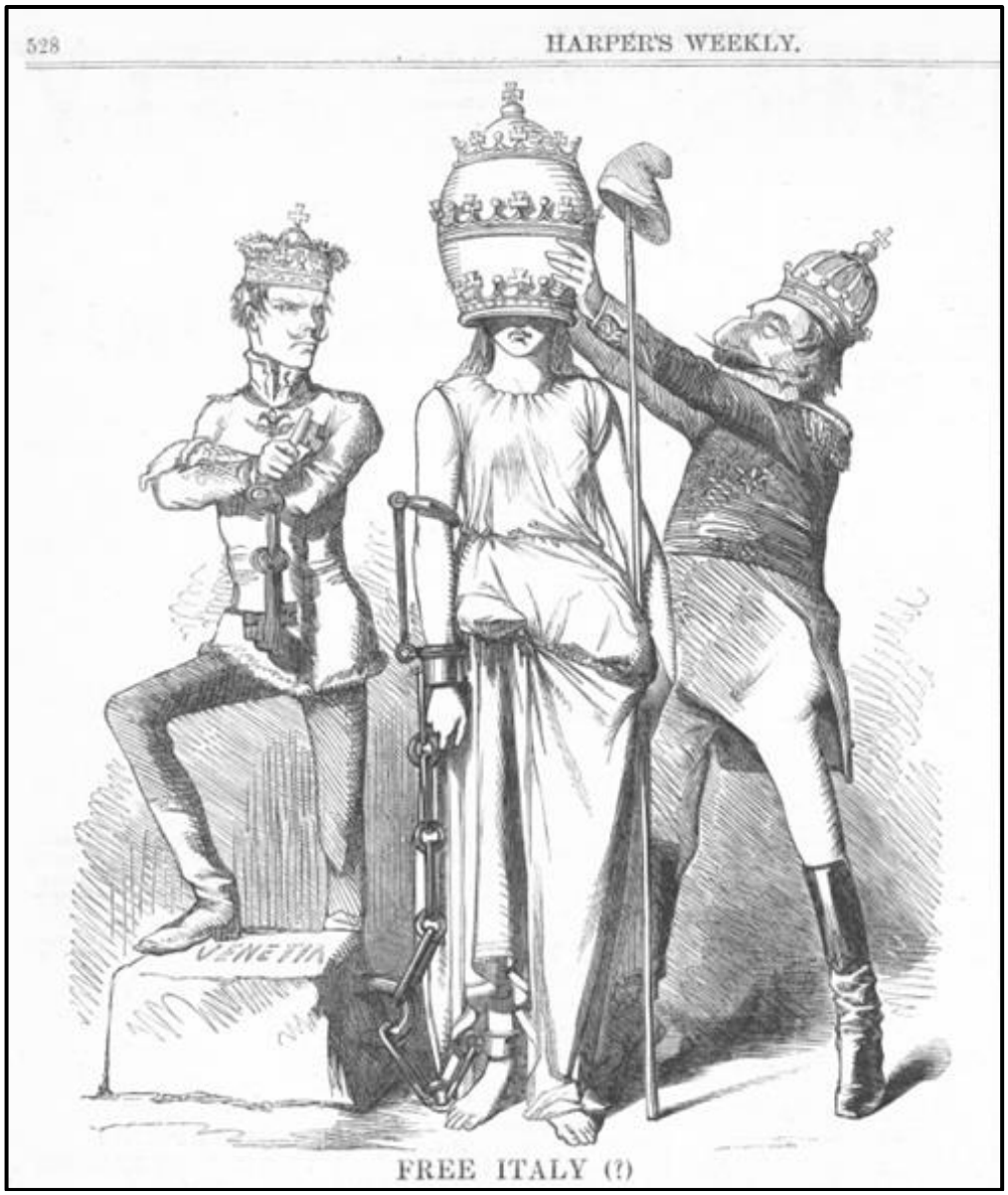

[371] Punch. URL: https://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/punch1859/0193/image,info (дата обращения 03.10.2026).

Великан и карлик[372]

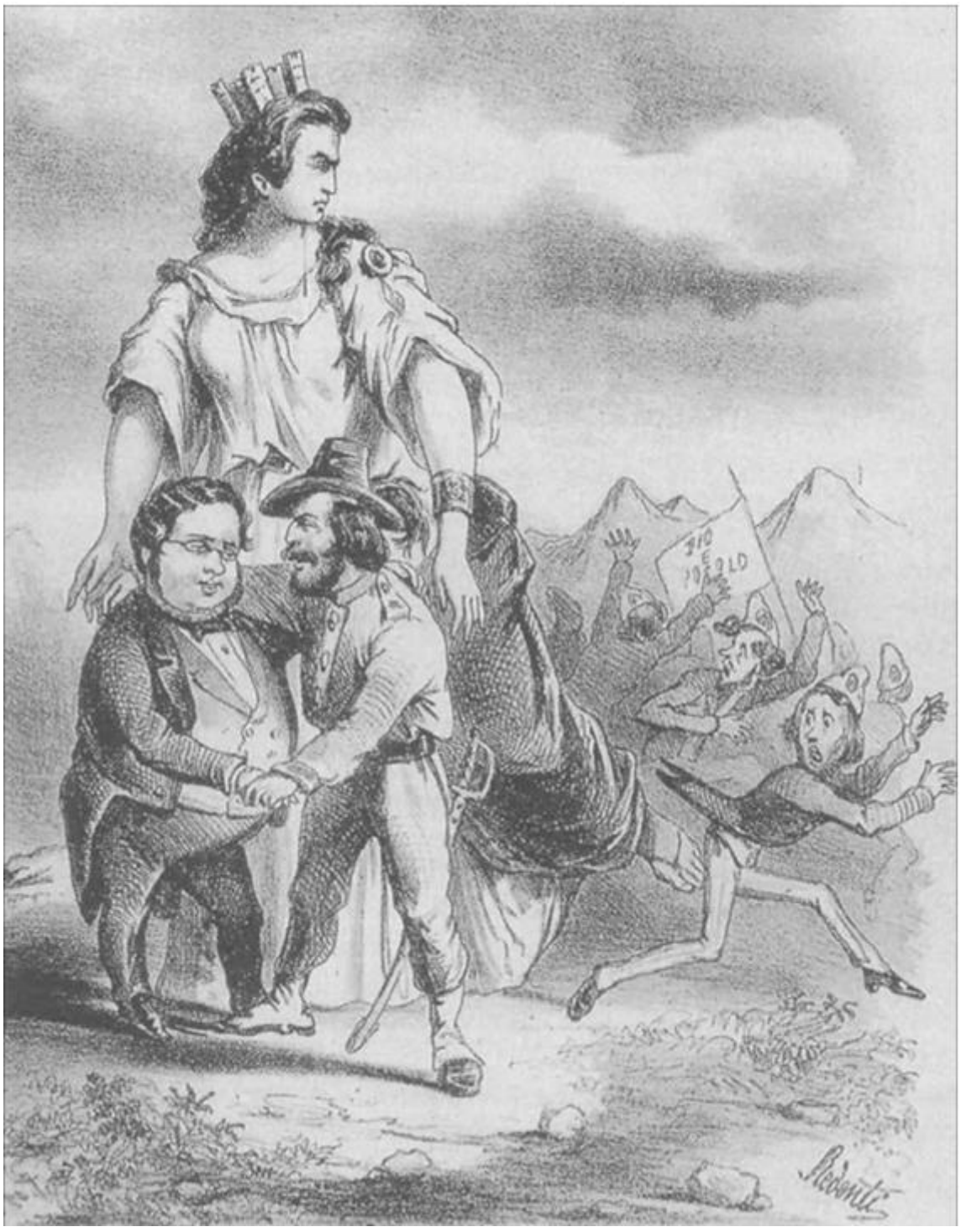

[372] Punch. URL: https://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/punch1859/0247/image,info (дата обращения 03.10.2026).

Свободная Италия (?)[373]

[373] Harper's weekly. URL: https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=mdp.39015027985541&seq=514 (дата обращения 03.10.2026).

Италия увенчанная башнями[374]

[374] Macina R. L'Unità d'Italia in Terra di Bari. Un caso particolare. Modugno fra il 1860 e il 1861. Modugno: Edizioni Nuovi Orientamenti, 2011. P. 15.